

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
О Т Д Е Л Е Н И Е Л И Т Е Р А Т У Р Ы И Я З Ы К А
П У Ш К И Н С К А Я К О М И С С И Я

В Р Е М Е Н Н И К
П У Ш К И Н С К О Й
К О М И С С И И

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград 1972

Редактор
академик М. П. АЛЕКСЕЕВ

7-2-2
280—72

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск «Временника Пушкинской комиссии» (восьмой по общему счету) сохраняет прежнюю программу этого издания. Он посвящен итогам изучения жизни и творческой деятельности Пушкина, а также проблемам популяризации его наследия в 1970 г.

Первый отдел «Временника» содержит в себе публикации и научные описания новонайденных автографов Пушкина: неизвестного ранее письма поэта к его шурину, Дмитрию Николаевичу Гончарову, 1833 г., весьма важного в биографическом отношении (подготовлено к печати М. А. Дементьевым, И. М. Ободовской и Т. Г. Цявловской), а также нового автографа стихотворения «Полководец» (найденного И. Т. Трофимовым; публикация Н. Н. Петруниной). В этом же отделе помещены основанная на зарубежных архивных источниках статья Г. М. Воронцова-Вельяминова («Пушкин в воспоминаниях дочери Николая I»), а также «Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине» (подготовлены к печати Э. Г. Герштейн и В. Э. Вацуро), извлеченные из черновых рукописей поэтессы и заключающие в себе интересные наблюдения, сближения, фрагменты, наброски, замыслы ее неосуществленных статей о Пушкине. Здесь же печатаются статья Е. И. Гавриловой, на материалах черновых рисунков архива К. П. Брюллова заново освещающая историю отношений художника к поэту, и разыскания Р. Ю. Данилевского, комментирующего одну до сих пор недостаточно разъясненную запись дневника Пушкина.

В отделе «Обзоры», как и в прежних выпусках «Временника», публикуется очередной библиографический перечень В. В. Зайцевой — «Книги о Пушкине 1970 года», а также критико-библиографическое обозрение переводов стихотворений Пушкина на латинский язык, сделанное Я. М. Боровским. В отделе «Мелкие заметки» собраны статьи разных авторов, посвященные частным вопросам истолкования отдельных произведений Пушкина, а также анализу их возможных источников: таковы заметка о его лицевой эпиграмме, написанной, очевидно, в подражание эпиграмме Бомарше (А. Гляссе), заметки о неучтенных следах

воздействия Парни на «Руслана и Людмилу» (Д. М. Шарыпкина), новое истолкование перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского» (Я. Л. Левкович); сюда же отнесена статья П. П. Ширмакова «А. И. Куприн о Пушкине», представляющая интерес для истории восприятия Пушкина в начале XX в. и развития в те годы научного пушкиноведения.

Заключает книгу отдел «Хроника», в котором дан краткий обзор деятельности Пушкинских музеев в СССР.

Как и во всех предшествующих выпусках «Временника», в настоящем восьмом выпуске все цитаты из Пушкина даются по «Полному собранию сочинений» Пушкина (тт. I—XVI, изд. АН СССР, 1937—1949) — если цитируемое издание не оговорено особо — в такой форме: Акад., том, страница (или номер письма); при многократных ссылках — без повторения условного обозначения «Акад.».

І. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. А. ДЕМЕНТЬЕВ и И. М. ОБОДОВСКАЯ

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА К Д. Н. ГОНЧАРОВУ

За последние годы находки новых неизвестных автографов Пушкина стали чрезвычайно редкими; тем не менее при систематическом и тщательном просмотре старых семейных бумаг и архивов они еще оказываются возможными; это вполне подтверждает обнаруженное нами в ноябре 1970 г. при разборе архива Гончаровых, хранящегося в Москве в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА), неизвестное ранее, а следовательно, нигде не опубликованное письмо поэта.¹

Архив семьи Гончаровых, изучением которого мы заняты уже несколько лет, чрезвычайно велик: его составляют бухгалтерские книги, различные хозяйственные документы, письма на русском, французском, английском и немецком языках, зачастую написанные мелким, неразборчивым почерком.² В 1970 г. мы приступили к разбору папки под названием: «Фамильные письма Гончаровых на французском языке за 1838 г.», насчитывающей 400 листов. В ней оказались письма родных к Д. Н. Гончарову.

¹ Об этой находке тотчас же сообщили заметки, опубликованные во многих советских газетах и журналах (см., например: Разбирая архивы. «Правда», 1970, № 341, от 7 декабря; М. Деметьев и И. Ободовская. Неизвестное письмо Пушкина. «Литературная газета», 1970, № 50, от 9 декабря, стр. 6 (здесь факсимиле начала этого письма); Л. Бондина. Найдено неизвестное письмо Пушкина. «Литературная Россия», 1970, № 49, от 4 декабря, стр. 10; С. Бэлла. 74 неизвестные строки Пушкина. «Неделя», 1970, № 49, стр. 7). Возникла даже полемика, вызванная первыми комментариями к указанному письму (см.: И. Решетов. Странный комментарий к письму Пушкина. «Литературная газета», 1971, № 30, от 21 июля; Е. Муза. Приходится спорить. «Литературная газета», 1971, № 33, от 11 августа). Тем не менее французский подлинник этого письма полностью еще не был опубликован и здесь воспроизводится впервые.

² Ср.: В. Нечаева. Из Гончаровского архива. В сб.: Московский пушкинист, кн. II. М., 1930, стр. 106—115 (здесь приведены выдержки из книг этого архива — «Приход и расход денег 1832 г.» и «Дорожная книга» 1834—1835 гг.). Ряд документов из Гончаровского архива, в том числе письма Н. Н. Пушкиной к родным, напечатаны в статье М. И. Яшина «Пушкин и Гончаровы» («Звезда», 1964, № 8, стр. 169—189).

В этой папке мы и обнаружили неизвестное письмо Пушкина,³ адресованное брату его жены Натальи Николаевны, Дмитрию Николаевичу Гончарову.⁴

Трудно сказать, почему это письмо не привлекло к себе внимания исследователей, неоднократно обращавшихся к архиву Гончаровых. Возможно, что это произошло потому, что оно лежало в папке 1838 г.; в ней, однако, оказались также письма, написанные в более ранние годы, при жизни поэта. (Письмо Пушкина лежало между письмами к Дмитрию Николаевичу от его брата Ивана, 1835 г., и матери, Натальи Ивановны, 1833 г.). Письмо написано на двух листах белой почтовой бумаги имп. Петергофской фабрики (разм. 220×260 мм).

Приводим это письмо в подлиннике и в русском переводе.

Mon cher Дмитрий Николаевич!

Votre lettre est venue me trouver au moment même où j'allais vous écrire pour vous parler de mes embarras à propos des couches prochaines de Natalie et de l'argent dont je vais avoir grand besoin. — De cette manière nos demandes se seraient croisées. Cependant j'ai réussi à quelque chose. Le Prince Владимир Сергеевич Голицын se trouve à présent ici, et je lui ai parlé de vous et de votre affaire. — Il m'a paru disposé à vous obliger, et m'a dit qu'à la fin de ce mois il serait à Moscou, où vous pourrez vous aboucher. Si vous arrangez cet emprunt, je vous prierais de me prêter pour six mois * 6,000 roubles dont j'ai grand besoin et que je ne sais où prendre; comme il est parfaitement égal au Prince Gallitzine de prêter 35 ou bien 40,000 et même plus** — c'est la source où vous aurez la bonté de puiser s'il est possible. — Je ne puis le faire moi-même car je ne puis lui donner de garantie que ma parole, et je ne veux pas m'exposer à un refus. — Comme vous êtes le chef de la famille à laquelle je me félicite de m'être allié et que vous êtes pour nous un véritable et bon frère, je risque de vous ennuyer pour vous parler de mes affaires. Ma famille augmente, mes occupations me retiennent forcément à Pétersbourg, les dépenses vont leur train, et n'ayant pas cru devoir les restreindre la première année de mon mariage,

³ ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, лл. 269—270 об.

⁴ Д. Н. Гончаров (1808—1859) был старшим сыном Николая Афанасьевича Гончарова и наследником гончаровского майората. Семнадцати лет Д. Н. Гончаров окончил Московский университет и был зачислен в Коллегию иностранных дел; в 1829 г. он получил звание камер-юнкера и прикомандирован был к Н. А. Долгорукову, отправленному в Тегеран после убийства А. С. Грибоедова. В Персии Д. Н. Гончаров оставался до июня 1830 г., а затем числился в Министерстве иностранных дел, в Департаменте внешних сношений и жил в Петербурге. После смерти своего деда (в сентябре 1832 г.), Афанасия Николаевича Гончарова, Дмитрий Николаевич выехал в имение Гончаровых Полотняный Завод (Калужской губ., Медынского у.), а после похорон приехал в Москву, где Московская дворянская опека утвердила его опекуном гончаровского майората (см.: А. В. Среди н. Полотняный Завод. «Старые годы», 1910, июль—сентябрь, стр. 107). С этих пор Д. Н. Гончаров энергично занят был заочными делами этого имения.

* Подчеркнуто Пушкиным.

** et même plus (и даже больше) вписано карандашом.

mes dettes ont augmenté aussi. — Je sais que pour le moment vous ne pouvez rien faire pour nous, ayant sur les bras une fortune fortement dérangée, des dettes, et une famille à soutenir; mais si Наталья Ивановна avait la bonté de faire quelque chose pour Natalie, как бы мало то ни было, cela serait pour nous un grand secours. Vous savez, que connaissant la gêne habituelle où elle se trouve, jamais je ne l'ai importuné, mais la nécessité et même le devoir m'y obligent — car certes ce n'est pas pour moi, mais bien pour Natalie et nos enfants que je songe à l'avenir. Je ne suis pas riche et mes occupations actuelles m'empêchent de me livrer à mes travaux littéraires qui me faisaient vivre. Si je meurs, ma femme reste sur le pavé et nos enfants dans la misère. Tout cela est triste et me décourage. — Vous savez que Natalie devait avoir 300 p^{aysans} de son grand père; Наталья Ивановна m'avait dit d'abord qu'elle lui en donnait 200. Votre grand père n'a pu le faire, et même je n'y ai pas compté; Наталья Ивановна a craint que je ne vende la terre, et que je ne lui donne un voisin désagréable; à cela il serait facile de remédier; il n'y aurait qu'à insérer une clause dans la donation comme quoi Natalie n'aurait pas le droit de vendre la terre. — C'est avec bien de la répugnance que j'ai entamé ce sujet, car au fond je ne suis ni juif, ni usurier, quoiqu'on me l'aye reproché, mais que voulez-vous? Si vous croyez qu'il n'y a rien dans cette lettre qui puisse chagriner Наталья Ивановна, montrez la lui, si non, parlez lui en, et laissez là l'affaire, dès que vous verrez qu'elle lui est désagréable.

Adieu.

Дорогой Дмитрий Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз в то время, когда я собирался Вам писать, чтобы поговорить с Вами о моих затруднениях в связи с предстоящими родами Наташи и о деньгах, которые мне будут крайне нужны. Таким образом, наши с Вами просьбы скрестились. Между тем мне удалось кое-что сделать. Князь Владимир Сергеевич Голицын сейчас находится здесь, и я с ним говорил о Вас и Вашем деле. Он мне показался расположенным оказать Вам услугу и сказал, что в конце месяца будет в Москве, где Вы сможете с ним переговорить. Если Вы устроите этот заем, я Вас попрошу бы одолжить мне на шесть месяцев 6000 рублей, в которых я очень нуждаюсь и которые не знаю где взять; так как князю Голицыну совершенно все равно одолжить 35 или 40 000, и даже больше, это тот источник, из которого Вы будете так добры почерпнуть, если возможно. — Я не могу сделать этого сам, потому что не могу дать ему иной гарантии кроме моего слова и не хочу подвергать себя возможности получить отказ. Так как Вы глава семейства, в которое я имел счастье войти, и являетесь для нас настоящим добрым братом, я решаюсь надоедать Вам, чтобы поговорить о моих делах. Семья моя увеличивается, мои занятия вынуждают меня жить в Петербурге, расходы идут своим чередом, и так как я не считал возможным ограничить их в первый год своей женитьбы, долги также увеличились. Я знаю, что в настоящее время Вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и поддерживая семейство, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, так как, конечно, это не для себя, а только для Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние. Вы знаете, что Наташа должна была получить 300 душ от своего деда; Наталья Ивановна мне

сказала сначала, что она дает ей 200. Ваш дед не смог этого сделать, да я даже и не рассчитывал на это; Наталья Ивановна опасалась, как бы я не продал землю и не дал ей неприятного соседа; этого легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю. Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали, но что поделаешь? Если Вы предполагаете, что в этом письме нет ничего такого, что могло бы огорчить Наталью Ивановну, покажите его ей, в противном случае поговорите с ней об этом, но оставьте разговор, как только Вы увидите, что он ей неприятен.

Прощайте.

Т. Г. Цявловская

КОММЕНТАРИЙ К ПИСЬМУ

Публикуемое письмо поддается относительно точной датировке.

Пушкин называет своего шурина «главой семейства». Значит, уже нет в живых деда Натальи Николаевны Пушкиной, Афанасия Николаевича Гончарова (умер он 8 сентября 1832 г.), уже учреждена опека над «повредившемся в уме» отцом ее, Николаем Афанасьевичем (совершенно это было 1 ноября 1832 г.), опекунство возложено на старшего сына его, двадцатичетырехлетнего Дмитрия, который и вступил в управление имениями и деньгами семейства.

Говорится в письме о предстоящих родах жены Пушкина. Первый ребенок поэта — дочь Мария — родился 19 мая 1832 г. Значит, здесь идет речь о втором ребенке, поскольку в письме говорится о первом годе брака как о только что минувшем (женился Пушкин 18 февраля 1831 г.). Второй ребенок Пушкина — сын Александр — родился 6 июля 1833 г.

Итак, письмо относится к 1833 г., точнее к первой половине года (мы исключаем конец 1832 г. — едва ли стал бы Пушкин так заранее заботиться о деньгах, которые понадобятся ему летом).

Одно обстоятельство документального характера позволяет как будто уточнить датировку письма. Оно написано на бумаге с тисненым штемпелем в левом верхнем углу — одним из клейм императорской Петербургской бумажной фабрики.⁵ Всего два документа написаны Пушкиным на подобной бумаге — письма к графу А. И. Чернышеву от 9 и 27 февраля⁶ 1833 г. А рукописей

⁵ В овале двуглавый орел под императорской короной на спице, выходящей из щитка на груди орла; в правой лапе молнии, в левой венки; по овалу рамка из пунктира; под орлом буквы: «Имп: П: Б: Ф:» (см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937. Приложение. «Описание бумаги», № 175, стр. 329).

⁶ Описание бумаги письма Чернышеву от 27 февраля, находящегося в неизвестном месте за рубежом, экспонировавшегося на выставке «Пушкин и его время» в Праге в 1932 г., см. в кн.: Пушкин. Письма, т. III (1831—1833). Под ред. и с примеч. Л. Б. Модзалевского: «Academia», М.—Л., 1935, стр. 563.

Mon cher Alexandre Pushkin

Votre lettre est venue me trouver au moment même
 où j'allais vous écrire pour vous parler de
 mes embarras à propos des comptes prochains de
 Natalie & de l'argent dont je vais avoir grand
 besoin - De cette manière mes demandes se
 servent voisées. Cependant j'ai résolu à
 quelque chose. Le Prince Borodouine (épouse
 Tamara) se trouve à présent ici, et j'ai
 lui en parlant de vous et de votre affaire -
 Il m'a paru disposé à vous obliger; et m'a
 dit qu'à la fin de l'année il serait à Mos-
 -cou, où vous pourriez vous aboucher. Si
 vous arrangez cet emprunt, je vous prierais
 de me prêter pour six mois, 3,000 roubles
 dont j'ai grand besoin & que je ne sais
 où prendre; comme il est parfaitement
 égal au Prince Goltzinski de prêter 35 ou

Первая страница письма Пушкина к Д. Н. Гончарову.

270⁰⁰
Nous savons que Statalie devoit avoir 300 p.
de son grand père; Kamenskitch lui en avoit
dit 2' ahead qu'elle lui en donnoit 200. Votre
grand père n'a pu le faire, et on ne
n'y a pas compte; Kamenskitch a
cruint que je ne rende lettre, et que je ne
lui donne un voisin d'agréable; à
celà il seroit facile de remédier; il n'y
auroit qu'à inscrire une somme dans la
donation comme pour Statalie à ce point
que le droit de la rendre lettre —
c'est avec bien de la rigueur que
j'ai entamé ce sujet, car au fond
je ne lui ni jure, ni assure, quoiqu'on
me l'ait reproché, mais que vous
vous? Si vous croyez qu'il n'y a rien
dans cette lettre, qui puisse déplaire
Kamenskitch, montrez-le lui, si
non, parlez lui en, et laissez là l'affaire.
Dès que vous verrez qu'elle lui est d'agréable.
Adieu

Вторая страница письма Пушкина к Д. Н. Гончарову.

поэта⁷ известно более 1700, и написаны они на разной бумаге свыше 250 сортов.⁸

Таким образом, письмо Гончарову следует датировать первой половиной 1833 г., предположительно февралем.

Итак, уже за четыре года до смерти, которая застала Пушкина в колоссальных долгах, письмо его посвящено безденежью. Воображение рисует ему страшную участь, ожидающую его жену и детей. Этот ужас — «жена на улице, а дети в нищете» — слышится сквозь спокойное изложение забот отца семейства.

Выход на сегодня найден — занять деньги у В. С. Голицына.

Хоть и был он богат, чрезвычайно доброжелателен, сам, как стихотворец, искал общения с Пушкиным⁹ и, конечно, не отказал бы ему в деньгах, но, подготовив почву для займа Гончарова у Голицына, Пушкин уклонился от непосредственного обращения к последнему для себя: иной гарантии, кроме слова, он дать не может. Щепетильность исключительная!

Занял ли Гончаров у Голицына деньги для Пушкина — мы не знаем. 26 июня Пушкин просит в долг у некоего Ананьина, которого он едва знает,¹⁰ а 12 июля ему пришлось прибегнуть к книгопродавцу Лисенкову и занять у него 3000 рублей.¹¹

Почему оказался Пушкин в таком стесненном положении? Это проясняется при внимательном чтении его писем.

О том, что его обеспечивает литературный труд, а не служба, Пушкин знал давно. Он писал об этом, собираясь в отставку еще в 1824 г. в Одессе: «... не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувствительного человека: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость. <...> я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 в. от столиц. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паек ссылочного невольника» (письмо правителю канцелярии графа Воронцова А. И. Казначееву от 22 мая 1824 г. — Акад., XIII, № 93).

Тем более ясно стало это Пушкину, когда он был в зените славы.

⁷ См.: Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 года. Краткое описание. Составила О. С. Соловьева. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 85.

⁸ См. указанное «Описание бумаги» (Рукописи Пушкина..., М.—Л., 1937, стр. 296—344).

⁹ См. письма В. С. Голицына к Пушкину 1830, 1831 и 1835 гг. (Акад., XIV, №№ 513, 581, 591; XVI, № 1040).

¹⁰ См. письма А. А. Ананьину от 26 июня и первой половины июля 1833 г. (XV, №№ 822, 826).

¹¹ См.: Пушкин. Письма, т. III, стр. 588.

Между тем, женившись, он вновь связал себя службой, поступив в ту же Коллегию иностранных дел, из которой был уволен летом 1824 г. На первых порах он даже доволен: «У меня, слава богу, все тихо... — пишет он ближайшему другу Нащокину 3 сентября 1831 г., — царь (между нами) взял меня в службу, т. е. дал мне жалованья и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай бог здоровья царю!» (XIV, № 674).

Однако письмо, написанное вскоре тому же Нащокину, рисует непрерывные денежные заботы Пушкина в первый год брака: «...я совершенно расстроился: женись, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро. В Москве говорят, что я получаю 10 000 жалованья, но я покамест не вижу ни полушки, если буду получать и 4 000, так и то слава богу» (XIV, № 687).

Хотя Пушкин и был зачислен в службу 14 ноября 1831 г., но точное назначение состоялось лишь 6 июля 1832 г., а первое жалованье получил он только 27 июля. Положили ему платить 5 000 рублей ассигнациями в год.

Настойчивая и неразрешимая тема помыслов и забот женатого Пушкина — жить приходится в Петербурге, а средств для этого нет — проходит в письмах Пушкина сквозь все годы — с женитьбы до смерти... «Жизнь моя в П<етер>Б<урге> ни то, ни сё. Заботы о жизни мешают мне скучать. Но нет у меня досуга, вольной холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь в свете, жена моя в большой моде — всё это требует денег, деньги достаются мне через труды, а труды требуют уединения. Вот как располагаю я моим будущим. Летом, после родов жены, отправлю ее в калужскую деревню к сестрам, а сам съезжу в Нижний, да, может быть, в Астрахань. Мимоездом увидимся и наговоримся досыта. Путешествие нужно мне нравственно и физически» (XV, № 796). Это писал Пушкин П. В. Нащокину около 25 февраля 1833 г., может быть, в те же дни, когда и публикуемое письмо Гончарову.

В середине мая он вновь жалуется П. А. Осиповой: «Не знаю, когда буду иметь счастье явиться в Тригорское, но мне до смерти этого хочется. Петербург совершенно не по мне, ни мои вкусы, ни мои средства не могут к нему приспособиться. Но придется потерпеть года два или три...» (XV, № 817 и стр. 317 — перевод с французского).

Отправить жену в деревню, точнее — в имение Гончаровых Полотняный Завод, Пушкину не удалось. Пришлось снять дорожную дачу в модном месте под Петербургом, на Черной речке. «Дом очень большой: в нем 15 комнат вместе с верхом. Наташа здорова, она очень довольна своим новым помещением», — писала мать Пушкина его сестре 24 июня 1833 г.¹²

¹² «Литературное наследство», т. 16—18, М., 1934, стр. 783.

В задуманную поездку Пушкин выехал не без административных препятствий. Ему пришлось спрашивать разрешения царя посетить архивы Казанской и Оренбургской губерний. В ответ получил он письмо А. Н. Мордвинова, замещавшего Бенкендорфа. Царь спрашивал: «... что побуждает Вас к поездке в Оренбург и Казань, и по какой причине хотите Вы оставить занятия, здесь на Вас возложенные?» (XV, 69).

Пушкин отвечал Мордвинову 30 июля. Начав совершенно прямо, доверительно, он, склоняясь к уровню управляющего III отделением, а — вероятно — царя, говорит о своих служебных архивных занятиях как о «важнейших», а свои литературные труды называет «суетными»: «В продолжении двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной. Мне необходимо месяца два провести в совершенном уединении, дабы отдохнуть от важнейших занятий и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставит мне деньги, в коих имею нужду. Мне самому совестно тратить время на суетные занятия» (в черновике тон, рассчитанный на корреспондента, звучал еще саркастичнее: «Мне [право совестно до] и самому бы не хотелось тратить время на суетны<е> занятия, но что делать?» (XV, № 832a)), «но что делать? они одни доставляют мне независимость и способ проживать с моим семейством в Петербурге <...> нет у меня постоянного дохода; между тем жизнь в столице дорога и с умножением моего семейства умножаются и расходы» (XV, № 832).

Пушкин посетил Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск. Думал он работать в архивах, надеялся найти живых свидетелей пугачевщины — он работал в это время над «Историей Пугачева». Но главная цель была Болдино. Он хотел наконец сесть писать.

Уже две осени — любимейшее, плодотворнейшее время года поэта — прошли впустую: в 1831 и 1832 гг., с самой женитьбы, он не выезжал в деревню.

Вторая болдинская осень, как и первая, оказалась великолепной. Поэт вывез из деревни готовые вещи — «Медного всадника», «Анджело», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне», «Историю Пугачева», «Осень»...

Все яснее становится мечта о необходимости вырваться из пут службы. «Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! Да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринoм! Неприятна зависимость...» (письмо жене 18 мая 1834 г. — XV, № 942); «... я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно.

Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господа бога» (8 июня 1834 г. — XV, № 950).

В эти летние дни суть этих дум и переживаний подневольного поэта выкристаллизовалась в щемящих стихах:

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить. . . И глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

«Я крепко думаю об отставке. Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем. Умри я сегодня, что с вами будет? (Здесь опять отозвалась мучительная мысль, которая год назад прорвалась в письме брату жены. — *Т. Ц.*).

Мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане,¹³ и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку. . .» (тут предчувствуется уже элегия 1836 г. «Когда за городом, задумчив, я брожу. . .»). «Всё Тот (царь, — *Т. Ц.*) виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня восвоеси» (около 28 июня 1834 г. — XV, № 961). Это последнее письмо было написано уже после того, как, не выдержав своего подчиненного положения, Пушкин подал в отставку. Единственное, что оговаривал он для себя, это, чтобы оставили ему возможность посещать архивы (письмо Бенкендорфу 25 июня 1834 г. — XV, № 958). В этом ему отказали. И, под давлением своего старшего друга, благоразумного Жуковского, Пушкин взял свою просьбу об отставке обратно.

Возвращаясь к новому письму Пушкина, мы видим глухие намеки в одной фразе: «Мне чрезвычайно неприятно поднимать этот разговор, так как я же ведь не скряга и не ростовщик, хотя меня в этом и упрекали. . .» — Кто? где? — Мы узнаем в этих словах выражение тещи Пушкина (которая не раз — и до брака даже — осыпала его оскорблениями). Взявшись за перо, чтобы отбиться от новых нападок Натальи Ивановны, Пушкин говорит с ней начистоту: «. . . Я был вынужден уехать из Москвы¹⁴ во избежание

¹³ Камер-юнкерский мундир.

¹⁴ Письмо написано из Царского Села, под Петербургом, куда выехал Пушкин с женой через три месяца после свадьбы, бросив свою первую в жизни квартиру (до тех пор жил он по гостиницам).

неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т. д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. <...> Я проявил большое терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить» (письмо к Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г. — XVI, № 620 и стр. 429 — перевод с французского).

Как в тенетах бился Пушкин все эти годы, борясь за единственно необходимую ему возможность уединения ради того, чтобы спокойно жить и писать.

Н. Н. ПЕТРУНИНА

НОВЫЙ АВТОГРАФ «ПОЛКОВОДЦА»

Неизвестный ранее автограф стихотворения Пушкина «Полководец» был обнаружен И. Т. Трофимовым в ноябре 1969 г. при изучении рукописного фонда великой княгини Елены Павловны (Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства). Статья в «Советских архивах»¹ — наиболее полная из появившихся в печати характеристик находки; ей предшествовал ряд кратких информационных сообщений.²

Новонайденный автограф — полный беловой текст стихотворения в альбоме в. к. Елены Павловны.³ Первая сохранившаяся⁴

¹ И. Трофимов. Автограф А. С. Пушкина. «Сов. архивы», 1970, № 3, стр. 112—114 (с факсимиле 1-й и 5-й стр. автографа).

² См.: С. Энгель. Сомнений нет — Пушкин! «Известия», 1969, № 290. 11 декабря, стр. 4; И. Трофимов. Пушкинский автограф. «Сов. Россия», 1969, 11 декабря, № 289, стр. 4; Б. Белов. Это — Пушкин! «Ленинское знамя», М., 1970, № 32, 8 февраля, стр. 4; И. Трофимов. «Записано Пушкиным собственноручно». «Книжное обозрение», 1970, № 7, 13 февраля, стр. 12 (с факсимиле 2-й стр. автографа); И. Т. Трофимов. «Записано Пушкиным собственноручно». «Литературная газета», 1970, № 26, 24 июня, стр. 6 (с факсимиле фрагмента 2-й стр. автографа); Л. Духовная. «Несомненно — это Пушкин!». «Дружба народов», 1970, № 9, стр. 283.

³ ЦГАОР, ф. 647, оп. 1, ед. хр. 26. Современное архивное наименование: «Дневник в. к. Елены Павловны, фр. яз. 1849—1850 и переписанное Пушкиным А. С. стихотворение „Полководец“ (автограф), [1836]». — Это альбом в коричневом кожаном переплете с тиснениями, частью — золотыми; 203×253 мм; местами потерт, на углах и корешке (верх лицевой обложки) порван; на задней (по ходу заполнения) крышке переплета овальная наклейка английского магазина: «Nicholls & Plinke. A St-Petersbourg. Magasin anglais». Бумага плотная, белая, с золотым обрезом; 199×248 мм; на части листов водяной знак: «J. Whatman Turkey Mill 1835».

⁴ Всего сейчас в альбоме 66 л., из них заполнено и пронумеровано лишь 13; спереди (по ходу заполнения) альбом переплет отделился от тетради. Здесь видны следы вырванных листов и одна свободная нитка из числа сшивающих переплетные тетради. Л. 1 (с началом автографа «Полководца») отпадает от корешка. По-видимому, из альбома было вырвано несколько листов с записями, предшествовавшими пушкинской.

запись в нем — пушкинский автограф; он занимает здесь лл. 1—31. После этого тетрадь уже не использовалась как альбом, в чем можно видеть дань уважения владелицы к памяти Пушкина. Лишь много лет спустя, в конце 1849—начале 1850 года Елена Павловна вновь обратилась к старому альбому и, оставив чистыми три страницы, следующие за текстом «Полководца», сделала в нем ряд записей дневникового характера (лл. 41—132). Остальная часть тетради так и осталась незаполненной.

Имя в. к. Елены Павловны (1806—1873) — жены младшего брата Николая I в. к. Михаила Павловича — не новое имя в пушкиниане. Вюртембергская принцесса, она прибыла к русскому двору в октябре 1823 г. Из лекций Жуковского, преподававшего Елене Павловне русский язык и литературу, она узнала о ссыльном Пушкине (Акад., XIII, № 248), а впоследствии познакомилась с ним лично. К маю 1834 г., когда Пушкин официально по долгу камер-юнкера представлялся великой княгине (XII, стр. 330; XV, №№ 948, 960), они были уже достаточно знакомы: Елене Павловне было известно о занятиях Пушкина историей Пугачева, а у поэта успело сложиться с ней мнение как об «умной женщице», совпадающее с многочисленными свидетельствами современников.⁵ Через полгода Пушкин дает Елене Павловне свой список мемуаров Екатерины II, а она «сходит от них с ума» (XII, стр. 336). Факт этот — свидетельство атмосферы взаимного доверия, установившегося между поэтом и великой княгиней: записки Екатерины II были строго секретным документом, и их единичные копии вылавливались и уничтожались Николаем I.⁶

Из записок Елены Павловны к Жуковскому от 27—29 марта 1837 г. видно, что она с тревогой следила за предсмертными страданиями поэта. «Несчастье с Пушкиным» она восприняла как «ужасное событие, отнимающее у России такое дарование, а у его друзей — такого выдающегося человека».⁷

Текст «Полководца» в альбоме Елены Павловны писан чернилами, без поправок. Рядом с характерным пушкинским росчерком-концовкой — помета владелицы альбома: «écrit par Pouschkin lui même» (писано Пушкиным собственноручно).

Судя по размеру переплетных тетрадок (во всех тетрадках по 6 листов (3:3), в крайней с конца — 4 (3:1), таких вырванных листов было не менее двух: от первой тетрадки сохранилось только два листа.

⁵ См.: Дневник Пушкина. 1833—1835. Под ред. и с объяснит. примеч. Б. Л. Модзалевского. ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 186—189; Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 448—450 (Труды Гос. Румянцевского музея).

⁶ Р. Е. Терехина. Копия «Записок Екатерины II» из архива Пушкина. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1966. «Наука», Л., 1969, стр. 13—14.

⁷ «Литературное наследство», т. 58, стр. 134.

До сих пор были известны два автографа «Полководца». Первый из них — черновой, в рабочей тетради 1833—1835 гг. (ПД 845, ранее ЛБ 2374, лл. 44₂—41₂). Он относится к апрелю 1835 г. и отражает непосредственный процесс создания первоначального текста стихотворения. Второй автограф (отдельный лист ПД 205) — перебеленный — восходит к предыдущему и по времени переписки близок к нему, но в нем можно различить несколько слоев позднейших поправок. Автографы эти не отражают, однако, последней стадии работы Пушкина по шлифовке текста, результаты которой закреплены в печатной редакции «Полководца», появившейся в третьей книжке «Современника» за 1836 г.

Основной вопрос, встающий перед исследователем истории текста стихотворения, — причины, побудившие Пушкина перед отдачей «Полководца» в цензуру исключить из него четыре стиха. После обращения к Барклаю:

Там, устарелый вождь! как ратник молодой
Искал ты умереть средь сечи боевой

в рукописи следовало сопоставление воинской судьбы Барклая и Кутузова:

Вотще! Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. — А ты, непризнанный, забытый
Виновник торжества, почил — и в смертный час
С презрением, может быть, воспоинал о нас.

Уже в последнем слое правки перебеленного автографа Пушкин заменил первые два из цитированных стихов тремя:

Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Свинца веселый свист услышавший впервой,
Бросался ты вперед, ища желанной смерти,

а из последующего четверостишия сохранил лишь восклицание: «Вотще! — ». В таком виде стихотворение появилось в «Современнике». После неоконченного стиха «Вотще! — » здесь следовали две строки отточий.

Исключение цитированного отрывка повлекло за собой соответственное изменение стихов 48—49, в которых первоначально также упоминался Кутузов. Вместо:

Но на полу-пути другому наконец
Был должен уступить и лавровый венец. . .

Пушкин написал:

И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец. . .

По поводу причин, побудивших поэта исключить приведенный выше фрагмент, высказывались две точки зрения. Большинство исследователей, согласно с принятой со времен Н. О. Лернера⁸ трактовкой «Полководца» как стихотворения, направленного против официозного истолкования событий 1812 года, считали выброшенные Пушкиным стихи нецензурными в условиях 1830-х годов. Отказываясь от этих стихов, Пушкин, по их мнению, руководствовался, с одной стороны, соображениями автоцензуры, с другой — падал дочерние чувства своей приятельницы, дочери Кутузова Е. М. Хитрово.⁹ Другого взгляда придерживался Ю. Н. Тынянов. Он полагал, что Пушкин исключил интересующий нас фрагмент не по цензурным, а по художественным соображениям. Пробел и отточия, введенные Пушкиным в текст «Полководца», Тынянов рассматривает как своеобразный графический «эквивалент текста», имеющий двойную функцию, «Пушкин, таким образом: а) выделил отрезок „Вотще“ и паузу, как бы заполняющую один стих, оставив пустое место, б) дал эквивалент строфы. Первое дало ему возможность с необычайной силой выделить отрезок, второе — факт конструкции».¹⁰ Ввиду спорности вопроса Н. В. Измайлов, готовивший «Полководца» для Академического издания, отнес его к числу произведений Пушкина, «текст которых не может быть с уверенностью установлен согласно „последней авторской воле“».¹¹ Он прибегнул к «двойному печатанию» основного текста «Полководца»: напечатав стихотворение по тексту «Современника», Н. В. Измайлов поместил под строкой цитированный выше отрывок перебеленного автографа (III, стр. 379).

В отличие от творческих рукописей «Полководца» обнаруженный И. Т. Трофимовым альбомный автограф — беловик без поправок. За исключением двух мест, он совпадает с текстом «Современника». Первое из них — стих 41. Вместо чтения печатного текста («Народ, таинственно спасаемый тобою») находим здесь более ранний вариант, отмененный уже в перебеленном автографе: «Бессмысленный народ, спасаемый тобою».

Второе отличие новонайденного автографа от текста журнальной публикации состоит в том, что поэт восстановил в нем приведенный выше фрагмент, внося в него два изменения: слово «преемник» он заменил на «соперник», а эпитет «непризнанный» — на «оставленный». Оба эти варианта до сих пор не были известны. Они встречаются только в альбомном автографе.

⁸ Н. О. Лернер. «Полководец». В кн.: Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова. Т. VI. Пгр., 1915, стр. 475—476.

⁹ См., например: В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 4—5. М.—Л., 1939, стр. 149.

¹⁰ Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Статьи. «Сов. писатель», М., 1965, стр. 49.

¹¹ Н. В. Измайлов. Текстология. В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 603.

В итоге стихи 51—56 приняли в альбоме следующий вид:

Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Искал ты умереть средь сечи боевой;
Вотще! Соперник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей; а ты, оставленный, забытый,
Винovníк торжества, почил — и в смертный час,
С презрением, может быть, вспоминал о нас.

Каково же значение новонайденного автографа? И. Т. Трофимов склоняется к мысли, что текст стихотворения из альбома в. к. Елены Павловны подтверждает цензурный характер изъятия из печатного текста «Полководца» стихов о «преемнике» («сопернике») Баркляя — Кутузове. Он полагает, что в дальнейшем стихотворение следует печатать по новому автографу. Представляется, что дело обстоит сложнее.

Несомненно, что альбомный автограф — наиболее поздняя из дошедших до нас рукописей «Полководца». Он отразил поправки Пушкина, отсутствующие в черновом и перебеленном автографах и известные до сих пор только по первопечатному тексту стихотворения.¹² О хронологическом соотношении нового автографа с последним возможны два предположения: первое — запись в альбом сделана в промежутке между отделкой стихотворения для печати (предположительно 1-я половина августа 1836 г.) и его публикацией; и второе — запись сделана уже по выходе III тома «Современника» (билет на выпуск его выдан 28 сентября 1836 г.).¹³ Для разрешения этого вопроса мы располагаем лишь косвенными данными. Первое предположение представляется менее вероятным, так как у нас нет свидетельств о встречах Пушкина с в. к. Еленой Павловной в августе—сентябре 1836 г. Вряд ли такие встречи имели место: летнее время почти исключало возможность посещения княгини поэтом. Иначе обстояло дело в конце года. Т. Г. Цявловская обратила внимание на письмо Елены Павловны от 26 декабря 1836 г. к мужу, путешествовав-

¹² Стих 9 в «Современнике» и в альбомном автографе читается: «Ни плясок, ни охот...» (в последнем слое перебеленного автографа (ПД 205) — «Ни плясок, ни богинь...»); стих 20: «Уже состарелись...» (вместо: «Давно состарелись...»); стих 25: «Тем более томим я грустною тяжелой...» (вместо: «Тем более грущу душою присмирелой...»); стих 26: «Чело, как череп голый...» (вместо: «Чело, как череп белый...»); стих 27: «мнится, залегла...» (вместо: «видно, залегла...»); стих 31: «художник обнажил...» (вместо: «художник изъясил...»); вариант «художник обнажил» существовал уже в ПД 205, но был позднее отброшен); стих 42: «священной сединою...» (вместо: «священной головою»); стихи 47—48: «И на полу-пути был должен наконец Безмолвно уступить...» (вместо: «Но на полу-пути другому наконец Был должен уступить...») стих 50: «сокрыться одиноко...» (вместо: «укрыться одиноко»). Кроме того, стихи 45—46, не вполне доработанные в ПД 205, в альбомном автографе совпадают с печатным текстом.

¹³ См.: Л. А. Черейский. К стихотворению Пушкина «Полководец». В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. М.—Л., 1966, стр. 56.

шему за границей, где она писала: «...я приглашала два раза Пушкина, беседа которого кажется мне очень занимательной».¹⁴ По мнению Т. Г. Цявловской, при одном из этих посещений завязался разговор о «Полководце», естественный в обстановке тех споров, которые были вызваны появлением стихотворения в печати. Заинтересовавшись двумя строками отточий в тексте «Современника» и истолковав их как вынужденный пропуск, великая княгиня выразила желание узнать «Полководца» целиком. В ответ Пушкин взял с собой ее альбом и, переписав в него дома полный текст «Полководца», вернул владелице. Таким образом, по заключению Т. Г. Цявловской, альбомный автограф относится скорее всего к концу 1836—началу 1837 г.¹⁵

Итак, наиболее вероятно, что запись в альбоме Елены Павловны сделана после выхода «Современника» и представляет собой последнее в жизни Пушкина обращение к тексту «Полководца». И все же вряд ли ее следует рассматривать как выражение «последней воли» поэта.

Прежде всего, новейшее исследование Г. М. Коки¹⁶ показало, что принятое в пушкиноведении мнение Н. О. Лернера о «реабилитации» Барклая как цели пушкинского стихотворения не имеет под собой исторической почвы. Устраненный от руководства русской армией в 1812 г., Барклай после перенесения военных действий за границу и кончины Кутузова вновь был призван к руководству войсками. Его заслуги в кампаниях 1813 и 1814 гг. были официально признаны и вознаграждены. Ни тогда, ни позднее они не подвергались сомнению ни правительством, ни официальной историографией. Эти выводы поставили под вопрос традиционную версию, по которой стихи, исключенные Пушкиным, были невозможны для печати в 1836 г.

Кроме того, независимо от изменений, произведенных Пушкиным в тексте «Полководца», общий смысл стихотворения (в части оценки действий Барклая) в печатной редакции остался прежним. В стихах 48—50:

И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманый глубоко

мысль об устранении Барклая от руководства русской армией, которая продолжала действовать согласно составленному им плану кампании, выражена со всей остротой. И хотя Кутузов

¹⁴ «Литературное наследство», т. 58, стр. 135.

¹⁵ Комментарий к новонайденному автографу подготовлен Т. Г. Цявловской для пушкинского выпуска альманаха «Прометей», который находится в печати. Пользуемся случаем поблагодарить Т. Г. Цявловскую, любезно познакоившую нас со своими выводами.

¹⁶ Г. М. Коки. Пушкин о полководцах двенадцатого года. «Прометей», т. VII. «Молодая гвардия», М., 1969, стр. 17—37.

остался здесь неназванным, стихотворение в первый момент больно затронуло Е. М. Хитрово и других родственников полководца, о чем свидетельствуют опубликованные В. А. Мануйловым и Л. Б. Модзалевским дневниковые записи Л. И. Голенищева-Кутузова и его брошюра «Критическая заметка на стихотворение Пушкина „Полководец“». ¹⁷

Если доводы в пользу цензурных причин переработки текста «Полководца» теряют почву, то в пользу точки зрения Ю. Н. Тынянова, считавшего, что исключение стихов 55—58 было продиктовано прежде всего художественными мотивами, могут быть выдвинуты дополнительные аргументы.

Уже непосредственный смысл строк, исключенных из текста «Современника», заставляет предположить, что Пушкин отказался от них по причинам внутреннего порядка. В самом деле, слова:

Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. — А ты непризнанный, забытый
Виновник торжества почил...

могли быть истолкованы как признание, что Барклай был главным (если не единственным) «виновником торжества» изгнания французов из России, но успех его предначертаний покрыл славой его «преемника». ¹⁸ Между тем Пушкин был далек от того, чтобы видеть причины успеха Кутузова в одном лишь его следовании стратегическим планам Барклая. Хотя «Объяснение», напечатанное им в «Современнике» в связи с выходом брошюры Л. И. Голенищева-Кутузова, подчинено в какой-то степени задачам полемики (не случайно в отличие от «Полководца» здесь речь идет столько же о Барклае, сколько и о Кутузове), но оно проливает свет на истинную позицию Пушкина во взгляде на военные заслуги обоих полководцев 1812 года — вопрос, лишь мимоходом затронутый в «Полководце». О причинах военных достижений Кутузова поэт писал здесь: «Не говорю уже о превосходстве военного гения <...> Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал» (XII, стр. 133).

Но, может быть, еще важнее, что «Полководец» не имел целью оценку военных заслуг Барклая. В позднейшем письме к Н. И. Гречу от 13 октября 1836 г. Пушкин характеризовал свой замысел в таких словах: «Стойческое лице Барклая есть одно из замечатель-

¹⁷ В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина, стр. 150—158; Л. А. Черейский. К стихотворению Пушкина «Полководец», стр. 56—58.

¹⁸ Этот смысл отрывка окончательно определился, когда Пушкин отказался от чтения черновика (и первоначального слоя беловика): «Преемник твой стяжал успех, сокрытый Во мгле судеб» в пользу варианта: «Преемник твой стяжал успех, сокрытый В главе твоей». Альбомный автограф, с его чтением «соперник» вместо «преемник», дает еще больший простор для такого истолкования.

нейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения» (XVI, № 1259). Граница, которую Пушкин проводит здесь между «военным искусством» и «характером» Барклая де Толли, отчасти явилась данью поэта литературно-общественной ситуации, при которой стихотворение увидело свет. Однако конкретизируя свой взгляд на Барклая, Пушкин не только отделял свою позицию от позиции официальной «Северной пчелы». Письмо к Гречу проясняет внутреннюю идею стихотворения.

Основной своей заслугой в «Истории Пугачева» Пушкин считал исследование и «ясное» (XVI, № 1082) изложение военных действий во время пугачевщины. Как историк он знал, что о «военных заслугах» дает право говорить только такое изучение. Оценка в «Истории» Михельсона — тому пример. Цитированное письмо, разграничивающее разные точки зрения, с которых Барклай может быть оценен историком («военные действия») и поэтом («характер»), является, с нашей точки зрения, решающим аргументом в пользу того, что строки о «преемнике» были исключены Пушкиным по внутренним, а не по цензурным причинам. Тема исторической трагедии Барклая оттеснялась и снижалась в них темой личной обиды на «преемника», что бросало тень на его «стойческий» характер.

Проверки фактами не выдерживает и вторая мысль исключенного фрагмента: утверждение, что Барклай «почил» «непризнанный, забытый». Думается, что для Пушкина, требовавшего от художника верности «истине исторической» (XVI, № 1107), этого также было уже достаточно, чтобы вернуться к тексту стихотворения и переработать его. Но были еще и другие причины.

Исключенный фрагмент непосредственно предшествовал концовке — средоточию внутреннего, сокровенного смысла «Полководца». Черновой автограф позволяет утверждать, что первоначально эта заключительная сентенция была вложена поэтом в уста умирающего Барклая:

... и может быть в последний жизни час
С презрением еще вспомнил ты о нас
— О люди! Жалкий род, достойный слез иль смеха,
Жрецы Минутного, поклонники Успеха! —

Прямая речь четко выделена здесь с помощью знаков препинания. В момент, когда Пушкин писал приведенные строки, он предполагал закончить ими стихотворение, но тут же, не закрывая еще тетради, отказался от этого намерения. Он придал концовке «Полководца» нынешний ее вид. Тем самым слова Барклая из частной сентенции выросли до размеров историко-философского обобщения. В первой редакции сила этого обобщения умаялась

ния — в желании избежать формулы «бессмысленный народ» (где «бессмысленный» равно: «непосвященный»), привычного словосочетания стихотворений о поэте и толпе, которую в середине 1830-х годов Пушкин не мог не воспринимать как самоповторение. В процессе переработки стиха поэт нашел вариант, более глубоко характеризовавший реальную ситуацию 1812 г. и в то же время более сильный эвфонически. Возвращение к старому чтению как раз и подсказывает нам возможную обстановку, в которой возник альбомный автограф.

После выхода в свет третьего тома «Современника» «Полководец» мог быть вписан в альбом Елены Павловны только при каких-то исключительных обстоятельствах. Думается, права Т. Г. Цявловская, предположившая, что споры вокруг «Полководца» вызвали особый интерес великой княгини. В разговоре с Пушкиным она пожелала узнать, чем вызвано появление отточий в журнальном тексте стихотворения. В результате, как ответ на вопрос Елены Павловны, и возник альбомный автограф.

Судя по некоторым приметам, стихотворение было записано в альбом по памяти. Что Пушкин не придавал значения точности записи, видно из отдельных существенных отклонений от пунктуации, закрепившейся уже в черновом автографе и последовательно проведенной через все рукописи вплоть до печатного текста.²⁰ Инерцией памяти естественнее всего объяснить возвращение к варианту «Бессмысленный народ» в стихе 41. Вряд ли результатом сознательной работы над текстом являются и два варианта, впервые возникшие в составе фрагмента, исключенного из печатного текста. Скорее в них выявился и вышел на поверхность внутренний смысл стихов. Характерно, что восстановив исключенный фрагмент, Пушкин сохранил стихи 48—49 в печатной редакции, хотя, как было указано выше, они были подвергнуты переработке одновременно и по тем же причинам, которые повели к устранению восстановленного им четверостишия.

Таким образом, перед нами именно альбомный автограф, вызванный к жизни особыми условиями и преследовавший специальную цель. Подобно другим дошедшим до нас записям Пушкина в альбомах (С. Н. Карамзиной, Е. Н. Мещерской, Ел. Н. Ушаковой и др.), он не может быть истолкован как дефинитивный, отменяющий печатный текст. Его интерес в другом. Обогащая нас новыми вариантами пушкинского текста, он вместе с тем расширяет сведения об общественном интересе к «Полководцу».

²⁰ В стихе 21, например, после слов «Главою лавровой» Пушкин уже в черновике не удовлетворялся цезурой, усилив паузу знаком «тире», переданным в переписанном автографе через многоточие, и абзацем. Это-то многоточие и отсутствует в альбомном автографе в отличие от всех источников текста. Аналогичный случай — в стихе 35, после слов: «О вождь несчастливый!».

Г. М. ВОРОНЦОВ-ВЕЛЬЯМИНОВ

ПУШКИН В ВОСПОМИНАНИЯХ ДОЧЕРИ НИКОЛАЯ I¹

В 1881—1882 гг. дочь Николая I вел. кн. Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, написала воспоминания о своей юности до замужества.² Не имея детей, она посвятила свои воспоминания внучатым племянницам, Эльзе и Ольге Вюртембергским, и рукопись, на французском языке, перешла к сыну одной из них, принцу Альбрехту Шаумбург-Липпе. По воле мемуаристки, записки ее не могли быть обнародованы до истечения 50 лет после ее смерти и появились только в 1955 г., но не во французском оригинале, а в неполном немецком переводе.³

¹ Публикуемые документы сообщены редакции «Временника Пушкинской комиссии» проживающим в Париже праправнуком А. С. Пушкина Георгием Михайловичем Воронцовым-Вельяминовым — внуком Наталии Александровны Пушкиной, в замужестве Воронцовой-Вельяминовой (1858—1912), дочери старшего сына поэта — Александра Александровича (Пушкины. Родословная роспись, 1940, №№ 132 и 371). Отрывок из подлинной рукописи воспоминаний вел. кн. Ольги Николаевны, касающийся Пушкина, его дуэли и смерти, его значения, доставлен в редакцию в ксерокопиях с фотоснимков французского автографа, хранящегося в Штутгартском государственном архиве; к нему приложено письмо директора архива к Г. М. Воронцову-Вельяминову от 4 ноября 1970 г., разрешающее публикацию и воспроизведение этого текста. Отрывки, посвященные друзьям Пушкина — Жуковскому, Плетневу, А. О. Россет-Смирновой, доставлены в ксерокопиях с печатного немецкого издания 1955 г. — перевода с французского оригинала; мы даем их в русском переводе, не воспроизводя немецкого текста, не имеющего документального значения. Французский их текст нам неизвестен. Вступительная и сопровождающая тексты статья написана Г. М. Воронцовым-Вельяминовым; ему же принадлежат переводы французского и немецкого текстов и часть примечаний; последние даны без подписи или — там, где нужно отделить их от редакционных примечаний, — с подписью «В. В.».

² Великая княжна Ольга Николаевна — вторая дочь Николая I (1822—1892), в 1846 г. вышла замуж за Вюртембергского наследного принца Карла-Фридриха-Александра (1823—1891), ставшего в 1864 г. королем Вюртембергским Карлом I. — *Ред.*

³ Traum der Jugend goldner Stern. Aus den Aufzeichnungen der Königin Olga von Württemberg. [Перевод] Sophie Dorothee Gräfin Podewils. [Изд.] Günther Neske, Pfullingen, 1955.

Русский перевод записок, сделанный с этого немецкого перевода и с новыми сокращениями, появился в Париже в 1963 г.,⁴ и страницы мемуаров, посвященные смерти Пушкина, вызвали живой интерес в среде пушкинистов. В частности, в этом переводе можно было прочесть, что женитьба Дантеса на Екатерине Николаевне Гончаровой была исполнением приказания Николая I. Гипотеза о давлении царя на Дантеса была уже до этого выдвинута М. И. Яшиным, и можно было думать, что она подтверждается записками вел. кн. Ольги Николаевны.⁵

Несмотря на это, Н. А. Раевский заподозрил неправильность двойного перевода и через Т. Г. Цявловскую просил автора этих строк отыскать подлинную рукопись и сверить ее с русским переводом, что и было им сделано. Предлагаемый ниже текст (с репродукцией) отрывка воспоминаний, касающегося смерти Пушкина, публикуется с разрешения Штутгартского государственного архива, где рукопись теперь хранится. Приводим и возможно точный русский перевод этого места, соблюдающий разбивку автора.

Il y avait de l'orage dans l'air. Des lettres anonymes circulaient accusant la belle Pouchkin, femme du poète de se laisser courtiser par Dantès. Le sang de nègre de Pouchkin se mit à bouilloner. Papa qui s'intéressait à lui comme à une gloire Russe, et voulait du bien à sa femme, aussi bonne que belle, fit tous ses efforts pour le calmer. Benkendorff fut mis en campagne pour découvrir l'auteur des lettres. Les amis ne trouvèrent qu'un moyen de désarmer les soupçons. Dantès dut épouser la soeur cadette de Me Pouchkin, assez peu intéressante. C'était trop tard, la jalousie éveillée ne se laissait dérouter. Parmi les six danseurs se trouvait Dantès! Quelques jours plus tard il se battait en duel et Pouchkin tombait mortellement blessé de sa main. On peut se figurer l'impression sur Papa. Cette mort de Pouchkin fut un événement, une catastrophe publique. La Russie entière se passiona pour cette mémoire, demandant vengeance. Papa écrivit de sa propre main des paroles de consolation au mourant, promettant aide et protection pour sa femme et ses 4 enfans. Pouchkin mourut tranquille en bénissant Papa, la main dans la main de sa femme en vrai chrétien. Je me souviens des larmes de Maman, l'oncle Ch. (arles) longtems penaud.

Joukovsky et Pletnef (notre maître de Russe) tous deux amis de Pouchkin, membres de l'Arsamass, de son cercle littéraire, nous entretenaient sans cesse de lui, ses poésies nous les apprenions de préférence à tout autre, Mazeppa, la fontaine de Baktisaraï, Boris Godounoff, nous dévorions sa

⁴ Сон юности. Записки дочери Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Перевод М. Б. Будберг фон Бенингсгаузен. Изд. «Военная быль», Париж, 1963, тираж 500 экз. — Отрывок, касающийся Пушкина, был приведен в работах: И. Андроников. Я хочу рассказать вам... Изд. 3. «Сов. писатель», М., 1971, стр. 115—120; Я. Л. Левкович. Новые материалы для биографии Пушкина, опубликованные в 1963—1966 годах. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. V. «Наука», Л., 1967, стр. 374.

⁵ См.: Михаил Яшин. 1) Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 8, стр. 168—173; 2) История гибели Пушкина. «Нева», 1968, № 2, стр. 187. См. также: О. А. Пини. Пушкиниана в периодике и сборниках статей (1962—1963). В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1963. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 62.

dernière oeuvre (la Капитанская дочь) qui paraissait dans un journal périodique le Современник (le Contemporain). Ce journal fut continué par Pletneff avec piété. Papa avait délogé Pouchkin du contrôle de la censure, lisant lui-même ses manuscrits. Il espérait ainsi donner un libre essor à ce génie dont les errements décelaient une âme ardente et non perverse. Les archives lui avaient été ouvertes, une Histoire de Pierre le Grand ébauchée — c'est au milieu de ces travaux que la mort le surprit. La Капитанская дочь le résultat de ses études historiques dévoile ce qu'il aurait pu être dans ce champ nouveau. Après Pouchkin aucun nom n'égalait le sien. Lermontoff, Wiasemsky, Maikoff, Tutscheff, charmants talents, pas un génie. Nekrassoff populaire dans un seul genre, la glorification des pauvres; Alexis Tolstoy, mystique dans un langage sublime, mais monotone. De nos jours le roman est la seule forme dans laquelle on se livre; peut-être la hâte de vivre empêche-t-elle les travaux de longue haleine.

Воздух был заряжен грозой. Ходили анонимные письма, обвиняющие красавицу Пушкину, жену поэта, в том, что она позволяет Дантесу ухаживать за ней. Негритянская кровь Пушкина вскипела. Папá, который проявлял к нему интерес, как к славе России, и желал добра его жене, столь же доброй, как и красивой, приложил все усилия к тому, чтобы его успокоить. Бенкендорфу было поручено предпринять поиски автора писем. Друзья нашли только одно средство, чтобы обезоружить подозрения. Дантес должен был жениться на младшей сестре г-жи Пушкиной, довольно мало интересной особе. Но было слишком поздно; разбуженная ревность не смогла быть отвлечена. Среди шести танцоров находился Дантес!⁶ Несколько дней спустя он дрался на дуэли, и Пушкин пал смертельно раненный его рукой. Можно представить себе впечатление на Папá. Эта смерть Пушкина была событием, общественной катастрофой. Вся Россия горячо отнеслась к его кончине, требуя возмездия. Папá собственноручно написал умирающему слова утешения, обещая помощь и покровительство его жене и четверым детям. Пушкин умер спокойно, благословляя Папá, держа руку в руке жены, настоящим христианином. Я помню слезы Мама́, смущенный вид дяди Карла в течение долгого времени.

Жуковский и Плетнев (наш учитель русского языка), оба друзья Пушкина, члены «Арзамаса»⁷ и его литературного круга, постоянно нам о нем говорили. Мы заучивали его стихи, предпочитая их всяким иным, «Мазепу»,⁸ «Бахчисарайский фонтан», «Бориса Годунова». Мы поглощали его последнее произведение, «Капитанскую дочку», которое печаталось в журнале «Современник». Издание этого журнала было благоговейно продолжено Плетневым. Папá освободил Пушкина от контроля цензуры, читая сам его рукописи. Он надеялся таким образом дать возможность

⁶ До этого упоминается танцевальный вечер, устроенный в Зимнем дворце принцем Фридрихом Карлом прусским, братом царицы, гостившим в Петербурге и пригласившим на него несколько офицеров Кавалергардского полка, без разрешения его командира. Императрица была на этом вечере. Николай I и вел. кн. Михаил Павлович считали, что приглашения офицеров во дворец должны даваться не по их способностям к танцам, а в награду за хорошую службу. Поэтому, когда царь и его брат внезапно появились в зале, вечер, по словам мемуаристки, «плохо кончился и даже обычные шутки дяди Карла не помогли». Этим случаем объясняется «смущенный вид дяди Карла», о котором говорится далее. — В. В. (Никаких других сведений об этом вечере в наших источниках не имеется. — *Ред.*)

⁷ Здесь ошибка мемуаристки: П. А. Плетнев не был членом «Арзамаса». — *Ред.*

⁸ Т. е. «Полтаву». — *Ред.*

pour découvrir l'auteur des lettres. Les
accusés ne réussirent pas à se débarrasser de
désarmer les soupçons. Dantes des Écoles
le jeune cadette de M. Pouchkine, après une
enquête. P'était trop tard, la jeunesse
excellente ne le laisserait découvrir. Parvenir
les lig devenues le traversait Dantes. /
Quelques jours plus tard il se battait au
dieu et Pouchkine s'accablait infortunément
d'opini de la scène. Au point de figurer
l'empereur sur Papa. Cette mort de
Pouchkine fut un événement, une catastrophe
publique. La Russie entière se passionna
pour cette méconnaissance, descendant l'empereur
Papa s'occupait de la propre maison des parents
de consolation au moment, représentant
aide et ~~protection~~ pour la femme et les enfants, ~~l'empereur~~
- Les moments traversent cinquante Papa, la maison

свободного взлета гению, заблуждения которого обнаруживали пылкую, но не испорченную душу. Архивы были ему открыты, и он набрасывал историю Петра Великого. Смерть застигла его посреди этих трудов. «Капитанская дочка», результат его исторических исследований, раскрывает, чем бы он мог стать на этом новом поприще. После Пушкина ни одно имя не может сравниться с его именем. Лермонтов, Вяземский, Майков, Тютчев — прелестные таланты, но ни один из них не гений. Некрасов стал популярен только в одном жанре — в прославлении бедняков. Алексей Толстой — мистичен в своем возвышенном слоге, но однообразен. В наше время роман — единственный род, которому себя посвящают; может быть, торопливость жизни мешает трудам больших размеров.

Как видно, подозрения относительно двойного перевода оказались правильными, и подлинный текст мемуаров не подтверждает предположения о том, что Дантес женился по приказанию Николая I, но скорее его опровергает, указывая, что свадьба состоялась по инициативе и под давлением друзей поэта. Каким же путем произошло искажение фразы рукописи, введшее в заблуждение пушкинистов? Дадим возможно точный русский перевод немецкого текста, т. е. перевода, принадлежащего гр. Подевилль в издании 1955 г.

Папá, который видел в нем воплощение славы и величия России, проявлял к нему большое участие и благоволил также к его жене, которая была столь же доброй, как и красивой. Поэтому Папá ничего не упустил, что могло бы его успокоить. Бенкендорфу было поручено отыскать автора анонимных писем, и Дантес должен был жениться на младшей сестре г-жи Пушкиной, довольно незначительной персоне.

Простим переводчице, что Пушкин из «славы» России стал ее «славой и величием», что «интерес», проявленный к нему Николаем, стал «большим участием» и что Екатерина Николаевна из «мало интересной» стала «довольно незначительной». Но совершенно недопустимо было выбросить основную фразу: «Друзья нашли только одно средство, чтобы обезоружить подозрения» и соединить в одну фразу поручение Бенкендорфу найти авторов письма с необходимостью женитьбы Дантеса. Правда, здесь еще не сказано черным по белому, что распоряжение жениться дал Николай, но близость утверждений «Папá ничего не упустил...» и «Бенкендорфу было поручено...» (конечно, царем) позволяет предположить, что «Дантес должен был жениться» по воле императора. Русская переводчица не преминула это уточнить: «Папá, который видел в Пушкине олицетворение славы и величия России, относился к нему с большим вниманием и это внимание распространял и на его жену, которая была в такой же степени добра, как и прекрасна. Он поручил Бенкендорфу разоблачить автора анонимных писем, а Дантесу было приказано жениться на младшей сестре Натали Пушкиной, довольно заурядной особе».⁹

⁹ Последняя фраза — «Он поручил Бенкендорфу» до «...заурядной особе» — процитирована М. И. Яшиным в указанной выше статье («Нева»,

Таким образом, давление друзей превратилось в приказ императора. Кроме того, «интерес» к Пушкину и «желание добра» его жене заменились вниманием к нему, распространенным на Наталию Николаевну, что уже противно истине, так как было скорее обратное. Сам Пушкин, в своем дневнике (1 января 1834 г.), приписывает пожалование ему камер-юнкерства желанию двора, чтобы Наталия Николаевна танцевала в Аничковом дворце.

Имя Пушкина упоминается еще в двух местах воспоминаний. Когда, в 1834 г., Ольге Николаевне минуло 12 лет, она получила русское придворное платье и 6 декабря присутствовала на балу в день именин Николая I. При открытии бала она шла в полонезе с оберкамергером графом Литта. В девять часов ей положено было идти спать. После прощания с матерью, произошло следующее: «В то время, как я повернулась, чтобы уйти в сопровождении моего пажа (его звали Жерве и он был немногим старше меня), я услышала, как Геккерен, голландский посол, сказал Мамá: „Как они оба прелестны! Уверен, что, перед тем как идти спать, они вместе еще поиграют в куклы“. Я с моим пажом! Эта мысль показалась мне невозможной и была вне моих представлений. Геккерен был приемным отцом Дантеса, убившего на дуэли нашего поэта Пушкина».

В страницах о 1842 г. упоминаются военные, уезжавшие на Кавказ «пожинать лавры»:

«Все дамы, к которым я должна была причислить и себя, сходили по ним с ума и чествовали их как героев. Кавказские песни Пушкина и Лермонтова были у меня в крови; красочная форма Нижегородских драгун, с казачьими шароварами и газырями на груди, восхищала мои глаза».¹⁰

1968, № 2, стр. 187) и служит автору неоспоримым аргументом в пользу высказанной им ранее гипотезы. — *Ред.*

¹⁰ За исключением основного текста о смерти Пушкина, остальные выдержки из мемуаров даются по немецкому переводу. Автор не имел возможности ознакомиться со всей рукописью, и, как видно из предыдущего, к немецкому тексту следует относиться с осторожностью. Будем надеяться, что французский оригинал воспоминаний будет когда-нибудь полностью напечатан. Он несомненно интересен для историков.

Э. Г. ГЕРШТЕЙН и В. Э. ВАЦУРО

ЗАМЕТКИ А. А. АХМАТОВОЙ О ПУШКИНЕ

Публикуемые ниже заметки на полях сочинений Пушкина представляют собой небольшую часть пушкиноведческого наследия А. А. Ахматовой, ныне подготовленного к печати отдельной книгой.

Пушкин сопутствовал Ахматовой на протяжении всего ее творческого пути. Образ «смуглого отрока», бродящего по аллеям царскосельского парка, в ее стихотворении 1911 г. родился из того же личного переживания биографии и поэзии Пушкина, которое сквозит в поздних статьях Ахматовой о «Каменном госте» и о последних годах жизни поэта. Но к историко-литературному осмыслению Пушкина Ахматова пришла уже в зрелом возрасте. «Примерно с середины двадцатых годов, — пишет она, — я начала очень усердно и с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина». В более поздней черновой заметке она несколько сдвигает хронологическую грань: «В конце 20-х и начале 30-х годов я занималась изучением творчества Пушкина. Три мои статьи («Золо<той> пет<ушок>», «Адольф», «Кам<енный> Гость») увидели свет, две — „Пушкин и Миц<кевич>“ „Пушкин и Дост<оевский>“ пропали в блокаду» (ЦГАЛИ). Эти три названные Ахматовой статьи, хорошо известные не только специалистам, но и широким кругам читателей Пушкина, принадлежат к первоклассным образцам советской пушкинианы; их характерная особенность, — характерная вообще для исследовательского почерка Ахматовой, — пристальное внимание к творческой личности Пушкина в ее разнообразных связях с современной ему литературой и общественной мыслью, стремление проследить трудно уловимый ход поэтической ассоциации или преломления биографической реалии в художественный образ.¹ В ее работах всегда при-

¹ См. об Ахматовой как пушкинисте некролог ее, написанный акад. М. П. Алексеевым, — Временник Пушкинской комиссии, 1964 («Наука»,

существовала определенная концепция человеческой и творческой индивидуальности Пушкина, — и в ряде случаев она определяла собою оригинальность и даже спорность ее суждений. Но именно эта общая концепция позволила ей с подлинным блеском интерпретировать значение литературного или реального источника как художественного импульса (а не заимствования или «подражания») и устанавливать внутренние связи между внешне совершенно различными произведениями. Опыт Ахматовой-поэтессы входил органической частью в ее исследовательскую манеру; а совершенное владение собственным поэтическим словом обусловило ее повышенный интерес к стилистическим оттенкам чужой поэтической речи.

Все эти проблемы не переставали занимать Ахматову на протяжении десятилетий ее работы над Пушкиным. С 1920-х годов она систематически обращается к античной классике и литературе нового времени (преимущественно французской и английской), отмечая соприкосновения Пушкина с предшествующей и современной ему западноевропейской литературной традицией, фиксируя движение поэтических фразеологизмов, прямые источники и реминисценции, перерывы традиции — новаторство. Эти маргиналии в ряде случаев могли быть развернуты в самостоятельные исследовательские этюды или даже большие статьи — как было с «Золотым петушком» или «Адольфом»; однако уже после войны у Ахматовой явилась мысль собрать их в книгу особого жанра. О работе ее над такой книгой сообщала в 1945 г. «Литературная газета». «В настоящее время, — говорила Ахматова, — я собираю и привожу в порядок мои заметки о Пушкине (1926—1936), их всего двадцать пять, и они очень пестры по содержанию. Среди них и заметки о пушкинском самоповторении, и наблюдения над эпистолярным стилем Пушкина, и о красочном эпитете у Пушкина. В целом эти заметки составят книгу о Пушкине».²

Книга эта не увидела света, и в собрании пушкиноведческих рукописей Ахматовой в ГПБ (Ленинград) рукопись ее отсутствует, но в 1959 г., когда Анна Андреевна составила план нового сборника своих статей о Пушкине, «Маргиналии» вошли туда в качестве одного из разделов. Тогда же было составлено «Оглавление» этих заметок, числом около 50. В дальнейшем раздел «Маргиналии» или «Мелочи» неизменно включался ею в разные варианты плана книги. Общее же число их и корпус менялись по мере работы над книгой; часть их вошла в большую статью о ги-

Л., 1967, стр. 68—71); см. также: В. Н. Голицына. Анна Ахматова как исследователь Пушкина. Пушкинский сборник, Псков, 1968, стр. 193—204 (к сожалению, тексты Ахматовой здесь в ряде случаев приведены неточно); Р. Д. Тименчик. Ахматова и Пушкин. Пушкинский сборник. Рига, 1968, стр. 124—131.

² «Литературная газета», 1945, 24 ноября.

бели Пушкина, которой А. А. была занята в последние годы, и в переработанные редакции ранних статей.

Смерть прервала работу Ахматовой над книгой о Пушкине. Раздел «Маргиналий» остался в самом первоначальном, черновом виде. Нам неизвестно, как мыслила себе А. А. жанр «заметки» в окончательной редакции — в виде ли миниатюрного этюда или своеобразного конспекта такого этюда. В нынешнем своем виде маргиналии разнотипны не только в тематическом, но и в жанровом отношении и являются скорее подготовительным материалом для «заметок». Большая часть их посвящена источникам и поэтической фразеологии Пушкина; некоторые из них являются, по-видимому, набросками к неосуществленным или утраченным статьям. Многие цитаты, факты и параллели приведены по памяти и требуют уточнений и исправлений в комментарии, поскольку публикаторы не считали возможным вносить поправки в текст. Однако и в этом виде публикация помет представляется целесообразной в научном отношении: они содержат богатейший материал для комментирования и интерпретации произведений Пушкина и отражают те же самые методические приемы исследования, которые составляют неоспоримую ценность опубликованных статей Ахматовой. Заметим, что они представляют интерес и для исследования поэзии самой А. А. Ахматовой, давая в иных случаях возможность проследить на конкретных примерах преломление в ней пушкинской традиции.

В 1970 г. некоторые из набросков и маргиналий Ахматовой были опубликованы в журнале «Вопросы литературы» (см.: Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине. Публикация, вступительная заметка и примечания Э. Герштейн. «Вопросы литературы», 1970, № 1, стр. 158—206). Ныне в научный оборот вводятся заметки, еще неизвестные читателю. Они извлечены из трех списков («Marginalia и мелочи. Ленинград, 1959» и два — без названия) и черновых записей Ахматовой, хранящихся ныне в ГПБ (Ленинград). Из числа их исключены заметки, опубликованные ранее, а также те, которые в расширенном виде вошли в готовящиеся к изданию статьи; опущены также черновые рабочие записи, которые не могут быть потенциально развернуты в самостоятельный и оригинальный этюд. Принадлежность заметки к тому или иному списку не отмечается; заметки разных списков, относящиеся к одному и тому же вопросу, печатаются рядом. Комментарий, принадлежащий публикаторам, приводится петитом вслед за каждой заметкой.

<1>. О смелости выражений: «Адское пламя давало только разглядеть вечную тьму преисподней».

Ср. Voltaire: «Sur la liberté des expressions».

Истинная смелость самого Пушкина: «Великолепный мрак...» и «сумрак ваш священный».

См. в «Материалах к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“» (1827) заметку «Есть различная смелость»: «Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней» (Акад., XI, стр. 61). Местонахождение вольтеровского фразеологизма установить не удалось. Цитаты Пушкина из стихотворения «В начале жизни школу помню я» (III, 254):

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада

и стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» (III, 189):

Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.

<2>. Сон Сарданапала (разъяснить недоразумение).

См. упоминание сна героя в трагедии Байрона «Сарданапал» в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «Сон Сарданапалов напоминает известную политическую карикатуру, изданную в Варшаве во время Суворовских войн. В лице Нимврода изобразил он «Байрон» Петра Великого» (XI, 55). Считается, что Пушкин имел в виду гравюру, изданную в Лондоне 7 января 1795 г., где изображен Суворов, подносящий Екатерине II головы женщин и детей — трофеи после «капитуляции Варшавы» (см.: Сочинения Пушкина, т. IX (2). Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 94—95). Возможно, эта неточность Пушкина и должна была послужить предметом анализа.

<3>. Экушар Лебрэн (эпиграмма: «Parnasse est vieux») — сравнить с октавой «Домика в Коломне».

Эпиграмма Лебрэна «Le nouveau Parnasse» (кн. 1, эпигр. LXXXIV):

Parnasse est vieux; ses neuf vieilles pucelles
Font radoter la lyre d'Apollon;
Des lauriers secs nourri dans leur vallon,
Leur vieux Pégase est décrepit comme elles.
Leur vieux Permesse est la source d'ennui:
Un autre Pinde il nous faut aujourd'hui.
Renouvelons le poétique Empire;
Du vieux Phébus rajeunissons la cour:
Je ne veux plus d'Apollon que l'Amour;
Je ne veux plus de Muse que Thémire.

Парнас стар; девять старых дев заставляют лиру Аполлона брэнчать одно и то же; вскормленный сухими лаврами в их долине, их старый Пегас одряхлел, как и они сами. Их старый Пермес — источник скуки; ныне нам приличествует новый Пинд. Обновим поэтическую империю; омолодим двор старого Феба. Я не хочу иного Аполлона, кроме Амура, и иной музыки, кроме Темиры.

Ср. в «Домике в Коломне» (V, 85):

... Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек муз уж не прельщает нас.

<4>. Дон Жуан Байрона в «Нулине» (canto V).
(And asked now and then for cast-off dresses).

Цитата из «Дон-Жуана» Байрона (песнь II, а не V), строфа CLXXXII (исправляем неточность в передаче текста, приведенного Ахматовой по памяти). Характеристика Зои (служанки Гайдэ) у Байрона имеет точки соприкосновения с описанием Параша в «Графе Нулине». Ср.:

She waited on her lady with the sun,
Though daily service was her only mission,
Bringing warm water, wreathing her long tresses
And asking now and then for cast-off dresses

Она ждала свою госпожу с рассветом,
Хотя дневная служба была единственной ее обязанностью,
Принося теплую воду, заплетая ее длинные косы,
И прося то и дело изношенного платья.

У Пушкина (V, 8):

Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит.

<5>. But this will be a mournful tale («Гяур»)
(Печален будет мой рассказ)

Ср.: «No more her sorrows I bewail, Yet this will be a mournful tale» («Гяур» Байрона; см.: The Complete Works of Lord Byron, in one volume. Paris, 1835, p. 219 и «Медный всадник» — V, 137).

<6>. Предисловие к Онегину и Буало (Sous un voile...).

Ср. в черновой рукописи Предисловия к гл. 1 «Онегина»: «Смело предлагаем им произведение, где найдут они под легким покрывалом сатирической веселости наблюдения верные...» (VI, 528). Ср. тот же оборот в послании «К Каверину» (Ум высокий можно скрыть Безумной шалости под легким покрывалом) (II (1), 27 и I, 238). Какая цитата из Буало имеется в виду — неясно.

<7>. Реалии: общество игроков (Вяземский — жене), Английская набережная, живые картины и Станционный смотритель (у Смирновой), Николай I на набережной (у Цявловского).

По-видимому, имеются в виду бытовые параллели к ряду прозаических произведений Пушкина. Ср. в отрывке «Гости съезжались на дачу»: «Г*осударь», встретив ее (Вольскую, — *Ред.*) на Английской набережной, целый час с нею разговаривал» (VIII, 39). В статье М. А. Цявловского «Записи в дневнике Пушкина об истории Безобразовых» приведена мемуарная запись о встрече Николая I в 1829 г. на Английской набережной с княжной Л. А. Хилковой, впоследствии ставшей его любовницей (М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 247, 249). В Записках А. О. Смирновой есть описание ожидания у станционного смотрителя, который характеризуется формулой «диктатор

станции», употребленной Вяземским и затем Пушкиным (А. О. Смирнова. Записки. «Федерация». М., 1929, стр. 241—242).

<8>. Об обществе игроков в письме Вяземского к жене. Старуха Загряжская. Туалет при Пушкине. Картежница, отсюда старуха в «Игроке» Достоевского.

Ее русекий говор. Старуха без внешности. Офицером инженерных войск был брат Дельвига (см. его мемуары).

О симметрии «Арапа Петра Великого» и «Пиковой дамы». Париж — герцог Орлеанский.

О говоре старой графини в «Пиковой даме». Русский докарамзинский язык (XVIII в.) «вчера...».

В ахматовском экземпляре однотомника сочинений Пушкина 1935 г. подчеркнуты примеры говора графини («Пиковая дама»), а также Н. К. Загряжской («Table-talk» — «Застольные разговоры»), которую А. А. Ахматова считала прототипом героини повести Пушкина. Приводим эти примеры.

Графиня:

Был ты *вчера* у***?
И, мой милый! Что в ней хорошего?
... я чай, она уж очень постарела...
... только, пожалуйста, не из *нынешних*.
Пришли, батюшка, пожалуйста...
— Что ты, *магь моя!* Глуха, что ли?
— Успеешь, *магушка*.
... с *голосу спала*, что ли?
... *что за вздор!*
Это, *магушка*, несносно.
... вас не *докличешься*
... *кого прельщать?*...
ничего было наряжаться.

Н. К. Загряжская:

Как ты хочешь, Потемкин, а *мамзель* мою
И какой стати?
Откуда, батюшка?
Мне с ними *только что* хлопоты...
... в *Дрездене*, в загородном саду.
Он сел подле меня на *лавочке*.

<9>. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...» и письмо Вяземского к А. Тургеневу («Остафьевский архив»).

Речь, по-видимому, идет о письме Вяземского из Варшавы 3 декабря 1820 г. (Остафьевский архив, т. II, СПб., 1899, стр. 112), где абсолютная власть Александра I в Европе сравнивается с владычеством Наполеона.

<10>. Lebrun à Palissot (Lettres, pages...).

Письма Понса Дени Экушара Лебрена к французскому комедиографу, противнику энциклопедистов, Ш. Палиссо касаются французской литературной жизни XVIII в. — Вольтера, Энциклопедии, читающей публики и т. д.; см.: Oeuvres de Ponce Denis (Escouchard) Le Brun, t. IV. Paris, 1814.

<11>. *Aurora borealis* (северное сиянье). См. «Don Juan» Байрона.

У Пушкина дважды:

- 1) Навстречу северной Авроре
- 2) Авророй северной явись

См. «Дон-Жуан», песнь VII, строфы 1—2. Описание северного сиянья у Байрона есть также в «Видении суда» (строфы XXVII—XXVIII). Строки Пушкина из «Зимнего утра» (III, 183) и черновые варианты (III, 767) цитируются не вполне точно; следует: Авророй севера явись.

<12>. *Остатки французской рифмы.*

Напр<имер>: rivage — sauvage. Abeille — vermeille, Poésie — banquet d'ambroisie (fr.). * Отсюда: дикий брег, над розой алой, пир воображенья. . .

* брег — дикий. Пчела — алый, Поэзия — пир богов (франц.).

«Жужжанью пчел над розой алой» («С Гомером долго ты беседовал один» — III, 286); «И музу призывал На пир воображенья» («К моей чернильнице» — III, 182); также «Разговор книгопродавца с поэтом» (III, 325).

<13>. Qu'un autre (античная традиция): Гораций 1. VII. Laudabant alii claram Rhodon). * Отсюда: «Пускай их Батюшков поет».

* Пусть другие воспевают славный Родос (лат.).

Строка Пушкина — из черновых вариантов «Разговора книгопродавца с поэтом» (II, 841).

<14>. Ainsi — как начальное слово эпилога.

См. эпилоги «Руслана», «Кавк<азского> плен<ника>» и «Цыган».

«Руслан и Людмила» (IV, 86):

Так, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.

«Кавказский пленник» (IV, 113):

Так Муза, легкий друг мечты,
К пределам Азии летала

«Цыганы» (IV, 203):

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

<15>. Одические начала.

I. Да. См. Lebrun (54, 127) — Да, слава в прихотях вольна.

II. Нет. См. Lebrun (66, 112) — Нет, я не льстец. . .

III. Oh, toi qui. См. Lebrun (51, 64) — О ты, который со-
четал. . .

Примеры из Пушкина см.: «Герой» (1831; III, 251); «Друзьям» (1828, III, 89); «Баратынскому» (1827; III, 85). Ссылки на Лебрена по четырех-
томному изданию «Oeuvres de Le Brun» (t. I, Paris, 1811): Oui, je les
goms, Beauté funeste. . . — Да, я разорвал их, губительная красота» (кн. I,
ода XX); Oui, chastes Nymphes de Mémoire! — Да, чистые нимфы воспо-
минания! (кн. II, ода XVI); Non, ce n'est point des Rois l'orgueilleux
arapage. — Нет, не горделивое наследие королей (кн. I, ода XXIV);
Non: le Tokai, la Malvoisie — Нет, ни токай, ни мальвазия (кн. II,
ода XII); O toi qui viens avec Zéphire. — О ты, кто приходишь вместе
с зефиром (кн. I, ода XVIII); O toi que Pathos adore. — О ты, кого
обожествляет Пафос (кн. I, ода XXIII).

<16>. Tandis que — *Одическое начало* (см.: А. Шенье. Ода
III. Корде «Tandis que partout. . .») *

См. также Lebrun (I, 399) «Tandis que la Tamise». **

Отсюда: «Меж тем как удивленный мир. . .». Вольтер уже
пародирует это начало (где), пародически оно и у Пушкина:
«Меж тем как генерал Орлов. . .».

* В то время как повсюду (*франц.*).

** В то время как Темза (*франц.*).

См. оду Шенье «À Charlotte Corday» и Лебрена «Ode nationale contre
L'Angleterre» (кн. VI, ода XVIII). Пушкинские цитаты из «Андрея Шенье»
(Акад., II, стр. 397) и «В. Л. Давыдову» (там же, стр. 178).

<17>. *Бога полн*. См.: Гораций. I. III, XIX. Дифирамб Plenoque
Vaschi: Quo me Vasche rapis tui plenum (I. III, XXV),* а также
Hor. I. I, XIX: In me tota tuens Venus Cyprum deseruit. . .,**
но и у Горация это уже традиция, идущая из Греции (. . .).
У Пушкина «Пока не требует. . .» (в черновике *бога полн*).

* Вакх, я полон тобой! Куда увлекаешь меня (кн. III, ода XXV;
перевод Г. Ф. Церетели).

** Гораций, кн. I, ода XIX: И бессилен пред натиском Я Венеры: она
с Кипром рассталася (перевод А. П. Семенова-Тян-Шанского).

Цитаты Пушкина из стихотворения «Поэт» («Пока не требует
поэта. . .» — III, (2), 599). Здесь ошибка памяти: метонимического слово-
употребления «бога полн» в черновиках этого стихотворения нет.

Существует еще одна заметка А. А. Ахматовой (на обороте одной
из черновых вставок к статье «Каменный гость») — «*бога полн*» у Шенье
«plein du Dieu», имеющая в виду строчку из «неизданных стихов» Андрея
Шенье, записанных Пушкиным в имевшемся у него издании Шенье 1819 г.
(см.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографи-
ческое описание. В кн.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб.,
1910, стр. 192, № 736). Стихи эти были переведены Пушкиным («Близ мест,
где царствует Венеция златая», 1827; III, 66); указанное выражение пе-
редано: «и тихой музы полн».

<18>. «Когда за городом задумчив я брожу...» См. Legouvé. *Cimetière de village* отнюдь не как источник, а как вероятную традицию, которую Пушкин не мог не знать.

<19>. О природе пушкинских самоповторений.

В другом авторском списке этот пункт раскрыт шире:

не повторение себя, а многократное восхожд<ние> к одному источнику.

В черновом наброске, озаглавленном «Заметки о Пушкине», есть еще одна редакция этого пункта:

Формы пушкинских самоповторений.

1) Традиция. 2) Восхождение к одному и тому же образцу.

<20>. Пушкин в царскосельском парке:

Ветхий пук дерев (ива у озера).

Живые воды (царскосельские водопады). Сии живые воды (1836).

Розовое поле («Гавриилиада»; «Евгений Онегин», VIII гл.).

На отдельном листке сохранилась более пространная запись Ахматовой: «*Дряхлый пук дерев* — только плакучая ива на берегу озера, которую я помню еще в 90-х годах. Какие дряхлые пуки дерев могли быть в Александровское время в Царскосельском парке?!»

У Пушкина: «И дряхлый пук дерев, и светлую долину» («Царское Село», 1823; II, 285).

Ср. стихотворения Ахматовой «Ива» (1940; с эпитафией «И дряхлый пук дерев»), «Все души милых на высоких звездах» (1944; строка «У берега серебряная ива касается сентябрьских ярких вод») и стихотворение из цикла «Городу Пушкина» — «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли».

Слова «живые воды» — из стихотворения «Была пора: наш праздник молодой» (1836; III, 432). «Розовое поле» упоминается в автобиографических отступлениях в «Гавриилиаде» (IV, 368) и черновиках 1-й строфы VIII главы «Евгения Онегина» (VI, 508). Ср. строку в стихотворении Ахматовой «Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли...»: «Одичалые розы пурпурным шиповником стали».

<21>. Voltaire: Vous allez graver votre nom sur les débris de l'Angleterre... (1756). (Sur la conquête de Mahon).*

И на обломках самовластья
Напишут наши имена...

* Вольтер: Вы напишете ваше имя на обломках Англии... (На завоевание Магона) (*франц.*).

Цитаты из послания Вольтера к Ришелье (À M. le duc de Richelieu sur la conquête de Mahon. Mai 1756) — *Oeuvres complètes de Voltaire*, t. IX. Paris, 1910, p. 283 — и стихотворения «К Чаадаеву» (1818; II, стр. 72).

⟨22⟩. Вольтер в «Деревне» Пушкина (*Le fils de mon manœuvre à ses études élevé... va grossir l'armée des laquais et des pages — идут собою множить...*). Дословный перевод.

Ср. в «Деревне» (II, 90):

Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою умножить
Дворовые толпы измученных рабов.

По указанию Ахматовой, эти стихи — реминисценция из стихотворения Вольтера «*A M. de Saint-Lambert*» (1769). Вольтера Ахматова цитирует не точно и, видимо, по памяти; следует: «*Le fils de mon manœuvre en ma ferme élevé... Des laquais de Paris s'en va grossir l'armée*» (*Oeuvres complètes de Voltaire*, t. IX, Paris, 1910, p. 310); возможно, цитата из Вольтера контаминировалась здесь с формулой Буало из сатиры IX: «...*des laquais et des pages*».

⟨23⟩.

... воскресил
Корнеля гений величавый

См. Буало: <...>

Ср.: «Евгений Онегин», гл. I, строфа XVIII (VI, 12). Источник этих строк у Буало нами не разыскан. В послании Буало к Расину есть строки: «*Toi donc qui, t'élevant sur la scène tragique, Suis les pas de Sophocle, et, seul de tant d'esprits, De Corneille vieilli sais consoler Paris*» (ты, кто, возвысаясь на трагической сцене, следуешь по стопам Софокла и, единственный среди стольких умов, умеешь утешить Париж в том, что Корнель устарел), но сходство здесь слишком отдаленно; кроме того, речь идет, видимо, о самом фразеологизме, который был использован Пушкиным несколько раз: в неосуществленном послании к «Зеленой лампе» 1821 г. («Младой Катенин воскресит Эсхила призрак величавый») и в послании к Гнедичу 1821 г. («О ты, который воскресил Ахилла призрак величавый»). См.: С. Бояди. Черновики Пушкина. Статьи 1930—1970 гг. «Просвещение», М., 1971, стр. 106, 108.

⟨24⟩. Петербург 1-й гл<авы> «Он<егина>» и Петербург «М<седного> Всадника». (Первый — милая родина глазами юного изгнанника, второй — свинский П<етербург> писем, мрачный и беспощадный, как в «Шинели» Гоголя — см. Петербург «Пиковой дамы», — где ветер,*

Клубя капоты дев ночных
И заглушая часовых...).

Вступленья (военная столица и т. д.), одическое великолепье и маскировка, оттуда и цветковые эпитеты, от кот<орых> в тексте поэмы нельзя найти ни следа. И от всей Онегинской пестроты и

* Еще один образ, кот<орый> может занять почетное место в отделе «*Sur la liberté des expressions*» — Ветер, окликающий часовых... (Прим. А. А. Ахматовой).

разнообразия — рестораны, балы, театр — остался только непроглядный мрак и шлюхи. Рыданье над человеком. Бездомность автора. Адрес Пушкина угол Б. Морской д. Жадимировского — 1833 г., октябрь. Живет до половины мая (ст. стилия). Оттуда два шага до Адмиралтейства

... и светла
Адмиралтейская игла.

С 7 фев<аля> ходит в архив — значит, мимо Петра. 6 июля родился сын Александр, т. е. наследник имени — повый *Пушкин*.

Пушкин, наверно, не подумал, сколько пришлось бежать бедному Евгению через Вас<ильевский> Остр<ов>. Там и на трамвае едешь — так соскучишься (!)

«Свинский Петербург» — выражение из письма Пушкина жене от 11 июня 1834 г. (XV, 158). Трактовка поэтического образа Петербурга в «Медном всаднике» как «мрачного и беспощадного», а вступления к поэме — как «одического великолепия и маскировки», противопоставленной Петербургу центральной ее части, — у Ахматовой близка к концепции Андрея Белого (см. его «Ритм как диалектика», Пгр., 1929). О связи вступления к «Медному всаднику» с одической традицией см.: Л. В. Пумпянский. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII в. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 91. Вся заметка несомненно связана с работами А. А. Ахматовой, посвященными последним годам жизни Пушкина («Пушкин и Невское взморье», «Гибель Пушкина»). В одном из черновых набросков Ахматова сближает описание «ночного пустого мрачного Петербурга» в «Уединенном домике на Васильевском» Пушкина—Титова и в «Медном всаднике», однако, не присоединяясь к мистической трактовке петербургской темы у В. Ф. Ходасевича (см. его «Статьи о русской поэзии», Пб., 1922; статья «Петербургские повести Пушкина»). Адрес Пушкина, указанный Ахматовой, — квартира в доме Жадимеровского на углу Морской и Гороховой улиц (ныне дом 26/14 по ул. Герцена), нанятая сроком с 1 декабря 1832 по 1 декабря 1833 г.; в мае 1833 г. Пушкин переехал на дачу и на квартиру больше не вернулся (Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 209—210). Указание на маршрут Пушкина («с 7 февраля ходит в архив») — ошибочно; Пушкин не посещал архив, а получал дела на дом (см.: Р. В. Овчинников. Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачева»). «Наука», Л., 1969, стр. 51 и сл.). «Ветер, окликающий часовых» — неточная цитата из «Медного всадника» (V, 146), возможно, контаминированная со строкой из «Демона» Лермонтова: «Там мятель дозором ходит... То песню долгую заводит, То окликает часовых»).

<25>. Les pas odorants — оленя след пахучий (Шенье).

Маргиналия устанавливает фразеологический аналог у Пушкина и в неоконченной философской поэме Шенье «Гермес» («Hermés»), задуманной как история человеческой цивилизации; впрочем, фрагмент, о котором идет речь (см.: Poésies de André Chénier..., Paris, 1841, p. 200—201), был опубликован Сент-Бевом лишь в 1839 г.:

Ainsi, dans les sentiers d'une forêt naissante,
A grands cris élancée, une meute pressante,
Aux vestiges connus dans les zephyrs errants,
D'un agile chevreuil suit les pas odorants

Так, на тропах подрастающего леса,
Побуждаемая громкими криками назойливая свора,
По знакомым запахам, блуждающим в воздухе,
Преследует по пахучему следу проворную косулю.

Ср. набросок Пушкина 1836 г. (III, 419):

Напрасно я бегу к спонским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам,
Так, вездри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

<26>. *Ventus niger* — вихорь черный (Анчар).

Ср. это сочетание у Горация (кн. I, ода V).

<27>. Объяснение к стихотворению «Нет, я не дорожу...» — влияние только что прочитанного Делорма.

В этом стихотворении Делорм, описывая свою музу, говорит, что она не пляшущая с открытыми грудями одалиска и не молящаяся на феодальной могиле (*le front sur le marbre* *), как донна Анна, владетельница замка, а скромная девушка, которая во всякую погоду стирает белье в ручье и ухаживает за своим безумным отцом. Она умирает от чахотки, как Инеса, а могла (как Лаура) иметь успех, и серенады, и поклонников, и слушать *cent braves* ** своей игре на арфе.

Вот что Пушкин пишет об этом стихотворении: «...мы с изумлением находим стихотворения, исполненные свежести и чистоты. С какой меланхолической прелестью описывает он, например, свою музу!» («*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*». II. 5 VII, стр. 238).

* склонившись лицом на мрамор (*франц.*).

** сотни bravo (*франц.*).

Статья Пушкина «*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*» (XI, 195), где цитируется стихотворение Делорма (Сент-Бева) «*Ma muse*», напечатана 5 июня 1831 г.; познакомился же со сборником Пушкин ранее, возможно, вскоре после его выхода в 1829 г. (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 362). Стихотворение «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» датируется 1831 или 1832 г. Помимо непосредственной темы заметки в ней намечена и другая тема — сопоставление стихотворения Сент-Бева с некоторыми мотивами «Каменного гостя»: цитата из «*Ma muse*» прямо связывается с обращениями Дон-Гуана к донне Анне в сцене III («склонившись тихо, Вы черные волосы на мрамор бледный Рассыплете» и «Сюда, на этот гордый гроб Пойдете кудри наклонять и плакать» — VII, 154, 156); из «Каменного гостя» и имена любовниц Дон-Гуана — Инезы и Лауры; последняя в сцене II поет, аккомпанируя себе на гитаре и вызывая восклицания гостей: «*O brava! brava! чудно! бесподобно!*» (VII, стр. 145). Ср. у Сент-Бева: «*Elle eût pu... de sa harpe d'or éveillant cent rivaux, Ne voir rien qu'un sourire entre tant de braves*» (Она могла бы... своей золотой арфой возбуждая сотни соперников, Видеть одну лишь улыбку среди бесчисленных рукоплесканий).

<28>. *Элегия Пушкина* («Купить хоть слово девы милой, хоть легкий звук ее шагов». Ср. с элегией Грессе...)

Элегия Пушкина К*** («Зачем безвременную скуку...», 1820; II, 144). В экземпляре сочинений Пушкина, принадлежавшем Ахматовой, отчеркнуты строки:

Тогда изгнанием и могилой,
Несчастный, будешь ты готов
Купить хоть слово дэвы милой,
Хоть легкий шум ее шагов.

Элегия Грессе — «La Chartreuse» («Обитель»); в XX послании, представляющем собою фрагмент «Обители», есть строки: «Je voudrais de toute ma vie Acheter un de vos instants!» (Я хотел бы всей своей жизнью Купить одно ваше мгновенье!). Реминисценции из этой элегии ощущаются и в других строках пушкинского стихотворения. Ср.: «Один в тиши пустых полей Ты будешь звать воспоминанья Потерянных тобою дней» и «J'allois racheter en silence La perte de mes premiers jours» (Я хотел бы выкупить в тишине Потерю моих ранних дней») и т. д. (Oeuvres de Gresset, t. I. Paris, 1826, p. 250 et 50).

<29>. *Заклинание* и конец Гяура.

В экземпляре однотомника Пушкина, принадлежавшего Ахматовой, подчеркнуты две заключительные строки первой строфы «Заклинания». Реминисценции из заключительного монолога Гяура, призывающего мертвую возлюбленную, обнаруживаются в нескольких строфах пушкинского стихотворения. Ср.:

О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы...

If true, and from thine ocean-cave
Thou comest to claim a calmer grave

Если правда, что из твоей океан-
ской пещеры Ты приходишь просить
более спокойной могилы

Приди как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно...

Ah! were thy beauties e'er so cold
I care not...

Ах, если даже твои красы столь же холодны,
Мне все равно...

But shape or shade! whate'er thou art,
In mercy ne'er again depart!

Но — образ или тень! чем бы ты ни была,
Из сострадания — не уходи больше!

<30>. «О Мильтоне и переводе Шатобриана». Доказываю, что это такой же пастиш, как и «Последний свойственник». (Тема — *независимость поэта*).

См. XII, 137 («О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного Рая“») и XII, 153 («Последний из свойственников Иоанны д'Арк»).

Последняя статья есть пастиш (литературная имитация и мистификация). См.: Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине. Л., 1929, стр. 190—198; комментарии Н. К. Козмина в кн.: Сочинения Пушкина, т. IX (2). Л., 1929, стр. 981—982.

<34>. Мадонна и Рыцарь бедный — Ваккенродера.

Это чрезвычайно интересное указание вводит в круг источников «легенды» «Жил на свете рыцарь бедный» (1829) один существенно важный, не отмеченный исследователями (см. подробный анализ истории этого сюжета в статье Д. П. Якубовича «Пушкинская „легенда“ о рыцаре бедном». — Западный сборник. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 227—256). Речь идет о «Видении Рафаэля» в книге В. Ваккенродера и Л. Тика «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного» (1814), переведенной в 1826 г. С. Шевыревым, В. Титовым и Н. Мельгуновым и сыгравшей важную роль в истории русского романтизма; по-видимому, проблематика ее отразилась в «Моцарте и Сальери» (см. комм. М. П. Алексеева к трагедии в издании: Пушкин. Т. VII. Драматические произведения. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 538 и сл.). Согласно Ваккенродеру, в душе Рафаэля «от самой нежной юности всегда пламенело... особенное святое чувство к матери божьей»; «даже иногда громко произносил ее имя, он ощущал грусть душевную»; однажды ночью он был привлечен «светлым видением» богоматери; «видение навеки врезалось в его душу и чувства», и он осуществил свою мечту — перенести этот образ на полотно («Об искусстве и художниках...»; цит. по переизданию: М., 1914, стр. 6—8). В тексте Пушкина — прямые реминисценции: «Он имел одно виденье, Непостижное уму, И глубоко впечатление В сердце врезалось ему» (III, 161). Добавим к этому, что «безумцем», аскетически посвятившим жизнь одной идее (в данном случае — идее служения искусству) является в книге Ваккенродера и Иосиф Берглингера («Музыкальная жизнь художника Иосифа Берглингера»); в этой части книги приведена целиком любимая героем оратория «Stabat mater dolorosa», посвященная деве Марии (в вариантах пушкинской «легенды» девизом «рыцаря бедного» служат слова «mater dolorosa», восходящие к этому гимну).

<32>. Aimables ignorants (Парни) — «милые невежды» («Евгений Он<егин>»), беспечные невежды («Была пора», 1836).

Ср. у Парни: «Avec quels soins au terme du bonheur Je conduisis ton ignorance aimable» («Retour à Eléonore»); «Ne perdez point votre aimable ignorance» («Plan d'études») (С какими заботами я вел к пределу счастья твое милое неведение; Не теряй своего милого неведения). Ср.: Oeuvres diverses d'Evariste Parny, t. 1. Paris, 1812, pp. 56, 33.

<33>. «Публика смотрит на вас как на свою собственность» («Египетские н<очи>»). См. «Пелам»: You became public property.

(Одинаковая ситуация).

Там же. Отвод описания любовных бесед.

Ср. «Барышня-Крестьянка».

Ахматова ссылается на начало 1-й главы «Египетских ночей» (VIII (4), 263) и замечание Пушкина в «Барышне-крестьянке» о «приторности» подробностей, рисующих зарождение и развитие любовного чувства (там же, стр. 117). Указанные ею аналоги из романа Бульвера-Литтона «Пелам, или Приключения джентльмена» (1828) — в главах XLVI и XVIII (см.: Pelham;

or the Adventures of a Gentleman. Paris, 1832, pp. 68, 197. Русский перевод см.: Бульвер-Литтон. Пелаг, или Приключения джентльмена. Гослитиздат, М., 1962, стр. 118, 265).

⟨34⟩. Еще один знакомый Пушкина.

«... он не предпочитает первого английского шалолая всем известным и неизвестным своим соотечественникам» («Воображаемый разговор с Ал<ександром> I», Михайловское, 1824).

«... je suis ennuyé d'être traité dans ma patrie avec moins d'égard que le premier galopin anglais qui vient у promener parmi nous sa platitude et son baragouin» (Казначееву. Июнь. В Одессе — Пушкин, т. X, стр. 88).

(«... мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину, явившемуся щеголять среди нас своей тупостью и своей тарабарщиной»; стр. 770).

Слоан (англичанин-католик; 1794—1871) имел большой успех в высшем обществе (см.: Бутурлин, Мемуары, стр. 441—442). В 1824—1825 гг. молодой Бутурлин находился в Одессе со своим воспитателем Слоаном (стр. 53, гл. 36—39).

См. о Слоане в письмах В. Ф. Вяземской к мужу (из Одессы 1824).

Итак, первый попавшийся английский шалолай, которого Воронцов предпочитал всем своим известным и неизвестным соотечественникам, был 30-летний красавец Слоан. Обращение с ним Воронцова и было причиной обиды Пушкина.

Выписка о Слоане: «Слоан имел большие успехи в высшем обществе» (стр. 441—442. Мемуары Бутурлина).

«Воронцова считали либералом и англоманом» и т. д. «У него было 3 англичанина: 1) врач, 2) чиновник Джексон, управляющий имением жены, и 3) конюх (стр. 30).

«Гр. Воронцов принял меня очень любезно и расточался в любезностях перед моим наставником (г. Слоан)».

«Все мы, приближенные к нему (а также г. Слоан), ежедневно у него обедали, даже когда он отлучался из города, а поваром у него был французский кулинарный артист» (стр. 16. Записки 1824—1827 года граф<а> М. Д. Бутурлина, стр. 30).

Цитаты из Пушкина см.: Акад., XI, стр. 23 и XIII, стр. 95. «Записки» графа М. Д. Бутурлина, дальнего родственника Пушкина, об Одессе 1824 г. и своем гувернере Слоане см.: «Русский архив», 1897, № 3, стр. 394—444 и № 5, стр. 5—74. Письмо В. Ф. Вяземской мужу от 25 июля 1824 г. с характеристикой Слоана («тридцати лет, малый очень красивый и довольно умный, насколько может казаться умным англичанин, говорящий по-французски») см.: Остафьевский архив, т. V, вып. 2, СПб., 1913, стр. 134.

Р. Ю. ДАНИЛЕВСКИЙ

ПУШКИН И КИЗЕВЕТТЕР

Живое слово Пушкина, которое слышали современники поэта, для нас не звучит и звучать не может. Утрачена одна из существенных сторон его поэзии. Известно, что Пушкин охотно читал свои стихи вслух и, работая над ними, по-видимому, в какой-то мере ориентировался на слушателей.¹ Восстановление подлинной пушкинской интонации позволило бы воспринять его поэзию полнее и ярче, чем она воспринимается в зрительном чтении, каким бы подробным ни был комментарий к его стихам.

Если о полном воспроизведении пушкинской интонации говорить не приходится, то некоторое представление о том, как Пушкин читал свои стихи, все же можно получить из разных источников. Один из них — анализ интонационных возможностей самого стиха.² Другой — свидетельства современников. Наконец, важным источником являются собственные суждения Пушкина о декламации и об игре актеров. Данные двух последних видов имеют непосредственное отношение к теме нашей статьи.

Сохранившиеся свидетельства о чтении Пушкина довольно многочисленны. Но единодушные похвалы его манере декламации соседствуют в них, как правило, с разноречивыми описаниями самой манеры. С одной стороны, слушавшие Пушкина подчеркивали простоту его чтения, необычную для декламационного искусства этого времени (особенно отчетливо об этом свидетельствует М. П. Погодин).³ Других сильнее всего поражала музыкальность

¹ См.: Г. В. Артоболевский. Очерки по художественному чтению. М., 1959, стр. 176—181.

² См.: С. В. Шервинский. Ритм и смысл. К изучению поэтики Пушкина. М., 1961, стр. 33 и сл. — Поскольку наша статья не носит стилистического характера, эта тема затрагивается в ней минимально.

³ См.: «Русский архив», 1865, № 4, стр. 98—99. Воспоминания современников о чтении Пушкина см.: В. Вересаев. Пушкин в жизни. Изд. 6, значит. дополн. Т. 1. М., 1936, стр. 325—327; Г. В. Артоболевский. Очерки по художественному чтению, стр. 176—186. Ср. также: В. А. Иванов. Искусство художественного слова. М., 1954, стр. 16—19.

пушкинского произношения стихов (сошлемся на воспоминания А. П. Керн).⁴ Это последнее качество заимствовали те, кто делал попытки копировать чтение Пушкина, и следующие поколения готовы были воспринимать пушкинскую декламационную традицию как напевную и торжественную, т. е. едва ли не такую, против которой восставал сам поэт.⁵

В современном пушкиноведении установилось мнение, что простота чтения поэта вовсе не была простотой обыденной речи. Она гармонически соединялась с «напевностью» — ритм стиха в какой-то степени интонировался — и с «музыкальностью» сочетания звуков в стихе.⁶ Впечатление усиливалось, очевидно, и благодаря самому тембру пушкинского голоса.

Принципы, на которых основывалось отношение Пушкина к актерской игре и театральной декламации, не должны были значительно отличаться от требований, какие он предъявлял к искусству, названному позднее художественным чтением («Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения...»)⁷ Поэту несомненно претили «протяжный вой» и «рев» трагических актеров школы В. А. Каратыгина.⁸ Однако об отношении Пушкина непосредственно к искусству публичного чтения литературных произведений известно немного.

⁴ См.: Л. Н. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899, стр. 242.

⁵ И. С. Тургенев «читал стихи... нараспев и с торжественной интонацией, согласно пушкинской традиции. Он говорил нам, что не слышал, как читал сам Пушкин, но что манеру его чтения ему воспроизводил один из его друзей, слышавший самого Пушкина» (Е. М. Гаршин. Воспоминания о Тургеневе. «Исторический вестник», 1883, т. 14, ноябрь, стр. 392). О декламации Л. С. Пушкина, подражавшего брату, см.: Я. П. Полонский. Кое-что о Пушкине. В кн.: М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931, стр. 324—325.

⁶ «Поэзия Пушкина представляет гармоническое сочетание рационального, эмоционального и эвфонического моментов, без перевеса в ту или иную сторону. Поэзия Пушкина, за исключением нескольких характерно-бытовых или стилизованных вещей, требует и гармонической, достаточно сонорной декламации, где три упомянутые выше элемента уравновешены» (С. В. Шервинский. Ритм и смысл, стр. 33).

⁷ Замечание об игре Е. С. Семеновой в наброске статьи «Мои замечания об русском театре» (1820) (Акад., XI, 10). См. также: Н. Н. Арденс. Драматургия и театр А. С. Пушкина. М., 1939; Русские драматурги. Первая половина XIX века, т. 2, под ред. Б. С. Мейлаха. Л.—М., 1961, стр. 125—176.

⁸ Пушкин писал брату из Кишинева 4 сентября 1822 г. по поводу «Орлеанской девы» Шиллера, переведенной В. А. Жуковским: «...5-стопные» стихи без рифм требуют совершенно новой декламации. Слышу отсюда драммоторжественный рев *Глухо-рева*. Трагедия будет сыграна тоном „Смерти Роллы“ (Пушкин имеет в виду петербургского актера А. Глухарева и высокопарно-чувствительную драму А. Коцебу «Испанцы в Перу, или Смерть Роллы»). См. также гл. 7 «Евгения Онегина» (строфа L).

В 20-х годах XIX в. это искусство уже существовало отдельно от театра. Его представители появились в светских салонах и при дворе (А. А. Плещеев), писатели читали и даже импровизировали свои сочинения, как А. Мицкевич. В Петербург наезжали и иностранные артисты. Один из них, итальянец-импровизатор, изображен Пушкиным в «Египетских ночах», хотя автора занимали при этом скорее общественно-этические проблемы, чем манера произнесения стихов.⁹ Впрочем, из текста повести видно, что искренность чувства составляла для Пушкина важнейшее условие воздействия поэзии на слушателей.

Интерес к искусству декламации отразился в дневнике Пушкина. Под датой 17 декабря 1833 г. поэт записал: «Вечер у Жуковского: немецкий amateur, ученик Тиков, читал „Фауста“ — неудачно, по моему мнению».¹⁰ Комментаторы не могли удовлетворительно объяснить эту запись, не располагая никакими другими прямыми свидетельствами об этом вечере и выступавшем на нем немецком артисте: дневник Жуковского за этот период не сохранился. Только В. Ф. Саводник в подготовленном им издании пушкинского дневника привел слова П. А. Плетнева, косвенно указывающие на то, что артистом-любителем, которого слышал Пушкин, мог быть некто Кизеветтер.¹¹

В настоящее время удалось получить дополнительные сведения о немецком чтеце, выступавшем на вечере у Жуковского. Действительно, в начале декабря 1833 г. в Петербурге появился актер, носивший указанную фамилию. «Северная пчела» сообщила: «На сих днях приехал в Петербург молодой немецкий декламатор г-н Кизеветтер, сын славного лондонского скрипача и племянник не менее знаменитого берлинского профессора. Г-н Кизеветтер с большим искусством читает драматические пьесы, выражая голосом и движениями лица все оттенки разговора, чувств и страстей действующих лиц. Хороший чтец может передать гораздо с большим успехом драматического автора, нежели посредственные актеры. Нам писали из Риги и из Дерпта, что он имел там большой успех. Особы, слышавшие здесь чтение его (из трагедий Шиллера, Гёте и Шекспира, по переводу

⁹ Одним из прототипов пушкинского импровизатора был, возможно, немецкий артист Лангеншварц, гастролировавший в русской столице в 1832 г. (см.: Е. Казанович. К источникам «Египетских ночей». В сб.: Звенья, вып. III—IV. М.—Л., 1934, стр. 187—204).

¹⁰ Акад., XII, стр. 317.

¹¹ См.: Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). (Труды Гос. Румянцевского музея, вып. I). М.—Пгр., 1923, стр. 232. — П. А. Плетнев писал Я. К. Гроту 17 января 1841 г. о музыкальном вечере у В. А. Сологуба: «Прежде музыки — известный немецкий декламатор Кизеветтер (которого я слышал у наследника еще лет за семь) декламировал под аккорды пиано сцены из „Фауста“» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I. СПб., 1896, стр. 208).

Шлегеля), равномерно отдают справедливость его дарованию и искусству». ¹²

В таком же рекомендательном тоне писала о Кизеветтере немецкая «Sankt-Petersburgische Zeitung», но здесь автор заметки о нем делился с читателями уже собственными впечатлениями: «Мы имели возможность присутствовать на чтении многих сцен из Гёте, Шиллера и Шекспира, устроенном г-ном доктором Кизеветтером по просьбе избранного круга любителей искусств. . .». ¹³ Через несколько дней чтение Кизеветтера услышал Пушкин.

Гастроли немецкого декламатора в Петербурге зимой и весной 1833—1834 гг. были довольно интенсивными. В столичном «свете» возникла, по-видимому, мода на него, ¹⁴ подобная той, о которой иронически говорил Пушкин устами одного из героев «Египетских ночей». Позднее, уже после смерти Пушкина, в начале 40-х годов, Кизеветтер снова посетил Петербург. Он возобновил старые знакомства в литературных кругах и даже пытался расширить свой репертуар, включив в него произведения русских писателей — разумеется, в немецком переводе. Так, 21 февраля 1841 г. Кизеветтер писал В. Ф. Одоевскому: «Осмеливаюсь предложить вам перевод сочинений Пушкина с просьбой сообщить как можно скорее ваше мнение, подходит ли он для чтения перед обществом». ¹⁵

К этому периоду относится газетная заметка, подтверждающая предположение, что Пушкин в свое время слушал именно Кизе-

¹² «Северная пчела», 1833, № 276, 277 и 278, 4 декабря, стр. 1101—1102. — Из родственников декламатора, названных здесь, достоверно известен берлинский философ-кантианец И. Кизеветтер (1766—1819). К младшему поколению той же семьи мог принадлежать выступавший в Петербурге с 1848 г. скрипач-виртуоз Г. Кизеветтер, игра которого восхищала Л. Толстого (см.: В. И. Срезневский. Георг Кизеветтер, скрипач петербургских театров. В сб.: Толстой, 1850—1860. Материалы. Статьи. Труды Толстовского музея АН СССР, Л., 1927, стр. 42—67). Он происходил из Ганновера, так же как и декламатор, скудные биографические сведения о котором попали в петербургскую печать (см.: «Sankt-Petersburgische Zeitung», 1833, № 291, 12/24 декабря, стр. 1248).

¹³ Там же.

¹⁴ В приведенной выше заметке «Sankt-Petersburgische Zeitung» сообщала, что декламатор склонен давать уроки своего искусства. Там же, в номере за 6 (18) марта 1834 г., было объявлено о готовящемся 11 марта платном выступлении Кизеветтера на квартире Н. И. Греча с чтением фрагментов из «Эгмонта» и «Дона Карлоса» (№ 52 и 53, стр. 210). Цена билета совпадала, вероятно, с той, которая указывается в тексте «афишки», служащем эпиграфом к третьей главе «Египетских ночей» (10 руб. асигнациями). Впоследствии Кизеветтер брал за билеты именно эту цену (см. объявление о его вечерах: «Северная пчела», 1841, № 34, 13 февраля, стр. 134).

¹⁵ Отдел рукописей Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 539, ед. хр. № 581, л. 1 (подлинник по-немецки). Росчерк на обороте записки можно прочесть как *Сarl? Kieseletter* — это единственная возможность установить предположительное имя дек-

веттера. «В обществе Гёте и Тика, — писала газета, — он познакомился со всеми сокровищами немецкой литературы и своим необыкновенным умением показывать ее красоты приобрел себе известность и друзей. Слова Гёте, сказавшего ему: „С вашим Мефистофелем вы можете путешествовать“ («Auf Ihren Mephistopheles können Sie reisen»), будут повторяться всеми, кому только доведется услышать, как г-н доктор Кизеветтер читает сцены из „Фауста“». ¹⁶

Достоверность этих сведений сомнительна, однако важно отметить, что декламатора считали учеником Людвиг Тика, и Пушкин, как мы видели, разделял общее мнение.

Выдающийся прозаик и поэт, один из основателей немецкого романтизма, Тик был также знаменит своим искусством читать литературные произведения. Его дрезденские вечера чтения пользовались известностью за пределами Германии. Среди русских посетителей салона Тика, оставивших записи о его манере чтения, были Жуковский (слушал в 1821 г. «Макбета» и «Гамлета»), Александр Тургенев (слушал Шекспира в 1827 г.), Греч (слушал «Принца Гомбургского» Г. Клейста во второй половине 30-х годов). ¹⁷ С Тиком встречались и другие литераторы, которых знал Пушкин, — В. К. Кюхельбекер, переводчик А. Дитрих. ¹⁸ Слушатели Тика отмечали выразительность его чтения и вместе с тем некоторую сдержанность чувств, отсутствие патетики, что было воспринято, например, Жуковским как недостаток. ¹⁹

ламатора. Сохранился пригласительный билет на чтение Кизеветтера, без даты (там же, л. 4):

Dr. Kiese wetter
Pianist Engelhardt

Wassily-Ostrow
Cadetten-Linie, № 20
Heides (?) Haus

¹⁶ «Sankt-Petersburgische Zeitung», 1841, № 18, 23 января (4 февраля), стр. 74. — В материалах, относящихся к биографиям Гёте и Тика, имя Кизеветтера обнаружить не удалось. Слухи о том, что он был якобы себе-седником и учеником знаменитых немцев, распространялись, очевидно, им же самим, для того чтобы обеспечить успех его гастролей.

¹⁷ См.: Дневники В. А. Жуковского. С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903, стр. 168; В. А. Жуковский, Сочинения, изд. 7, т. 5. СПб., 1878, стр. 462—463; Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872, стр. 24; Н. Греч. Путевые письма из Англии, Германии и Франции, ч. 2. СПб., 1839, стр. 259—264.

¹⁸ См.: В. Кюхельбекер. Отрывок из путешествия. «Мнемозина», ч. 2. М., 1824, стр. 56—62. Об А. Дитрихе см.: М. П. Алексеев. Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. 8, вып. 4, стр. 369—372. См. также: P. Matenko, Tieck's Russian friends. «PMLA», 1940, vol. LV, № 4, pp. 1129—1145.

¹⁹ «Он прочитал „Макбета“: большое искусство!.. Он, так же как и Плещеев, читает, не называя говорящих лиц: и по голосу, и по выражению, и по лицу его можно легко узнавать всех; только в выражении

Едва ли Пушкину не понравилось бы чтение такого рода. Но, не слыша непосредственно Тика и относясь к немецкому романтизму в целом с известной долей предубеждения, Пушкин не имел оснований не доверять слухам о том, что Кизеветтер якобы читает в манере Тика. В действительности, однако, немецкий декламатор читал совершенно иным образом.

Кизеветтер не мог удержаться в пределах меры и вкуса своего предполагаемого «учителя» и декламировал, по всей очевидности, так, как у немецких актеров среднего уровня принято было произносить стихотворный текст, — аффективно, с преувеличенными жестами и мимикой.²⁰ «Внутреннее чувство владеет его пульсом, глаза его вращаются, лоб в сильном движении; это — мастер мимики, живописного языка души», — писал о Кизеветтере немецкий рецензент, слова которого сочувственно цитировала «Dörptische Zeitung» в 1833 г.²¹

Петербургская печать тоже обратила внимание на эти особенности декламации Кизеветтера, но во время вторичного появления артиста в столице такая чрезмерная «выразительность» начала уже вызывать осуждение.²²

Неизменно точный в своих характеристиках, Пушкин оценил чтение декламатора как любительское, уловив в нем отсутствие глубины, профессионального мастерства намного раньше, чем это понял рецензент петербургской газеты. Любительская профанация «Фауста», усугубленная музыкальным сопровождением, могла только оттолкнуть Пушкина. Усиленная мимика Кизеветтера отнюдь не способствовала пониманию поэзии Гёте. Единство мысли и слова, присущее Гёте, требовало именно той гармонической манеры чтения, к которой стремился Пушкин.

чувства он уступает нашему и вообще лицом своим не так владеет...» (В. А. Жуковский, Сочинения, изд. 7, т. 5, стр. 462—463).

²⁰ Игру немецких актеров критиковал Л. Тик в театральных рецензиях 1823—1824 гг. — см.: О нынешнем состоянии немецкого театра и драматической литературы (Из «Драматургических листов» Л. Тика). «Сын отечества», 1827, ч. 114, № 15, стр. 228—241.

²¹ «Dörptische Zeitung», 1833, № 88, 4 ноября (подлинник по-немецки). — Автор признателен сотруднице Научной библиотеки Тартуского университета Э. Р. Саармаа за разыскание этого источника.

²² См.: Н. Schmalz. Dramatische Vorlesungen des Herrn Dr. Kisevetter. «Sankt-Petersburgische Zeitung», 1841, № 31, 7 (19) февраля, стр. 132.

Е. И. ГАВРИЛОВА

ПУШКИН И КАРЛ БРЮЛЛОВ

Дружба Пушкина и Брюллова была кратковременной, но не прошла бесследно. Она отразилась в произведениях и переписке поэта, в дневниках и воспоминаниях современников и в творческом наследии художника.¹ Ее предчувствием дышит восторженный отзыв Нащокина о Брюллове, посланный Пушкину в январе 1836 г., когда художник, направляясь из Турции в Петербург, остановился в Москве.

Весной 1835 г. Брюллов еще жил в Италии и не собирался на родину. Он жаждал независимости, думал даже навсегда остаться за границей. Русское посольство в Риме известило его о желании Николая I видеть прославленного мастера в Петербурге, на службе в Академии художеств. Но Брюллов отправился путешествовать по Греции и Турции. В Константинополе его настиг приказ немедленно выехать в Россию. Брюллов повиновался, но, оказавшись проездом в Москве, застрял там почти на полгода. Петербург нетерпеливо ждал художника, а он медлил, сказывался больным и не двигался из древней столицы.

Приехав в Москву в ночь на 3 мая, Пушкин сам поспешил встретиться с Брюлловым, и на следующий день написал жене: «Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего <...>. Мне очень хочется привезти Брюллова в П<е-тер>Б<ург>» (Акад., XVI, № 1188).

Отзвук дружеских бесед сохраняют черновики статьи Пушкина о «Фракийских элегиях» (1836): «Так Брюлов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием списывал Афинскую школу Рафаэля. А между тем в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали <...>» (XII, стр. 372).

В тончайшем постижении истоков грандиозной концепции Брюллова — итог общения с художником, сумевшим «открыть

¹ Сводку данных о знакомстве и встречах Пушкина с Брюлловым см.: Пушкин. Письма последних лет. «Наука», Л., 1969, стр. 370—371.

новые миры, стремясь по следам гения». Поэтическое проникновение в тайны творческого процесса несравнимо с пышной риторикой описания — «Везувий зев открыл. . .» (1834).

В последнем откровенном письме Пушкина к жене из Москвы (от 18 мая 1836 г.) — братское участие к судьбе Брюллова и разделенная горечь тревожных дум: «Брюлов сей час от меня. Едет в П~~е~~тер~~б~~ург», скрепя сердце; боится климата и неволи. Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист» (XVI, № 1197).

На прощальном вечере у московских художников Брюллов сделал рисунок «Рыцарь, отъезжающий на коне, и Дульциней, смотрящая на него из окна». Н. А. Рамазанов сообщил авторское толкование сюжета: «Этот рыцарь, — говорил Брюллов, — я сам, я беспрестанно уезжаю». ² (Рисунок бистром «Отъезжающий рыцарь», с надписью: «. . . подарок Егору Маковскому при отъезде из Москвы» — хранится в Третьяковской галерее).

У Пушкина также имеется стихотворный фрагмент незаконченного стихотворения, датированного 1836 г., действие которого также происходит в Испании:

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
«Сеньор, послушайте меня:
Пускаться в путь теперь не время»
.

Но Альфонс не обращает внимания на предостережения трактичника:

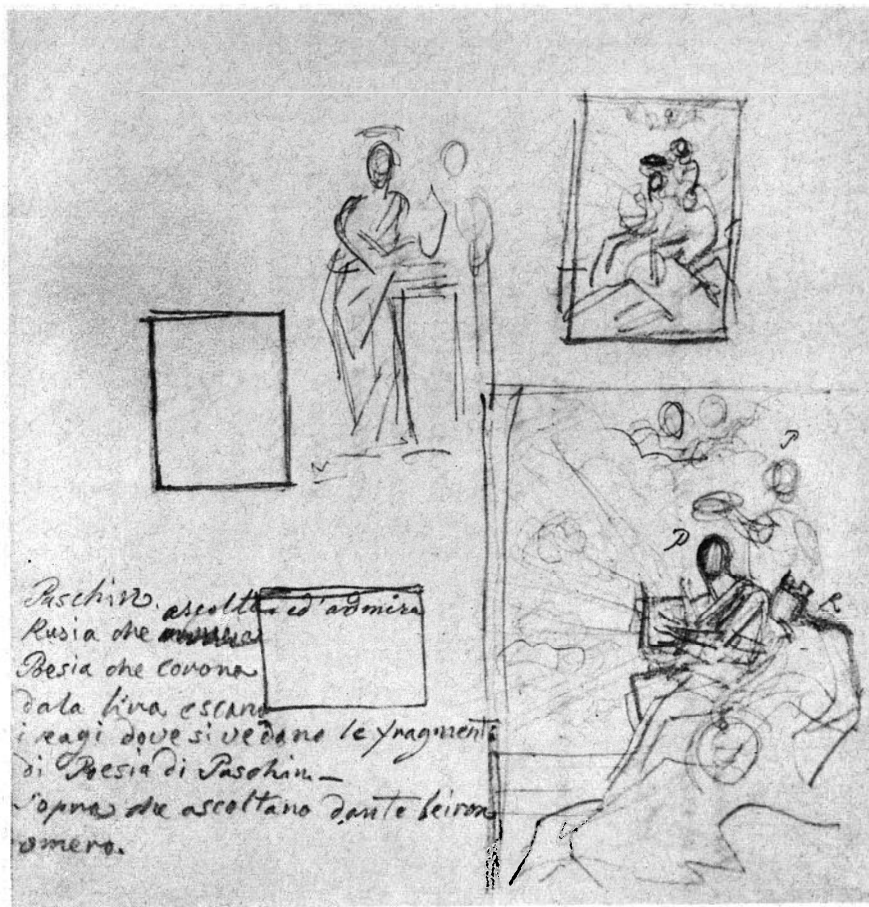
— Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь, —
Он отвечает, — неприлично
Бояться мне чего-нибудь.
Я дворянин, — ни черт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я. . .

Бесстрашие Альфонса подчеркнуто и далее в эпизоде о виселице, на которой он видит тела «двух славных братьев атаманов, давно повешенных и там оставленных в пример ворам» (III, стр. 436).

Исследователи Пушкина давно уже указали на источник, внушивший поэту указанный стихотворный отрывок. Это роман Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе», два французских издания которого 1813—1814 гг. были в библиотеке Пушкина. ³

² Н. Рамазанов. Материалы для истории художеств в России. М., 1863, стр. 190.

³ В. Г. Чернобаев. К истории наброска «Альфонс садится на коня». В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5, М.—Л., 1939,

Апофеоз Пушкина. Рисунок К. Брюллова.

Проект памятника Пушкину. Рисунок К. Брюллова.

Было бы трудно отрицать несомненную генетическую связь между цитированным фрагментом Пушкина и завязкой романа Потоцкого; тем не менее стихотворный фрагмент — не перевод, а вольный пересказ начального эпизода прозаического романа польского писателя; рукопись Пушкина обрывается внезапно и не дает возможности предположить, как повествование у него развивалось бы далее. Интересно, однако, то, что указанный фрагмент Пушкина сохранился среди бумаг К. П. Брюллова. Это дает возможность предположить, что он был для Брюллова не только образчиком рукописания поэта, но, может быть, содержал в себе также какие-либо намеки на встречи и беседы с Пушкиным. Может быть, образу дона Альфонса, капитана Валонской гвардии испанского короля Филиппа V, Пушкин придал кое-какие черты Брюллова, этого «отъезжающего рыцаря», вынужденного в 1836 г. спешить в Петербург и отважно утверждавшего: «мне путешествие привычно, когда спешу на службу я» (этих деталей в тексте романа Потоцкого не имеется). Двойной смысл приобретает также виселица, которую увидел Альфонс.

За испанской экзотикой мрачно романтических образов встает тень петербургской трагедии десятилетней давности — расправа с декабристами. Пушкин не мог не говорить о ней с Брюлловым, только что вернувшимся в Россию после тринадцатилетнего отсутствия (как не мог не вспоминать о «полицейских выговорах», шпионе Булгарине и прочем). Зловещий призрак преступной казни встал на пути художника как тяжелое испытание.

И. А. Кубасов, отыскавший автограф стихотворения в архиве Брюллова, предположил, что Пушкин мог лично передать его Карлу Павловичу.⁴ Гипотезу Кубасова принял и уточнил Л. Б. Модзалевский. Он пришел к выводу, что Пушкин «подарил Брюллову только что написанный автограф» в июне—июле 1836 г.⁵ Датировку можно, видимо, уточнить: май 1836 г.

стр. 405—416. — Недавно русские переводы этого романа, сделанные по разным текстам, появились в двух изданиях: 1) Ян Потоцкий. Рукопись, найденная в Сарагосе. Перев. А. С. Голембы, статья и примеч. И. Ф. Бэлзы. «Наука», М., 1968, в серии «Литературные памятники»; 2) Ян Потоцкий. Рукопись, найденная в Сарагосе. Перев. с польского Д. А. Горбова. «Художественная литература», М., 1974, предисл. и примеч. С. С. Ланды. В обоих изданиях идет речь о Пушкине; С. С. Ланда (стр. 31—32) приводит также перечень мало известных у нас польских работ о Пушкине и Я. Потоцком; тем не менее в истории возникновения отрывка «Альфонс садится на коня» и его истолковании остается еще много неизвестностей.

⁴ Ив. Кубасов. Вновь найденный черновой набросок стихотворения Пушкина «Альфонс». «Русская старина», 1900, кн. 2, стр. 309.

⁵ Л. Модзалевский. Коллективная записка к К. П. Брюллову. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 2. М.—Л., 1936, стр. 19.

Академия художеств готовила новому профессору неслышанно торжественную встречу, лучшую мастерскую и бывшую ректорскую квартиру. Но первым пристанищем Брюллова в Петербурге стала квартира Соболевского и Мальцова в доме Таля, что на Невском проспекте против Малой Морской. Отсюда увез его однажды Пушкин к себе на Каменный остров и показал ему своих детей. В этот дом друзья поэта и он сам отправили коллективную записку, приветствуя Брюллова с чествованием в Академии 11 июня 1836 г.⁶

За два дня до роковой дуэли Пушкин в последний раз встретился с художником, посетив, вместе с Жуковским, академическую квартиру Брюллова. (Восхитившая тогда поэта акварель «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне» находится в Кировском художественном музее⁷). Вечером того же дня Брюллов заболел. Поэтому он не был у гроба Пушкина, но послал своего ученика Мокрицкого и тот привез ему скорбный рисунок.

31 января, едва оправившись от болезни, Брюллов просил читать ему стихи Пушкина. Тогда и возникли у него новые творческие замыслы. Рожденные душевной болью и безмерным преклонением перед памятью гения, они завершают краткую историю дружбы, связавшую в 1836 г. художника и поэта.

Брюлловские эскизы, навеянные гибелью Пушкина, совершенно обойдены вниманием исследователей. Недавняя публикация ввела в оборот два листа, один из которых считался утраченным, а другой не был известен.⁸

Несколько набросков, нервных и решительных, сделаны карандашом на обороте присланной Брюллову официальной бумаги (копии отношения министра двора президенту Академии), датированной 22 декабря 1836 г.⁹

Тема их — апофеоз Пушкина. Поэт изображен сидящим на скале, с лирой в руках, в окружении аллегорических фигур России, Поэзии и теней великих поэтов. Аллегорическая композиция сопровождается авторской программой на итальянском языке: «Pushkin. Ascolta ed admira Rusia che [зачеркнуто] Poesia che corona de la lira e scano i ragi dove si vedano le fragmenti di Poesia di Pushkin—Sopra che ascoltano Dante Beiron Omero».¹⁰

С конца 1830-х до начала 1850-х годов Брюллов упрямо обращался к аллегорическому жанру, привлекавшему художника возможностью выражать отвлеченные идеи остроумным сочетани-

⁶ Е. И. Гаврилова. «Коллективная записка» К. П. Брюллову. В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1967—1968. Л., 1970, стр. 95—97.

⁷ А. Н. Мокрицкий, описавший ее, запамätывал некоторые детали.

⁸ Е. Гаврилова. Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках Карла Брюллова. «Искусство», 1971, № 2, стр. 58—60.

⁹ Гос. Русский музей (ГРМ), отдел рукописей, ф. 31, ед. хр. 268.

¹⁰ Пушкин. Внимает и восхищается Россия. Поэзия увенчивает его. В лучах, исходящих от лиры, видны фрагменты поэзии Пушкина. Сверху внемлют Данте, Байрон, Гомер.

нием мифологических и символических олицетворений. Но ни одна из задуманных им аллегорий («Портрет певицы Воробьевой в виде друиды», «Аллегория Рима», «Всесокрушающее Время» и др.) не воплотилась в картину. Жанр этот безнадежно устарел.

Аллегорическая композиция, посвященная Пушкину, не могла быть создана еще и потому, что прославление памяти поэта, официально запрещенное в первые месяцы после его смерти, было нежелательно во все годы царствования Николая I. По этой же причине не был осуществлен и задуманный Брюлловым фронтиспис на подобный сюжет: Пушкин «с лирой в руках на склоне кавказских гор, посреди величественной кавказской природы». Такую запись сделал в дневнике Мокрицкий 31 марта, когда А. А. Краевский, посетив Брюллова, рассказывал ему о плане издания сочинений поэта и читал неопубликованные стихи Пушкина, найденные в рукописях.

На том же листе, рядом с композициями, набросан беглый очерк памятника — Поэт и венчающая его Слава. Проект памятника Пушкину Брюллов разработал в самостоятельном рисунке.¹¹

Гений поэзии в виде Аполлона, играющего на лире, стоит рядом с Пегасом на вершине Геликона. У ног их пробивается Иппокрена. У источника — группа амуров. Один из них чертит на скале надпись, другой заключает в сосуд волшебную струю.

В 1830-х годах Брюллову приходилось разрабатывать эскизы памятников. Один из них (надгробие княгини Витгенштейн) был осуществлен С. И. Гальбергом. В данном случае речь шла о «памятнике славы», который, по определению Гальберга, есть «не просто портрет, для последнего достаточно одного верного лица изображения, для первого же необходимо выражение какой-либо мысли <...>, указывающей потомству те подвиги и труды, коими герой или поэт стяжал себе право на монумент».¹² Теоретические принципы классицизма требовали отказа от индивидуальной формы.

Брюллов задумал памятник Пушкину в монументальном плане, стремясь воплотить самые возвышенные представления о Поэте. Отсюда аллегоризм композиции и мифологическая трактовка образа, не исключавшая последующего привнесения в него черт портретного сходства с Пушкиным. (Двадцать пять лет спустя скульптор Н. С. Пименов воспользовался в своем проекте памятника Пушкину сходной системой аллегорий: Поэт на вершине Геликона, струи Иппокрены, гений Поэзии, парящий у ног Пушкина, и Россия в образе крестьянина).

Слабые стороны брюлловского замысла — декоративно графическое решение монументальной задачи в ущерб пространственно-пластическому представлению, а также преобладание фронталь-

¹¹ ГРМ, отдел рисунка, № р-8016.

¹² ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 19, VIII, ед. хр. 93, л. 49.

ного и одного из боковых аспектов группы, — свойственны даже лучшим работам скульпторов этого времени. Они — свидетельство упадка стиля классицизма в русской скульптуре 30-х годов XIX века. Тем не менее обращение к самой идее монумента в 1837 г. делает честь Брюллову.

Петербургу пришлось долго ждать памятника Пушкину. Лишь в начале нового царствования, в 1857 г., столичная пресса заговорила о нем, выразив надежду увидеть его в сквере против Александринского театра.¹³

Памятник поэту, достойный народной его славы, сооружен был в Ленинграде ровно сто лет спустя. Но в ряду бесчисленных проектов монумента — первый принадлежит Брюллову.

¹³ О. А. Пилип. К истории создания памятника Пушкину работы М. К. Аникушина. В кн.: Пушкин и его время. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 454—455.

П. ОБЗОРЫ

В. В. ЗАЙЦЕВА

КНИГИ О ПУШКИНЕ 1970 ГОДА

Настоящий библиографический указатель, так же как и аналогичные перечни во всех предшествующих выпусках «Временника», продолжает регистрацию текущей литературы по пушкиноведению. Нам уже приходилось отмечать предварительный характер этих указателей: все они составлены для сведения лиц, интересующихся изучением Пушкина, и не претендуют на полноту библиографических описаний. Идя навстречу пожеланиям читателей, заинтересованных в скорейшем получении более полной библиографической информации о Пушкине, мы включили в наш указатель также и статьи, появившиеся в сборниках и периодических изданиях, вышедших в СССР в 1970 г. Отметим также, что составительница в своих кратких аннотациях не ставила своей целью давать оценки называемых работ.

- Арнаутов М. Психология литературного творчества. Пер. с болг. Д. Д. Николаев. М., «Прогресс», 1970, 654 стр.
Стр. 101—107: 3. Русские реалисты: Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев.
- Асафьев Б. «Пиковая дама» [П. И. Чайковского]. — В кн.: Асафьев Б. Симфонические этюды. Л., «Музыка», 1970, стр. 158—193.
- Ахматова А. А. I. К статье «Каменный гость» Пушкина (дополнения 1958—1959 годов). — II. Болдинская осень (VIII-я глава «Онегина»). — III. «Две новые повести Пушкина» [«Египетские ночи» и «Мы проводили вечер на даче»]. — IV. «О XV строфе второй главы „Евгения Онегина“, о мании преследования (хандре), посвящении в шпионы (о «мнимой дружбе») и первом слое стихотворения „Вновь я посетил“ («милые южные дамы»)». — V. Уединенный домик на Васильевском. — «Вопросы литературы», 1970, № 1, стр. 158—206.
Публик., вступит. заметка («Неизданные заметки Анны Ахматовой о Пушкине») и примеч. Э. Герштейн.
- Беккер Э. Г. Наш Пушкин. (Опыт факультативных занятий по литературе в 8 классе). Брянск, 1970, 72 стр. (Смоленский гос. пед. ин-т им. К. Маркса. — Новозыбковский гос. пед. ин-т).
- Белинский В. Г. Избранные статьи. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., «Детская лит-ра», 1970, 192 стр. (Школьная б-ка).
Стр. 5—72: А. С. Пушкин. Из цикла статей «Сочинения Александра Пушкина».
- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. — В кн.: Белинский В. Г. Статьи о классиках. М., «Худож. лит-ра», 1970, стр. 5—129.
Статья пятая (отрывок). — Статья восьмая. — Статья девятая.

- Белкин Д. И. Индийские мотивы в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Литературные связи и традиции. Горький, 1970, стр. 40—65. (Уч. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, вып. 120).
- Индийская сказка «Глухие» из «Панчатантры», опубликованная В. Ф. Одоевским в «Литературной газете», — источник эпиграммы Пушкина «Глухой глухого звал к суду судьи глухого».
- Белкин Д. И. Концепция Востока в творчестве Пушкина. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1970, 20 стр. (АН СССР. Ин-т востоковедения).
- Благой Д. Д. А. С. Пушкин. — В кн.: Соколов А. Н. История русской литературы XIX века. (1-я половина). Изд. 3-е, переработ. М., «Высш. школа», 1970, стр. 412—570.
- Благой Дмитрий. Фауст в аду (об одном неизученном замысле Пушкина). — В кн.: Исследования в чест на академик Михаил Арнаудов. Юбилеен сборник. София, 1970, стр. 263—275. (Българска Академия на науките. Ин-т за литература).
- Богач Г. Далече северной столицы... — «Кодры», 1970, № 9, стр. 133—137.
- Пушкин в Кишиневе в 1820—1823 гг.
- Богач Г. А. С. Пушкин и молдавское народное искусство. К 150-летию пребывания А. С. Пушкина в Молдавии. — «Литба ши литература молдовеняскэ», 1970, № 4, стр. 1—13.
- Бозырев В. По Пушкинскому заповеднику. [Изд. 3-е]. Великие Луки, Профиздат, 1970, 176 стр. с илл.
- Путеводитель.
- Бонди С. Комментарии. — В кн.: Пушкин А. С. Поэмы. М., «Детская лит-ра», 1970, стр. 171—190. (Школьная б-ка. Для средней школы).
- Бонди С. О романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. — Евгений Онегин. М., «Детская лит-ра», 1970, стр. 248—270. (Школьная б-ка).
- Впервые в кн.: Пушкин А. С. Евгений Онегин. М., Детгиз, 1957, стр. 5—45.
- Боровкова С. Звенигород и окрестности. 2-е доп. изд. М., «Московский рабочий», 1970, 223 стр.
- Стр. 154—164: «Пушкинские места. (Захарово, Большие Вяземы)».
- Бурмагина В. Г. Из наблюдений над синонимической правкой А. С. Пушкина. — В кн.: Материалы и исследования по стилистике русского языка и культуре речи. Красноярск, 1970, стр. 11—17. (М-во просвещения РСФСР. — Красноярский пед. ин-т).
- Бэлза Игорь. Пушкин и польская культура. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., 1970, стр. 156—174. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — Ин-т славяноведения и балканистики).
- Вацуро В. Э. Пушкин в общественно-литературном движении начала 1830-х годов. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Л., 1970, 20 стр. (АН СССР. Ин-т русской литературы. (Пушкинский дом)).
- Власова Л. Д. Некоторые специфические модели порядка слов в стихотворном синтаксисе А. С. Пушкина. — В кн.: Краткие очерки по русскому языку. Т. 3. Курск, 1970, стр. 42—48. (Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та, т. 72).
- Вопросы русской литературы. М., 1970, 381 стр. (Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, № 405).
- Стр. 57—88: А. П. Сарычев. Характер и обстоятельства в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. Стр. 89—118: Н. Я. Соло-

вей. История создания и публикации «Вновь я посетил...» А. С. Пушкина. Стр. 364—371: Л. Я. Ермилова. Об особенностях восприятия времени в поэзии Лермонтова, Тютчева и Пушкина.

Галущко Татьяна. «...Незримый рой гостей». — «Аврора», 1970, № 12, стр. 55—57 с илл.

Музей-квартира Пушкина.

Галущко Татьяна, Альтварг Наталья. Прикосновение к истории. — «Аврора», 1970, № 6, стр. 58—61 с илл.

О материалах Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

Германович А. И. Опыт анализа языка, стиля и поэтики стихотворения А. С. Пушкина «Зимняя дорога». — «Русский язык в школе», 1970, № 3, стр. 10—15.

Гордин А. Пушкин в Псковском крае. Л., Лениздат, 1970, 326 стр. с илл., 32 л. илл., 1 л. карт.

Содерж.: В глуши звучнее голос лирный. — Приют трудов и вдохновенья. (Михайловское; Тригорское; Петровское; Святогорский монастырь и могила Пушкина). — Губерния Псковская (Псков; губерния Псковская). — Приложения. (Основные даты жизни и творчества Пушкина в Псковском крае; Произведения Пушкина, написанные в Псковском крае и связанные с ним). — Основная литература о пушкинских местах Псковского края.

Городецкий Б. П. К оценке Пушкиным комедии Грибоедова «Горе от ума». — «Русская литература», 1970, № 3, стр. 21—36.

Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. Пособие для учителя. Л., «Просвещение», 1970, 184 стр.

Стр. 179—183: Рекомендательная библиография.

Девяцкий И. И. Об эпиграфе к стихотворению М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта». — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1970, № 6 (60), стр. 60—73.

Дементьев М. А. Еще о письмах к Пушкину его жены. — Изв. АН СССР, Серия литературы и языка, 1970, т. 29, вып. 5, стр. 447—448.

Духовная Л. «Несомненно — это Пушкин!» — «Дружба народов», 1970, № 9, стр. 283.

О беловом автографе «Полководца», найденном И. Т. Трофимовым.

Дыдыкина Р. З. Проблемы мастерства поэтического перевода (на материале переводов М. Ф. Рыльским произведений А. С. Пушкина). Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. Киев, 1970, 22 стр. (АН УССР. Отделение литературы, языка и искусствоведения).

Дэль Д. Александр Пушкин. Трилогия. — В кн.: Дэль Л. Пьесы. Л., «Искусство», 1970, стр. 125—299.

Первые: Отд. изд. М., «Искусство», 1959, 226 стр.

«В садах Лицея». — «Буря мглою небо кроет». — «В дороге».

Ецко И. Молдавский перевод «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. — «Литба ши литература молдовеняскэ», 1970, № 4, стр. 51—59.

Перевод Ю. Баржанского.

Живые страницы. А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиографических, произведениях и документах. Композиция, сост., сопроводит. текст и коммент. Б. В. Лунина. В замысле книги и в работе над разделом «А. С. Пушкин» принимала участие В. Н. Ланина. Науч. ред. Д. Д. Благого. Оформ. В. Лазурского. Портреты А. Сколузובה. М., «Детская лит-ра», 1970, 544 с. с илл. (Школьная б-ка. Для средней школы).

- Жизнь и лира.** О жизни великого русского поэта Александра Пушкина, о его чудесной лире, о тех местах России, где он жил, работал, радовался и любил и так много страдал. Сост. Е. Ф. Никитина. М., «Книга», 1970, 319 стр. с илл.; 1 отд. л. карт.
- Авторы текстов: Н. В. Баранская, В. К. Зажурило, В. С. Лаврентьев, К. П. Богаевская, Г. И. Назарова, Н. М. Лобикова. Гравюры и оформ. А. И. Мищенко.
- Золотусский Игорь.** Читая «Метель». — «Детская литература», 1970, № 6, стр. 25—28.
- Иванов Вс. Н.** Александр Пушкин и его время. Историческое повествование. Хабаровск, Кн. изд., 1970, 462 стр.
Стр. 3—6: П. А. Николаев. От редактора.
Худ.: А. В. Гуриков и Е. И. Вольгушев.
Рец.:
Акулов И. Жизнь — отечеству. — «Молодая гвардия», 1971, № 3, стр. 305—307.
- Иванова Т.** Об ашиграфе в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта». — «Вопросы литературы», 1970, № 8, с. 91—105.
- Иезуитова Р.** XX Пушкинская конференция. — Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1970, т. 29, вып. 5, стр. 465—470.
- Ильинская И. С.** Лексика стихотворной речи Пушкина. «Высокие» и поэтические славянизмы. М., «Наука», 1970, 259 стр. (АН СССР. Ин-т русского языка).
Отв. ред. В. Д. Левин.
Рец.:
Воробьев В. П. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1971, № 3, стр. 112—114.
- Ильинская И. С.** Очерки по лексике Пушкина. Автореф. дисс. на соискание ученой степени докт. филол. наук. М., 1970, 36 стр. (АН СССР. Ин-т русского языка).
- Кальдерон И. Севальбос.** Образ поэта в лирике Пушкина. — В кн.: Студенческие научные работы. Вып. 13. М., 1970, стр. 32—42. (Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. Кафедра русской и зарубежной литературы).
- Келдыш Ю.** Оперный дебют Рахманинова. — «Советская музыка», 1970, № 8, стр. 66—78.
Опера «Алеко».
- Кирпотин В.** Вершины. Пушкин. Лермонтов. Некрасов. М., «Худож. лит-ра», 1970, 375 стр.
Стр. 5—172: «Наследие Пушкина и коммунизм». [Впервые: «Октябрь», 1936, № 9, стр. 221—234; № 11, стр. 117—164].
Стр. 346—374: «Некрасов — поэт революционной крестьянской демократии. Некрасов и Пушкин». [Впервые: «Под знаменем марксизма», 1938, № 1, стр. 43—62].
- Кожин В. В.** О поэзии Пушкинской эпохи. — В кн.: Кожин В. В. Как пишут стихи. О законах поэтического творчества. М., «Просвещение», 1970, стр. 70—78.
- Комаров Б.** Письмам 131 год... — В кн.: Волжское слово. Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд., 1970, стр. 183—185.
Публикация писем П. А. Вяземского к Э. Мусиной-Пушкиной от 16 и 17 февраля 1837 г. в связи с гибелью Пушкина.
- Коровина В. Я. А. С.** Пушкин. «Полтавский бой». Стихотворная речь и ее особенности. — В кн.: Методические разработки уроков литературы для VI класса. Под общ. ред. Т. Ф. Курдюмовой. М., 1970, стр. 6—25. (М-во просвещения РСФСР. — Научно-исслед. ин-т школ. Сектор обучения литературе).

- Кудряшев Н. И. А. С. Пушкин. «Евгений Онегин». — В кн.: Преподавание литературы по новым программам. Метод. пособие. М., «Промышленность», 1970, стр. 132—151. (Акад. пед. наук СССР. — Ин-т общего и политехн. образования).
- Кунгуров Н. «Евгений Онегин» в IX классе. Из опыта. — «Русский язык в казахской школе», Алма-Ата, 1970, № 9, стр. 30—37.
- Курочкина Галина. Кто они, современники Пушкина? — «Советская женщина», 1970, № 7, стр. 26—28 с илл.
Экспозиция «Портреты неизвестных» в Музее А. С. Пушкина (Москва).
- Ласорса Клаудиа. Первый этап знакомства с Пушкиным в Италии (1828—1856). — «Русская литература», 1970, № 4, стр. 95—105.
- Левина Ю. И. Пушкинское Болдино. Экскурсия. Горький, Волго-Вятское кн. изд., 1970, 70 стр. с илл.
Худ.: В. Калинин.
- Левкович Я. Л. Две работы о дуэли Пушкина. — «Русская литература», 1970, № 2, стр. 211—219.
О статьях М. И. Яшина «Хроника преддуэльных дней» и «История гибели Пушкина».
- Ливинцов М. Пушкин в Бёрде. [1833 г.]. — «Урал», 1970, № 5, стр. 120—123.
- Львов-Анохин Б. Галина Уланова. М., «Искусство», 1970, 279 стр. с илл., 29 л. илл. (Серия «Жизнь в искусстве»)
Стр. 77—90: «Мария» [«Бахчисарайский фонтан» Б. Асафьева]. Стр. 148—153: «Параша» [«Медный всадник» Р. Глиэра].
- Мальцев М. И. Декабристско-радищевские мотивы в творчестве А. С. Пушкина. Пушкин и Радищев. Пособие по спецкурсу. Под ред. А. П. Спасибенко. Чебоксары, 1970, 101 стр. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Каф. рус. и зарубежн. лит-ры).
- Мальцев М. И. Пушкин и Радищев. Пособие по спецкурсу. Выш. 3. Под ред. А. П. Спасибенко. Чебоксары, 1970 [на обл.: 1971], 52 стр. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Чувашский гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Кафедра русской и зарубежной литературы).
- Маранцман В. Г. Об одном из законов финалов. — «Литература в школе», 1970, № 6, стр. 4—13.
О композиции художественного произведения. На материале «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» и «Вновь я посетил...».
- Маранцман В. [Рец. на кн.: Басина М. На берегах Невы. Л., «Детская лит-ра», 1969, 255 стр.]. — «Литература в школе», 1970, № 4, стр. 85—86.
- Материалы пушкинской эпохи в собраниях ленинградских коллекционеров, Каталог выставки. Л., Всесоюзный музей А. С. Пушкина М-ва культуры РСФСР, 1970, 35 стр. с илл.
Под ред. Г. Г. Прошина.
Сост.: Г. И. Назарова, Л. П. Февчук, Н. А. Фрумкина.
Произведения живописи, графики, скульптуры, прикладных искусств; книги и рукописи из собраний: В. В. Ашпка, Б. А. Бланкштейна, В. М. Голода, Г. Д. Душина, П. Е. Корнилова, М. С. Лесмана и др.
- Мещерякова Н. Я. Изучение сказки Пушкина «О мертвой царевне и о семи богатырях» в IV классе. — «Литература в школе», 1970, № 5, стр. 22—30.
- Миловнов Н. А. Спецсеминар «Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“». — В кн.: Из опыта преподавания литературы в высшей школе. Тула, 1970, стр. 63—77. (Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого).

- Митрофанова Г. Н. Обучение выразительному чтению некоторых лирических стихотворений А. С. Пушкина в 9 классе узбекской школы. — В кн.: Вопросы теории и методики русского языка и литературы. Самарканд—Карши, 1970, стр. 63—70. (Уч. зап. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои и Каршинского гос. пед. ин-та им. Хамзы. Вып. 20, Серия рус. филологии, № 6).
- Молдаван И. Ф. Стилистическое использование имен существительных общего рода в творчестве А. С. Пушкина. — В кн.: Исследования по русскому языку. (Сборник работ кафедры русского языка). Днепропетровск, 1970, стр. 134—140. (М-во высш. и средн. спец. образования СССР. — Днепропетровский гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией).
- Муза Е. В. Адресаты лирики Пушкина. Изд. 2-е, доп. и испр. М., «Советская Россия», 1970, 15 стр. с портр.
- Мямлин Игорь. Рисуя Пушкина. — «Аврора», 1970, № 6, стр. 56—57 с илл.
- Пушкин в рисунках Виктора Лебедева.
- Накко Ольга. Дни молодости. (Из жизни А. С. Пушкина в Кишиневе). — В кн.: Накко Ольга. Из бессарабской старины. Очерки и рассказы. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1970, стр. 253—294.
- Невзглядова Е. В. Албанский «Евгений Онегин». — В кн.: Балканская филология. Л., 1970, стр. 93—107. (Уч. зап. ЛГУ, № 343, Серия филол. наук, вып. 3).
- Переводчик Л. Порадеци.
- Недзвецкий В. А. Поэт и его судьба. (Стихотворение Лермонтова «Смерть поэта»). — «Литература в школе», 1970, № 1, стр. 13—18.
- Непомнящий В. «А. С. Пушкин. Диалоги». Композиция, постановка, исполнение В. Рецетера. Худ. по костюмам В. Зайцев. Композитор М. Камиллов. — «Театр», 1970, № 7, стр. 59—63 с фото.
- Нестеров М. Н. Язык исторического документа в произведениях о Пушкине. — «Русская речь», 1970, № 4, стр. 24—28.
- «Пушкин» Ю. Н. Тынянова и «Арион» В. Гроссмана.
- Нольман М. Л. «Евгений Онегин» Пушкина как роман в стихах. — Уч. зап. Ярославского пед. ин-та им. К. Д. Ушинского и Костромского пед. ин-та им. Н. А. Некрасова, Кострома, 1970, вып. 20. Филол. серия, стр. 3—24.
- Нольман М. Л. «След возвышенного галла» (Пушкин и Андре Шенье). — В кн.: XXIII Герценовские чтения. (Межвузовская конференция). Филологические науки. Краткое содержание докладов с 7 по 28 апреля 1970 г. Л., 1970, с. 44—46. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Озеров Лев. Пушкин и мы. — «Смена», 1970, № 22, стр. 23—25.
- Оперы П. И. Чайковского. Путеводитель. М., «Музыка», 1970, 384 стр.; 1 л. портр.
- Стр. 58—131: Е. Черная. «Евгений Онегин». Стр. 132—170: И. Нестьев. «Мазепа». Стр. 217—325: А. Соловцов. «Пиковая дама».
- Панеях В. М. В творческой лаборатории Пушкина-историка. — «Русская литература», 1970, № 3, стр. 207—211.
- Рец. на кн.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачева»). Л., «Наука», 1969, 274 стр.
- Пауков Н. А. Некоторые функции авторской иронии и сатиры в прозе Пушкина. — Уч. зап. Кишиневского ун-та им. В. И. Ленина, т. 88 (2), 1970, стр. 60—73.

- Паустовский К. Михайловские рощи. — В кн.: Паустовский К. Собрание сочинений в 8-ми томах, т. 8. М. «Худож. лит.-ра», 1970, стр. 222—230.
Впервые: «Красная Новь», 1938, № 7, с. 112—117.
- Петрунина Н. Н. К творческой истории «Капитанской дочки». — «Русская литература», 1970, № 2, стр. 79—93.
Уточнение последовательности планов «Капитанской дочки», их хронология и соотношения с замыслом «Дубровского». Планы «Капитанской дочки» как отражение стадий художественного и исторического осмысления пугачевщины.
- Петрунина Н. [Рец. на кн.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачева»). «Наука», Л., 1969, 274 стр.]. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1970, т. 29, вып. 5, стр. 451—455.
- Петряев Евг. Люди. Рукописи. Книги. Литературные находки. Киров, Волго-Вятское кн. изд., 1970, 288 стр.
Стр. 33—42: «Сотрудник Пушкина». [А. И. Емичев]. Стр. 79—89: «Пушкинский вечер» [в Вятке в 1861 г.].
- Пистунова Александра. Эхо «Онегина». — «Москва», 1970, № 12, стр. 177—183, вкл. илл. между стр. 160—161.
Иллюстрации Н. В. Кузьмина к «Евгению Онегину».
- Платонов А. Размышления читателя. Статьи. М., «Сов. писатель», 1970, 231 стр.
Стр. 21—36: «Пушкин — наш товарищ». [Впервые: «Литературный критик», 1937, № 1, стр. 46—61]. Стр. 37—60: «Пушкин и Горький». [Впервые: «Литературный критик», 1937, № 6, стр. 63—84].
- Поддубная С. В. К истории перевода Пушкина на английский язык. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1970, т. 469, стр. 200—209.
- Поддубная С. В. Характеристика персонажа в оригинале и в переводе. — Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та, 1970, сб. 108, стр. 103—111.
На примере «Бориса Годунова» в переводах на английский язык, выполненных Ч. Э. Тернером, А. Хейсом и Ф. Барбуром.
- Поэтом воспеты. Парки города Пушкина. Автор альбома и фотографий М. А. Величко. Л., «Аврора», 1970, 119 стр. с илл.
Автор текста (стр. 91—102) В. В. Лемус.
- Прянишников Н. Александр Сергеевич Пушкин. — В кн.: Прянишников Н. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1970, стр. 49—74.
- А. С. Пушкин. (В помощь углублению и расширению программного материала по литературе для уч-ся 7—8 русск. и 8—9 молд. классов). Кишинев, 1970, 47 стр. (М-во культуры Молд. ССР. Гос. респ. детская б-ка им. А. С. Пушкина).
- Пушкин и его современники. Псков, 1970, 211 стр. (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 434).
Стр. 3—19: В. Н. Голицына. Пушкин и некоторые проблемы развития современной поэзии. Стр. 20—33: Ю. Н. Чумаков. Состав художественного текста «Евгения Онегина». Стр. 34—100: Е. А. Маймин. Поэт и философ (очерк творческого пути Д. В. Веневитинова). Стр. 101—110: Ю. М. Лотман. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту). Стр. 111—124: Э. В. Слинян. В. Хлебников о Пушкине. Стр. 125—134: Л. С. Сидяков. Наблюдения над словоупотреблением Пушкина («проза и поэзия»). Стр. 135—147: М. Т. Ефимова. Ю. Самарин о Го-

✓голе. Стр. 148—160: А. Б. Ботникова. Пушкин и Гофман (к вопросу о формах литературных взаимосвязей). Стр. 161—177: Л. И. Вольперт. «Адольф» Бенжамена Констан в переводах П. А. Вяземского и Н. А. Полевого. Стр. 178—196: И. И. Чернова. Музыка на занятиях по лирике А. С. Пушкина. Стр. 197—204: А. И. Голышева. Пушкин в американской русистике. Стр. 205—210: А. И. Голышева. Пушкин в английской критике 50—60 гг.

Реизов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970, 373 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).

Стр. 23—50: «Понятие свободы у Пушкина». [Впервые: «Вопросы литературы», 1966, № 12, стр. 109—134]. Стр. 51—65: «Пушкин и Наполеон». [Впервые: «Русская литература», 1966, № 4, стр. 49—58]. Стр. 66—82: «Пушкин, Тацит и „Борис Годунов“». [Впервые: «Русская литература», 1969, № 4, стр. 75—88].

Рецептер В. «Я шел к тебе...» («Моцарт и Сальери»). — «Вопросы литературы», 1970, 9, стр. 182—188.

Розанова Т. С. Отыменное префиксально-суффиксальное глагольное словообразование (по материалам «Словаря языка А. С. Пушкина»). — В кн.: Вопросы истории и теории русского языка. Вып. 3. Тула, 1970, стр. 179—186. (Тульский гос. пед. ин-т им. Л. Н. Толстого).

Рознер И. Г. Ценное исследование об источниковедческой базе «Истории Пугачева». — «Советские архивы», 1970, № 5, стр. 115—117.

Рец. на кн.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачева»). Л., «Наука», 1969, 274 стр.

Ромм М. Друг Грибоедова и Пушкина. — «Нева», 1970, № 9, стр. 219—220 с портр.

А. Всеволожский.

Садыхов М. Русские писатели об Азербайджане. Русско-азербайджанские литературные связи первой трети XIX века. Баку, «Гянджлик», 1970, 144 стр.

Стр. 134—143: «Краеведческий труд В. Григорьева в оценке пушкинского „Современника“».

Санин В. Мы — псковские! Повесть-путешествие. М., «Сов. Россия», 1970, 158 стр.

Стр. 148—155: «День с Пушкиным». [О посещении Пушкинского заповедника].

Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. Батюшков, Жуковский, Д. Давыдов, Вяземский, Кюхельбекер, Языков, Баратынский. М., «Худож. лит-ра», 1970, 295 с., 8 л. портр.

Сенкевич В. М. Н. Ф. Бунаков — пропагандист творчества А. С. Пушкина. — «Русская литература», 1970, № 2, стр. 92—96.

Серман И. Письма Пушкина последних лет. — «Вопросы литературы», 1970, № 8, стр. 230—233.

Рец. на кн.: Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., «Наука», 1969, 528 стр.

Сладкова Д. А. Формирование эстетического идеала на уроках литературы. Казань, 1970, 100 стр. (Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина).

Стр. 55—70: Методические разработки по литературе первой половины XIX века. А. С. Пушкин. План работы по роману «Евгений Онегин».

Сладкова Д. А., Пахтушкина И. К. Эстетическое восприятие старшеклассников и чтение романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». —

- В кн.: Формирование интересов учащихся в области искусства. (Проблема восприятия искусства).** Казань, 1970, стр. 18—26. (Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина).
- Слонимский Ю.** Балетная повесть Пушкина. — «Нева», 1970, № 6, стр. 204—210.
О неосуществленном замысле «Две танцовщицы».
- Слонимский Ю.** Одна фраза Пушкина. — «Нева», 1970, № 2, стр. 203—207.
О балете Ш.-Л. Дидло «Хензи и Тао» 1819 г., упомянутом в плане «Двух танцовщиц».
- Соколов А.** Схватка с лирикой. — «Театр», 1970, № 2, стр. 23—25.
О постановке балета С. Прокофьева «Пиковая дама» в Ленинградском Камерном театре (1968). Балетмейстер Н. Боярчиков.
- Степанов Л. А.** Пушкинский юмор и образ Татьяны Лариной. — В кн.: Романтики и реалисты. Статьи о русской и зарубежной литературе XIX и XX вв. Краснодар, 1970, стр. 46—53. (Науч. труды Краснодарского гос. пед. ин-та, вып. 121).
- Стефанович В. Н.** Польский переводчик А. С. Пушкина. — В кн.: Польско-русские литературные связи. М., «Наука», 1970, стр. 175—198. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — Ин-т славяноведения и балканистики).
Игнаций Деспот Зенович.
- Сян-Белгин Х.** Поэт и степь. — В кн.: Сян-Белгин Х. Белый берег. Рассказы. Очерки. Сказки. Элиста, Калмыцкое кн. изд., 1970, стр. 139—145.
Пушкин и калмыки.
- Таиров А. Я.** «Египетские ночи». Доклад в Коммунистической академии. Апрель 1934 г. — В кн.: Таиров А. Я. [О театре]. Записки режиссера. Статьи. Беседы. Речи. Письма. М., ВТО, 1970, стр. 361—375 с илл.
- Тамарченко Н. Д.** «Пиковая дама» А. С. Пушкина и «неистовая» литература. — В кн.: XXIII Герценовские чтения. (Межвузовская конференция). Филологические науки. Краткое содержание докладов с 7 по 28 апреля 1970 г. Л., 1970, стр. 49—52. (Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена).
- Тойбин И. М.** Из наблюдений над поэтикой «Капитанской дочки» («Капитанская дочка» и «История Пугачева»). — В кн.: Вопросы литературы и методики преподавания. Курск. 1970, стр. 71—99. (Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та, т. 73).
- Троицкий С. В.** творческой лаборатории А. С. Пушкина. — «Новый мир», 1970, № 7, стр. 274—275.
Рец. на кн.: Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами. («История Пугачева»). Л., «Наука», 1969, 274 стр.
- Трофимов И.** Автограф А. С. Пушкина. — «Советские архивы», 1970, № 3, стр. 112—114 с факсимиле.
Первый беловой автограф стихотворения «Полководец», обнаруженный в ЦГАОР СССР.
- Тэсс Татьяна.** Одна, но пламенная страсть. — В кн.: Тэсс Татьяна. Несколько часов одной жизни. М., «Известия», 1970, стр. 201—209. (Б-ка «Известий»).
- Коллекция пушкинских гравюр Я. Г. Зака.
- Тюнькин К. И.** Высокое призвание поэта. — В кн.: Пушкин А. С. Стихотворения. М., «Худож. лит-ра», 1970, стр. 5—16.

- Тюнькин К. 1799—1837. — В кн.: Пушкин А. С. Избранные произведения. В 2-х томах, т. I. М., «Худож. лит-ра», 1970, стр. 5—12.
- Уварова И. В. От эстетики романтизма к эстетике реализма. (Стихотворения А. С. Пушкина «Узник» и «Кавказ»). — В кн.: Романтики и реалисты. Статьи о русской и зарубежной литературе XIX и XX вв. Краснодар, 1970, стр. 35—45. (Науч. труды Краснодарского гос. пед. ин-та, вып. 121).
- Удербман Ш. И. Избранные очерки истории отечественной хирургии XIX столетия. Л., «Медицина», 1970, 279 стр.
Стр. 197—266: Гл. 7. Ранение и лечение А. С. Пушкина как иллюстрация к состоянию отечественной хирургии конца 30-х годов XIX века.
- Февчук Л. П. Личные вещи А. С. Пушкина. (Из собрания Всесоюзного музея А. С. Пушкина). [Изд. 2-е]. Л., «Аврора», 1970, 83 стр. с илл. Библиогр.: стр. 81—83 (61 назв.).
- Фельдман О. «...нашему театру приличны народные законы...». — «Театр», 1970, № 7, стр. 103—110.
О месте Годунова в истории русской драматургии.
- Фельдман О. М. Судьба драматургии Пушкина. Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. искусствоведения. М., 1970, 17 стр. (Ин-т истории искусств).
- Фридлиндер Г. Пушкин-драматург. — В кн.: Пушкин А. С. Драматические произведения. М., «Худож. лит-ра», 1970, стр. 3—16. (Народная б-ка).
- Хмарский И. Д. Народность поэзии А. С. Пушкина. (К изучению творчества А. С. Пушкина в VIII классе). М., «Просвещение», 1970, 128 стр.
- Цявловская Т. Поэзия Пушкина в романсах и песнях его современников. — В кн.: Музыкальное путешествие. Книга для юношества о музыке и музыкантах. Сост. Е. Л. Даттель. М., «Просвещение», 1970, стр. 48—69.
- Цявловская Т. Рисунки Пушкина. — В кн.: Литература и ты. Вып. 4. М., «Молодая гвардия», 1970, стр. 260—274 с илл.
- Цявловская Т. Рисунки Пушкина. М., «Искусство», 1970, 168 стр. с илл.
Содерж.: Введение. — Иллюстрации. — Портреты. — Рисунки за беседой... — Автопортреты. — Послесловие. — Примечания. — Список иллюстраций.
Рец.:
Богач Г. Нарисовано поэтом... — «Кодры», 1971, № 9, стр. 147—149.
Волин Владимир. Над рисунками поэта. — «Знание — сила», 1971, № 5, стр. 46—48.
Яковлев Н. Рисунки Пушкина. — «Наука и жизнь», 1971, № 5, стр. 38—39.
- Черейский Л. Расшифрованные строки. — «Вопросы литературы», 1970, № 10, стр. 246—247.
Связь стихотворения «Если ехать вам случится...» с нижегородскими впечатлениями Пушкина. Пушкин и семья Левашовых.
- Черкасов Н. «Борис Годунов» в Петрограде. — В кн.: Музыкальное путешествие. М., «Просвещение», 1970, стр. 149—166.
Впервые в кн.: Федор Иванович Шалапин. Т. 2. Статьи, высказывания, воспоминания о Ф. И. Шалапине. М., 1958, стр. 435—452.

- Чумаков Ю. Н. Композиция двух посланий к Чаадаеву и эволюция пушкинского стиля. — В кн.: Метод и мастерство. Вып. I. Русская литература. Под ред. В. В. Гура. Вологда, 1970, стр. 92—107. (М-во просвещения РСФСР. Вологодский гос. пед. ин-т).
- Чумаков Ю. Н. Проблемы поэтики Пушкина (лирика, «Каменный гость», «Евгений Онегин»). Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук. Саратов, 1970, 22 стр. (М-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. — Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского).
- Шанский Н. М. Новая работа о языке А. С. Пушкина. — «Русский язык в школе», 1970, № 4, стр. 116—120.
Рец. на кн.: Григорьева А. Д. и Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., «Наука», 1969, 389 стр.
- Шиповский С. Рассказ о «Доме Пушкина». — «Литература в школе», 1970, № 4, стр. 84—85.
Рец. на кн.: Крейн А. Рождение музея. М., «Советская Россия», 1969, 205 стр.
- Шмелев Олег. Странная поэма Пушкина. Попытка нового прочтения [«Газита»]. — «Огонек», 1970, № 26, стр. 25—27; № 27, стр. 24—25.
Отзыв: Кока Г. Странный метод. — «Литературная газета», 1970, 7 октября, № 41, стр. 6.
- Эльяш Николай. Пушкин и балетный театр. М., «Искусство», 1970, 344 стр. с илл.
- Эткинд Е. Разговор о стихах. М., «Детская лит-ра», 1970, 239 стр. (Для старшего возраста).
Стр. 29—39: «Контекст у Пушкина и Лермонтова».
-

Я. М. БОРОВСКИЙ

О ПЕРЕВОДАХ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА НА ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК

В 1970 г. в двух зарубежных журналах были опубликованы латинские переводы стихотворений Пушкина, принадлежащие рижскому филологу-классику Р. С. Цесюлевичу.

Издающийся в Авиньоне журнал «Vita Latina», орган получившего в последние годы широкое распространение международного движения «живой латыни», поместил переводы «Элегии» («Безумных лет угасшее веселье...»);¹ варшавский филологический журнал «Meander» — перевод послания «К Овидию».²

Независимо от оценки художественного достоинства этих переводов самый факт их появления в печати заслуживает быть отмеченным. Они примыкают, с одной стороны, к старой гуманистической традиции новолатинской поэзии, о жизненности которой в настоящее время свидетельствуют библиографические обзоры, помещаемые в одном из наиболее солидных новолатинских журналов «Latinitas», с другой — к имеющимся опытам латинских переводов из Пушкина, начало которым положено Проспером Мериме в его примечании к своему французскому переводу стихотворения «Анчар». В сноске к переводу шестой строфы (Mais un homme a fait un signe, un homme obéit; on l'envoie à l'antchar, il part sans hésiter, et le lendemain il rapporte le poison) говорится: «Только латынь может дать представление о сжатости русского подлинника: At vir virum — misit ad antchar superbo vultu et ille oboedienter viam ingressus est — et rediit mane cum veneno».

Главным камнем преткновения представилась здесь французскому переводчику, очевидно, фигура polyptoton («многopaдежие») «человека человека», несущая в себе основную идею «Анчара». Ее он и передает с недоступной французскому языку грамматической точностью латинским vir virum; такая же исчерпывающая дословность соблюдена и в остальном тексте даваемого перевода. При всем том этот перевод и задуман самим Мериме и воспринимается читателем только как подстрочник, не претендующий на самостоятельное художественное значение. Superbo vultu значительно слабее передает пушкинское «властным взглядом», чем соответствующее этому во французском переводе Мериме a fait un signe; непереводимый архаизм, заключенный в строке «и он послушно в путь потек», должен был остаться без передачи в обоих случаях, но во французском переводе это в известной мере компенсировано тем, что образ безропотного подчинения усилен постановкой соответствующего глагола

¹ «Vita Latina», 1970, № 40, стр. 46.

² «Meander», 1970, № 4, стр. 191—193.

в настоящем времени, тогда как в латинском переводе сама его общая установка на буквализм исключала возможность какой-либо компенсации.

Тем больший интерес представляет стихотворный перевод «Анчара», сделанный выдающимся знатоком латинской поэзии — и классической и новолатинской — Г. Э. Зенгером.³ Стихотворный перевод на латинский (как и на любой «классический») язык заключает в себе особые трудности. Он должен опираться не только на знание латинской лексики и грамматической нормы, но и на безупречное владение латинской фразеологией во всех ее многочисленных жанровых разновидностях. В то же время он не должен впадать и в крохоборческое использование готовых речевых штампов. Для него сохраняет полную силу совет Горация в «Науке поэзии» (47 сл.):

Будут отличны стихи, если в них всем известное слово
Новым предстанет, вступив в искусное слов сочетание.

Метрической формой перевода (стр. 28) Г. Э. Зенгер избрал дактилический гексаметр, придавая этим стилю своего произведения эпический характер. Но важную черту своеобразия вносит в стихотворение то, что в нем почти полностью сохранена строфическая структура оригинала: четырем четырехстопным ямбическим строкам соответствуют два гексаметра с последовательно проводимой пятиполовинной цезурой (кроме тридцатого стиха, где цезура после третьей и седьмой полустопы), и только шестое и седьмое двуступиши заканчиваются синтаксическим переносом. Учитывая, что дактилическая стопа по длительности составляет $\frac{4}{3}$ ямбической, перевод можно без натяжки назвать эквилинеарным.

Перевод чрезвычайно близок к оригиналу. Вот его начало с дословным обратным переводом:

*Aestibus hausta iacet sine fruge ubi inhospita tellus
Torvus ut excubitor riget antar, unica in orbe*

Там, где лежит истощенная зноем бесплодная негостеприимная земля, неподвижно возвышается, как грозный часовой, анчар, единственный во вселенной.

Интересно сопоставить с обоими переводами Мериме соответствующие строки Зенгера:

*Misit homo tamen huc hominem nutuque potentis
Paruit alter: abit, properat, cum luce reportat
Letiferam sanie[m] siccamque in vimine frondem*

Но туда послал человек человека, и тот повиновался кивку властителя: идет, спешит и на рассвете приносит смертоносный сок и сухую листву на ветви.

Здесь, как и во французском переводе Мериме, «властным взглядом» передано перифразой, причем самый выбор выразительных средств (*nutu potentis*, сказуемое *abit* и т. д. в настоящем времени) позволяет предположить влияние именно этого перевода, а не латинского вспомогательного подстрочника. Несомненным улучшением по сравнению с *vir virum* («муж мужа») следует признать *homo hominem*.

³ Метрические переложения на латинский язык. СПб., 1904. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

Другую стилистическую окраску получил героический размер в переводе (стр. 40) из «Родословной моего героя». Здесь каждый гексаметр соответствует не двум четырехстопным ямбам русского оригинала, как в переводе «Анчара», а только одному, и это повлекло за собой значительную амплификацию, отнюдь не выходящую за пределы латинской художественной нормы, но существенно изменившую характер оригинала: динамичный внутренний ритм онегинской строфы уступил место неторопливому рассуждению, отчасти приближающемуся к стилю «Посланий» Горация:

Compellant stulti: Quonam, quo tendis, amice?
Hac iter est! Sed tu, surdus monitoribus, illuc
Ferre pedem pergis, quo te rapit intima cordis
Cura. Tuus vigil ipse labor tibi maxima merces,
Hoc constanter egēs, tamquam vitalibus auris;
Parta autem meditando obiectas pabula turbae,
Quae, nova semper avens, studio famulatur inani

Окликают глупцы: Куда, куда ты устремляешься, друг? Дорога здесь! Но ты, глухой к увещаниям, продолжаешь направлять шаги туда, куда тебя ведет глубокое влечение сердца. Сам твой бессонный труд для тебя величайшая награда, ты в нем ежечасно нуждаешься, как в живительном дыхании. А порождения твоих помыслов ты бросаешь в пищу толпе, которая, жадно лоя все новое, рабствует пустым страстям.

Такое же соотношение между метрикой русского и латинского текстов мы находим в переводе стихотворения «Пророк» (стр. 60). Здесь перифрастический метод передачи помог переводчику формально преодолеть огромные трудности, которые возникали перед ним в каждой из насыщенных библейской образностью строк Пушкина, но вместе с тем причинил гораздо более глубокий ущерб художественному строю и впечатляющей силе стихотворения, чем в переводе из эпической по своему характеру «Родословной моего героя». Это ясно показывает самое начало:

Mentis inexpletae sitiens ardore trahebam
Per loca senta situ deserto limite plantas,
In bivio mihi cum Seraphim de coetibus unus
Ter binas sese ostendit libratus in alas

Палимый жаждой неудовлетворенного духа, я влачил стопы в пустынном пределе среди мрачных тернистых мест, когда на перепутье мне явился один из сонма серафимов, несомый тремя четами крыльев.

Наиболее благодарным материалом для перевода на латинский язык явилось, конечно, элегическое двустишие — «эпиграмма» в античном смысле этого термина — «На перевод Илиады» (стр. 58): здесь переводчик при точном воспроизведении метрической формы оригинала достиг почти дословной близости к нему без ощутимых потерь в художественном содержании:

Caelestisne sonat Graiorum lingua renata?
Certe ingens animum commovet umbra senis

Не звучит ли возрожденная небесная речь эллинов?
Да, мою душу волнует тень великого старца.

Превосходно гармонирует форма элегических дистихов с лирическим содержанием в переводе стихотворения «Туча» (стр. 46). Как и в оригинале, двустишия, сочетаясь попарно, образуют триаду законченных в себе строф. Приведем последнюю из них:

Iam satis est! cedas, abierunt tempora dextra:
Laeta renidet humus, turbida fugit hiems,
Arboreasque comas mulcens liquida aura favoni
Axe serenato te procul esse iubet

Довольно уже! Отступи, прошло твое время: радостно сияет земля; бежала бурная непогода, и прозрачное дуновение ветра, лаская древесную листву, велит тебе удалиться с прояснившегося небосвода.

Элегию, осложненную строфической группировкой дистихов в соответствии с формой оригинала, представляет собой также перевод сонета «Поэту» (стр. 6). По объему (200 слогов) перевод лишь на одну седьмую превышает оригинал (174 слога), и этому соответствует большая близость в передаче его лексики, грамматической структуры и образной системы:

Ne nimium, vates, tribuas popularibus auris:
Plausibus et studiis quam cito finis adest!
Censuram nosces fatui turbaeque cachinnos:
Haec quoque fer placidus propositisque tenax

Не придавай цены, поэт, народным веяниям: как скоро приходит конец рукоплесканиям и пристрастиям! Ты познаешь суд глупца и насмешки толпы: перенеси и это спокойно, не уклоняясь от своей цели.

Только в одном случае переводчик внес в стихотворение образ, не вполне гармонирующий с контекстом Пушкина. Стих «усовершенствуя плоды любимых дум» передан через *impiger et dulces incudi reddere fetus ingenii* (не колеблясь вернуть наковальне — т. е. «положить под молот» — любезные плоды своего гения), тогда как заимствованное у Горация выражение *incudi reddere* говорит не об усовершенствовании поэтом своих произведений, а более определенно — об уничтожении неудавшихся стихов (Наука поэзии, 440 сл.).

Сонет «Поэту» был переведен и другим замечательным русским филологом Ф. Е. Коршем (1843—1915). Перевод входит в выпущенный им сборник *Στέφανος* (Копенгаген, 1886), который содержит 40 оригинальных и 64 переводных стихотворений на латинском и греческом языках, в том числе четыре перевода из Пушкина на латинский язык и три — на греческий. Кроме этого сборника Коршем был опубликован латинский перевод стихотворения «Мечтателю» в журнале «Филологическое обозрение» в 1895 г.

«Поэту» переведено (стр. 16) одним из горацянских лирических размеров — так называемой четвертой асклеиадовой строфой. Перевод содержит шесть строф, что составляет в общей сложности 240 слогов. Вместе с тем благодаря наличию синтаксических переносов между строфами все стихотворение отчетливо делится на три части, в которых отражено строфическое членение сонета: первая часть, соответствующая первому катрену, заканчивается в середине второй асклеиадовой строфы, последняя, соответствующая заключительному катрену, начинается с середины пятой строфы.

O vates, populi favor
Ne sit cura tibi: nam simul ac brevis
Laudis transierit fremor,
Stulti iudicium, plebis et audies

Risus indocilis. Tamen
Desperare cave et difficilis mane.
Rex es: vivere te decet
Solum. Perge via vadere libera

Quo te vis rapit ingeni
Praescriptis spatiis currere nescia,
Et, quaecumque animo libens
Obversata diu pectoribus foves,

Haec tu sedulus expoli
Nec poscas meritis debita praemia,
Mercedis dominus tuae:
Tu namque ipse tui summus es arbiter

Nec quo quisquam alius, tuum
Quidquid prodierit, tristius exigit.
Si te, conditor artis et
Iudex, non operis paeniteat tui,

Sic te vel laceret probris
Demens turba licet, conspuat et sacros
Ignes et pueriliter
Insultans tripodem concutiat tuum

Поэт, не дорожи благоволением народа, ибо как только пройдет краткий шум хвалы, ты услышишь суд глупца и смех невежественной черни. Но ты не унывай и оставайся недоступным.

Ты царь: тебе подобает жить одному. Продолжай идти свободною дорогой, куда тебя влечет порыв духа, не умеющего следовать предписанным путям; усердно совершенствуй все то, что давно явилось твоему уму и что ты любовно лелеешь в груди. Не ищи подобного заслугам воздаяния, владея сам своей наградой, ибо ты сам свой высший судья, и никто так строго, как ты, не оценит все твои создания.

Если ты, творец и судья, удовлетворен своим трудом, то пусть неразумная толпа уязвляет тебя попреками, пусть оплевывает священный огонь и ребяческими нападками колеблет твой треножник.

Как видим, первая и третья из указанных выше частей сонета, переданы почти дословно, и только в средней, большей по объему, допущена некоторая амплификация, главным образом в передаче выражения «плоды любимых дум», однако без ощутимых потерь в динамике развития мысли, образной системе и эмоциональной тональности стихотворения в целом.

Тематически близки к рассмотренному еще два перевода из Пушкина, вошедшие в сборник *Στεφανος*. Открывающее сборник стихотворение «Поэт» — один из самых блистательных образцов латинской поэзии Корша. Поражает искусство, с каким переводчик сумел каждую из пяти пушкинских строф с почти дословной близостью облечь в античную форму и при этом прекрасно сохранить поэтическое содержание оригинала. Уже самый выбор для перевода этого стихотворения изо всех мно-

гочисленных гораццианских размеров алкеевой строфы, которой Гораций пользуется в своих наиболее высоких по стилистической тональности «пиндарических» одах, — творческая находка переводчика.

Phoebi sacerdos, dum patitur deus
Cessare sacro munere liberum,
In vana nitenti popello
Isdem agitur male firmus auris.

Tum sancta plectro non resonat lyra
Soporque tardus pectora possidet
Ac futille inter volgus ipso
Futtillior, dubium, an sit ullus.

Divina sed vox cum sonuit cavas
Ad vatis aures, emicat ingeni
Occulta virtus, ut recurrit
Mox aquilae vigor excitatae.

Profana iam iam gaudia respuit
Vitatque famae murmura publicae
Nec fronte prolapsus superba
Delicias populi salutat

Tristisque et asper, pectore dulcium
Pleno modorum, non sine numine
Litus remotum sive late
Fronde petit strepitante lucum

Пока Феб предоставляет своему жрецу свободу от священного служения, тот покорно подчиняется суетным устремлениям низменной черни.

Тогда святая лира не звучит под плектром, душой владеет тяжелый сон, и среди ничтожной толпы, может быть, он ничтожнее всех.

Но когда до чутких ушей поэта донесется божественный голос, вспыхивает потаенная сила души, как возвращается бодрость к пробужденному орлу.

И вот он уже презирает мирские радости, бежит от ропота людской молвы и не приветствует любимцев народа преклонением гордой головы.

Суровый и недоступный, с душой, полной вдохновенных сладостных напевов, он уходит к далекому морскому берегу или в рощу, широко шумящую листвою.

Стихотворение «Поэт и толпа» (стр. 32) переведено размером, близким к размеру оригинала, — чередованием шестистопных и четырехстопных ямбических стихов. Это форма гораццианских эподов, восходящих по своей стилистической тональности к страстным инвективам Архилоха и в свою очередь определенных в известной мере, в известной мере, стиль «Ямбов» Барбье. При всей обычной в переводах Корша верности поэтическому содержанию оригинала, в одном пункте переводчик здесь внес существенное изменение: уступая традиции античной лирики, он устранил форму драматизованного диалога и предпослал каждой реплике вводящую ее краткую эпическую формулу: ст. 16 — *ad haec poeta* (на это поэт); ст. 27 — *cui volgus* (ему толпа); ст. 39 — *inquit ille* (говорит он). Заключительные строки переданы так:

Non ad profana studia litium ac lucri
Sati poetae vivimus,
Sed ut iubente spiritu dulces modos
Et verba fundamus pia

Мы, поэты, рождены и живем не для житейского волнения, препирательств и корысти, но для того, чтобы, повинуясь вдохновению, изливать сладостные напевы и благочестивые молитвы.

Сапфическая строфа, которой переведено стихотворение «Цветок» (стр. 38) в противоположность мощной патетической алкеевой строфе проникнута мягким, спокойным этосом, вполне гармонирующим с лирическим настроением оригинала.

Aridum in libro sine odore florem
Conditum quondam simul atque vidi,
Mira defixam subito occuparunt
Somnia mentem

Как только я увидел положенный когда-то в книгу сухой, лишенный запаха цветок, сразу овладели зачарованной душой странные мечты.

Как видим, здесь уже не непосредственное отражение мимолетного впечатления, а рассказ о прошлом. С этим связано и синтаксическое изменение: сложносочиненное предложение, образующее первую строфу у Пушкина, здесь передано сложноподчиненным. Такой же переход от сочинения к подчинению мы находим и в последней строфе:

Ille si vivit, superest et illa,
Nunc ubi amborum domus et penates?
Anne ut ignotus cecidere dudum
Veris alumnus?

И если он жив, и жива она, то где теперь их дом и пенаты? Или они давно угасли, как неведомый питомец весны?

Последнее опубликованное Коршем латинское стихотворение также является переводом из Пушкина. Это перевод стихотворения «Мечтателю» («Филологическое обозрение», 1895, приложение). Он имеет форму элегии и по объему несколько превышает оригинал — 14 дистихов, соответствующих 25 ямбическим стихам у Пушкина; с тем же тонким художественным тактом, который позволил переводчику, оставаясь верным оригиналу и не нарушая стилистической цельности перевода, ввести в «Цветок» черты, свойственные медитативному стилю Горация, в обращение к пушкинскому мечтателю введены элементы традиционной фразеологии римской любовной элегии. Так стиху

Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель...

соответствует двустишие

Crede mihi experto quod tu modo fingere gaudes,
Crede mihi: nondum te tenet acer Amor

Верь мне, испытавшему то, что ты только в забаву себе представляешь, верь мне: тебя еще не поразила жестокий Купидон,

а стих

Когда б весь яд ее кипел в твоей крови

переведен:

Virus et e tota pueri penetrare pharetra
Ureret arcanis viscera viva focus

«если бы» пронизывающий яд всех стрел вооруженного луком мальчика сжигал потаенными огнями живую плоть.

Но в заключительных строках перевод достигает почти пушкинской сжатости и силы:

... Talibus orares caelicolas precibus:
Numina magna, precor, mentem mihi reddite sanam,
Cedat ut ex oculis ista figura meis.
Sit satis hoc, superi; iam iam sum lassus amando:
Iam mihi sit tandem pace priore frui.
Tristis amor tamen et dominae fatalis imago
Te comitarentur funus ad usque tuum

такими мольбами воззвал бы ты к небожителям: Великие боги, молю, верните мне здравый рассудок, чтобы ушел с моих глаз этот образ. Довольно, вышние, я уже истомлен любовью; дайте мне наконец насладиться прежним покоем. Но горькая любовь и роковой образ сопутствовали бы тебе до гроба.

Было бы несправедливо, да и невозможно, подходить к переводам Р. С. Цесюлевича с тех же критических позиций, что и к произведениям блестящих представителей классической филологии второй половины прошлого и начала нашего века: *alia tempora!* Поэтому, оставив в стороне эстетический критерий, ограничимся более элементарными требованиями, которые мы вправе предъявить к латинским переводам, публикуемым в печати: они должны быть корректны в отношении 1) латинской метрики, 2) латинской языковой нормы, 3) передачи основного смысла переводимого текста.

По первому пункту оба рассматриваемые стихотворения безупречны. Но по второму и третьему (грань между тем и другим не всегда можно провести) они страдают весьма существенными недостатками.

Приведем несколько примеров из послания «К Овидию», указывая на первом месте стих оригинала, а на втором, в скобках, стих перевода. 4 (5) «прославил» здесь означает «принес славу», а в переводе передано как *collaudavit*; это может означать только «восхвалил», что в данном контексте неприемлемо.

14 (14) «близ диких берегов». Здесь эпитет означает «пустынный, заброшенный», что по-латыни можно передать словами *vastus, desertus, incultus*, в переводе же мы находим *ripis ... feris* — словосочетание невозможное, ибо *ferus* означает «свирепый» (субстантивированное *fera* — «дикий зверь»).

15 (15) «певца любви» передано как *vates qui fortis cantat amorem* «поэт, который храбро воспевает любовь». Добавленное переводчиком слово *fortis* крайне неуместно.

27 (29) «взложить шлем» по-латыни — *galeam imponere*. В дактилический размер это укладывается лишь с некоторым затруднением, но вполне возможно было *galeam portare* «носить шлем». В переводе же находим *galeam vestire*, что по-латыни может означать только «одеть шлем чем-нибудь», но никак не «надеть шлем».

28 (30) «оробелой» передано словом *timenda*, что может означать только «страшной».

36 (40) Перевод *et dabit oblitos alba senecta dies* — «и белая старость даст забытые дни».

46 (50) Перевод *teque ... numquam, Roma, videre mihi*. Эта точная калька с оригинала. Но такое употребление инфинитива совершенно чуждо латинскому языку, и смысл оригинала утрачен.

50 (54) «укорит» прочтено переводчиком как «укротит» и переведено, соответственно, *placabit*, что превратило стихи 49—50 в бессмыслицу.

51 (55) «без умиления» понято как «без увеселения» — перевод *sine laetitia*.

54 (58—59) «я слез не проливал» переведено: «я тебя не оплакивал».

55 (59) «но понимаю их» переведено: «но понимаю твои слова».

70 (74) «пушистые снега» понято и переведено как «шерстистые (*la-posa*) снега».

88 (92) «жертва темная» скалькировано как «жертва мрачная» (*fusca*); и т. п.

Такая же неудача постигла и попытку передать латинскими стихами содержание «Элегии» Пушкина. «Безумных лет» переведено — «злых лет» (*malorum*) «смутное похмелье» (*ebrietas turpis*), т. е. «постыдное опьянение». Противопоставление минувшего веселья и минувшей печали не передано, и четвертая строка говорит только об «этой скорби» (*ille dolor*). «Грядущего волнуемое море» переведено — «грядущая жизнь волнуемого моря». Заключительные две строки в дословном переводе таковы: «И может быть по окончании моего печального времени сладостно блеснет, улыбаясь, высшая (*summus*) любовь». Переводчик исходил из того, что *summus* в некоторых сочетаниях может означать «последний» (например, *summa dies* — «последний день»); но в данном контексте такое значение допустить невозможно.

Как бы ни оценивать художественный уровень переводов из Пушкина, сделанных Р. С. Цесюлевичем, следует все же приветствовать проявленный зарубежными журналами интерес к поэзии Пушкина и к популяризации ее переводами на латинский язык.

III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

ОБ ИСТОЧНИКЕ ОДНОЙ ЛИЦЕЙСКОЙ ЭПИГРАММЫ ПУШКИНА

В конце 1920-х годов среди пушкинистов обсуждался вопрос об источнике лицейской эпиграммы Пушкина:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской! ¹

Интересовала как сама форма эпиграммы, распространенная во Франции и имеющая название *contre-petterie*, так и возможный ее оригинал, который Пушкин взял в качестве образца для своей эпиграммы.² Г. Коровин предположил, что источником Пушкина была французская эпиграмма (анонима) на трех членов Конвента, напечатанная в «*Acanthologie ou dictionnaire épigrammatique*»:

Peut-on rien voir de plus coquin,
Que Chabot, Bazire et Merlin?
Pourrait-on rien voir de plus sot,
Que Merlin, Bazire et Chabot?
Enfin, peut-on rien voir de pire,
Que Merlin, Chabot et Bazire? ³

Можно ли найти больших
мошенников,
нежели Шабо, Базир и Мерлен?
Можно ли было бы найти больших
глупцов,
нежели Мерлен, Базир и Шабо?
Наконец, можно ли найти кого-либо
отвратительнее,
нежели Мерлен, Шабо и Базир?

Г. Коровин отметил, что Пушкин мог быть знаком с французским источником, и, указывая на близкое сходство формы эпиграмм, пришел к выводу, что эпиграмма Пушкина является собственно переводом.⁴

Б. В. Томашевский, признавая основательным предположение Коровина, указывал, однако, на то, что французский сборник не мог быть известен Пушкину до сочинения эпиграммы, так как вышел в 1817 г.,

¹ Акад., I, стр. 150 и 457; XII, стр. 298; датируется 8 декабря 1815 г.

² Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 136.

³ Г. Коровин. Заметки о Пушкине. I. В сб.: Поэтика. Временник отдела словесных искусств ГИИИ, вып. V. «Academia», Л., 1929, стр. 66—67; см. в том же сборнике статью: Б. Томашевский. «Заметки о Пушкине. II», стр. 68—71; *Acanthologie ou dictionnaire épigrammatique*. Paris, 1817, p. 19.

⁴ Г. Коровин. Заметки о Пушкине. I, стр. 66.

двумя годами позже ее написания. Томашевский подчеркивал также тот факт, что французская эпиграмма против членов Конвента была известна во множестве разных редакций, и поэтому трудно говорить о конкретном заимствовании и зависимости от французского текста. «Если бы, — писал исследователь, — подобная эпиграмма была одна, или если бы Пушкин ее перевел, тогда бы ясна была индивидуальная зависимость русской эпиграммы от французской. Наличие же нескольких сходных французских эпиграмм того же построения и несоответствие пушкинской эпиграммы с ними заставляет предполагать, что мы имеем дело не с отдельными эпиграммами, а с определенным эпиграмматическим жанром, о существовании которого Пушкин знал и свободно применил эту жанровую форму к новой эпиграмме, не чувствуя определенной зависимости от какой бы то ни было из этих эпиграмм».⁵

Но такая зависимость все-таки была, и теперь можно с уверенностью указать, какой именно из многочисленных вариантов этой эпиграммы был известен в Лицее. Дело в том, что сокурсник Пушкина лицеист кн. А. М. Горчаков в письме к А. Н. Пещурову от 23 октября 1815 г., т. е. за полтора месяца до сочинения эпиграммы Пушкина приводит следующий вариант интересующей нас французской эпиграммы:

Epigramme contre trois membres
de la Convention nationale

Vit-on jamais rien de si sot
Que Merlin, Basire et Chabot?
A t'-on jamais rien vu de pire
Que Chabot, Merlin et Basire?
Et vit-on rien de plus coquin
Que Chabot, Basire et Merlin?

*Beaumarchais*⁶

Вариант Горчакова имеет незначительные расхождения в тексте с вариантами, приведенными Коровиным и Томашевским. Эпиграмма была очень известна, передавалась, по-видимому, устно, что и объясняет множество вариантов. Интересно, что, несмотря на популярность эпиграммы, автор ее остался неизвестен и в напечатанных вариантах она фигурирует как аноним. Но в своем письме кн. Горчаков указывает автора, — называя им замечательного французского драматурга и публициста Бомарше. В библиографии Бомарше, в изданиях его сочинений эта эпиграмма не обнаружена, и о том, что она принадлежит Бомарше, есть единственное свидетельство в книжке Cousin d'Avallon «Частная, политическая и литературная жизнь Бомарше» (*Vie privée, politique et littéraire de Beaumarchais; suivie d'anecdotes, bons mots, réparties, satires, épigrammes, et autres pièces propres à faire connaître le caractère et l'esprit de cet homme célèbre et singulier*, Paris, 1802). В этой редкой и, по-видимому, совершенно забытой книжечке, d'Avallon описывает инцидент, связанный с историей покупки Бомарше, в 1792 г., 60 000 ружей. По этому делу против него выступали три члена Законодательной ассамблеи: Claude Basire, Antoine Merlin de Thionville и François Chabot, чем и объясняется сочинение Бомарше направленной против них эпиграммы.⁷ В исследованиях об этом инциденте указанная эпиграмма не фигурирует,

⁵ Б. Томашевский. «Заметки о Пушкине. II», стр. 69.

⁶ Лицейские письма А. М. Горчакова 1814—1818 гг. (Публикация М. К. Светловой). «Красный архив», 1936, № 6 (79), стр. 181.

⁷ D'Avallon. *Vie privée etc.*, p. 117.

а в биографиях членов Ассамблеи отмечено лишь то, что она исходит из кругов оппозиции.⁸

Таким образом, эпиграмма Бомарше связана с довольно известными событиями французской революции, детали которых сохранились в кругу ее участников. Каким же образом знали об авторстве Бомарше в Лицее в 1815 г., если об этом уже давно забыли во Франции, так как в 1817 г. эпиграмма обозначена анонимной? Из книжки d'Avallon? Возможно, хотя это и сомнительно, так как у нас нет никаких данных о распространении этой книжки в лицейских кругах. Отсюда возникает вопрос: от кого лицеисты могли знать такие подробности о французской революции и насколько они вообще были осведомлены о революционных событиях? В России, в том числе и в Царском Селе, той эпохи было много французов, среди которых были и политические эмигранты. Первое имя, которое сразу напрашивается в данной связи, это, конечно, имя Давида Ивановича де Будри, младшего брата Марата, который приехал в Россию в конце 1780-х годов и сохранил связи со своей семьей за границей.⁹ О том, что Будри рассказывал своим питомцам о своем знаменитом брате и о других участниках революции, мы знаем из записи о нем самого Пушкина, входящей в «Table-Talk» (1835).¹⁰ От него и могли узнать Горчаков и Пушкин эпиграмму, приписываемую Бомарше, на трех членов Конвента.

А. Гляссе

ИСПОВЕДЬ ФИННА В ПОЭМЕ «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

Исследователи, изучавшие литературные и фольклорные истоки «Руслана и Людмилы», не успели еще достаточно убедительно объяснить ту часть поэмы (песнь первая), в которой вещий старец Финн¹ рассказывает Руслану историю своей жизни.² П. А. Плетнев, автор статьи о финляндской теме в русской поэзии,³ писал Я. К. Гроту (24 февраля 1841 г.): «Конечно, это не описание Финляндии, не предание народное, не мнение ученое: это блажь, забава юношеского воображения, но заимствованная

⁸ L. Farges. Beaumarchais et la Révolution. Lettres et documents inédits. «La Nouvelle Revue», 1885, v. 37, p. 548--571; Vicomte de Bonald. François Chabot, membre de la Convention. Paris, 1908, p. 59--60.

⁹ J. Olivier. La famille de Marat. «Chronique médicale», 1927, N 1. p. 7--8; N 2, p. 35--36.

¹⁰ Акад., XII, стр. 166.

¹ Слово «финн» скорее всего многозначно: оно обозначает не только национальность персонажа поэмы, («природный финн»), но и принадлежность его к касте друидов-фенниев, колдунов, жрецов и бардов, учеников Фингала, о которых пел в своих песнях Оссан. Возможно, что Финн у Пушкина — также имя собственное: в кельтском эпосе Финн значит то же, что Фингал. Обо всем этом Пушкин мог знать из исторических и филологических трудов его времени. (См.: А. А. Смирнов. Оссан. Новый энциклопедический словарь, т. 29. Пгр., 1915, стр. 814--815).

² Обзор литературы вопроса см. в статье: П. Н. Шеффер. Из заметок о Пушкине: «Руслан и Людмила». В кн.: Памяти Л. Н. Майкова. СПб., 1902, стр. 503--522.

³ См.: П. А. Плетнев. Финляндия в русской поэзии. Альманах в память двухсотлетнего юбилея императорского Александровского университета, изданный Я. Гротом. Гельсингфорс, 1842, стр. 136--186.

из темных, стародавних рассказов...»⁴ Плетнев не уточнил, чьи это рассказы. М. Халанский предположил, что «встреча Руслана с добродетельным волшебником, старцем Финном, живущим в пещере, ближе всего напоминает встречу Алеши Поповича с старцем волшебником, выведенным Н. Радищевым в его поэме „Альоша Попович“ песнь 2-я (изд. 1801, стр. 44—49)...»⁵ Но пещера — обязательный атрибут оссианического пейзажа, а в указанной поэме Н. Радищева отсутствуют сюжетные и фразеологические соответствия рассказу Финна. В. Сиповский признавался: «До сих пор мне не удалось найти в предшествующей Пушкину литературе, русской и иностранной, ничего похожего на эпизод Финна и Наины, — между тем, заимствованность этой вставной повестушки сразу чувствуется».⁶

Установлено,⁷ что исповедь Финна содержит отголоски «Песни Гаральда Смелого» — средневековой исландской скальдической поэмы, помещенной (во французском переводе) в книге Поля-Анри Малле «Памятники поэзии и мифологии кельтов, в частности древних скандинавов».⁸ Указано на композиционный элемент, общий для «Песни Гаральда» и для исповеди Финна. Каждый куплет скальдической поэмы «кончается припевом:

Дева, живущая в Гарде,
Золотыми украшенная кольцами, отвергает меня.

Припев — эта внешняя связь с «Песней Гаральда» — легко здесь (в «Руслане и Людмиле», — Д. III.) бросается в глаза. Его Пушкин вложил в уста Наины:

Пастух, я не люблю тебя,
Герой, я не люблю тебя».⁹

«Песнь Гаральда Смелого» переводили Н. Львов и Богданович, Карамзин и Батюшков. Поэтому высказывалось мнение, что «вскоре после Карамзина и Батюшкова, под свежим впечатлением их переводов, и Пушкин отметил песню Гаральда своим вниманием в „Руслане и Людмиле“». «...» Он слегка пародировал ее в повествовании Финна о его славных подвигах и любовной неудаче. «...» Автобиография Финна соответствует автобиографии Гаральда, а в ее поэтическом изложении у Пушкина отзывается и язык карамзинской прозы и отдельные блестящие поэтические переводы Батюшкова».¹⁰ Карамзин и Батюшков для Пушкина, автора «Руслана и Людмилы», значили много, но связь между древнескандинавской балладой и оссианическим по стилю рассказом вещего старца не слишком велика.

⁴ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 1. СПб., 1896, стр. 255.

⁵ М. Халанский. «Руслан и Людмила». В кн.: Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. Изд. Брокгауз—Ефрон, СПб., 1907, стр. 583.

⁶ В. Сиповский. «Руслан и Людмила». (К литературной истории поэмы). В кн.: В. Сиповский. Пушкин. Жизнь и творчество. СПб., 1907, стр. 464.

⁷ См.: Зоя Розова. Отголоски Песни Гаральда Смелого в поэзии Пушкина. Юбилейный сборник Русского археологического общества в... Югославии, Белград, 1936, стр. 339—349.

⁸ P.-A. Mallet. Monuments de la Mythologie et la Poésie des Celtes et particulièrement des anciens Scandinaves. Copenhague, 1756; русский перевод Г. Маллета. Введение в историю датскую. Часть вторая, содержащая в себе достопамятности иконословия и стихотворения древних северных народов. Перевел с французского языка на российский адъютант Федор Моисенко. СПб., 1785.

⁹ Зоя Розова. Отголоски Песни Гаральда Смелого в поэзии Пушкина, стр. 343.

¹⁰ Там же, стр. 343, 348.

На вопрос о литературном источнике исповеди Финна дополнительный свет проливает публикация наброска ранее неизвестной поэмы К. Ф. Рылеева «из скандинавского быта о витязе Ольбровне и красавице Русле».¹¹ Набросок этот, выполненный после появления в свет «Руслана и Людмилы», представляет собой, по словам Ю. Г. Оксмана, «явную имитацию характерных деталей стиля и композиции юношеской поэмы Пушкина»; более того: «первые шестнадцать строк этого отрывка Рылеева вызывают в памяти рассказ Финна о его борьбе за Найну в первой песне „Руслана и Людмилы“».¹²

Рылеев:

На дальних берегах чужбины
Он девять месяцев разил
Иноплеменные дружины
И их зеленые равнины
Невинной кровью багрил.
Непостоянство бурной влаги,
Пучины грозные морей,
Не охлаждали в нем отваги.
Владыки чуждые пиры
В нагорных замках нам давали,
Несли с покорностью дары,
Свои услуги предлагали
И, трепеща постыдных уз,
Постыдной данью покупали
И дружбу нашу, и союз.

Пушкин:

Мы десять лет снега и волны
Багрили кровью врагов.
Молва неслась: дари чужбины
Страшились дерзости моей,
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары
И с побежденными сдились
За дружелюбные пиры.

Далее различия между поэтическими текстами Пушкина и Рылеева весьма существенны. Пушкин лаконичен, Рылеев многословен. Текст Рылеева по сравнению с пушкинским наполнен большим количеством подробностей, опущенных Пушкиным. Но, как отметил Ю. Г. Оксман, «и в тематическом, и в ритмико-метрическом, и в лексико-фразеологическом отношении эти наброски еще не выходят за пределы ученических вариаций, сделанных как бы на полях „Руслана и Людмилы“».¹³ Зачин повести о Русле и Ольбровне напоминает начало исповеди Финна.

Рылеев:

Однажды под костром дубовым,
На почерневшем сидя пне,
Вечерних сумраков порою,
Задумчиво склонясь главою,
«О царь певцов! — сказал он мне, —
Почто столь долгое молчанье?
Почто, почто в очарованье

¹¹ Ю. Г. Оксман. Новые тексты поэмы «Войнаровский». «Литературное наследство», т. 59, 1954, стр. 32—34.

¹² Там же, стр. 34.

¹³ Там же, стр. 31.

Ты не приводишь, скальд молодой,
Души тоскующего друга
И в повести своей живой
Преданий древности седой
Нам не расскажешь в час досуга?
Отчизны милая страна
Ольбровна именем полна,
Но кто он был — Иснель не знает...

Пушкин:

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконец:
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

Пушкинский Финн повествует о себе, а рылеевский «царь певцов» — о витязе Ольбровне. И все-таки оба поэта в сходных выражениях и одинаковой последовательности говорят о похожей судьбе их героев. И Ольбровн, и Финн, юные пастухи, счастливо предавались невинным забавам «дикой бедности»; и Рылеев, и Пушкин с элегической грустью вспоминают об этой чудесной поре в жизни их героев.

Рылеев:

Под камнем (сим) — был мой ответ! —
Сей храбрый витязь почивает
С подругой нежной юных лет!
Дубравы Скании дремучи
Гремели дел его молвой:
Вскипев отважною душой,
Пятнадцать раз Ольбровн могучий
Медведей лютых низлагал
Своею сильною рукою
И их свиренство укрощал
Перед трепещущей толпою.
Пятнадцать раз его стрела
Паренье дерзкого орла
Внезапно с жизнью пресекала
И от туманных облаков
При кликах радостных стрелков
На дол зеленый повергала.

Пушкин:

Вдохнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальней
Угрюмый край. Природный финн,
В долинах, нам одним известных,
Гоня стадо сел окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы...

Здесь идиллия безмятежной юности прерывается. И Ольбровн, и Финн познают сладкие, но жестокие муки первой любви. Они встречают своих возлюбленных, соответственно Руслу и Наину, каковые призваны сыграть роковую роль в их судьбе. Оба они, и Ольбровн и Финн, пытаются добиться любви прекрасных девушек.

Рылеев:

Однажды с Руслою прекрасной
Он встретился в лесной глуши;
Взглянул — и огонь любви страстной
Свободу заменил души. . .
С тех пор он каждый день, с зарею,
Из мрачной глубины лесов,
При громком лае серых псов,
Перед красавицей младою,
Чтоб приобрести ее любовь,
Являлся с дикою козою
Или со шкурами волков.
Суров и горделив донине, —
Так наконец он ей сказал:
«Дни одинокие в пустыне,
Как сирота, я провождал.
Любви томления приятны,
И нега чувств души младои
Ольбровну были непонятны. . .
О Русла, друг прекрасный мой,
Очей прелестных пылкий пламень
Ты в душу мне перелила,
Ты в сердце претворила камень,
Ты мне почувствовать дала,
Ты воскресила мою младость. . .

Пушкин:

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.
Одна красавица младая
На берегу плела венок.
Меня влекла моя судьбина. . .
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней — и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

Однако набросок Рылеева — не оригинальное сочинение, написанное специально в подражание пушкинскому, не поэма «из скандинавского быта», а перевод вставного отрывка из первой песни поэмы Эвариста-Дезирэ Парни «Иснель и Аслега». Правда, русский поэт увеличил по сравнению с французским оригиналом количество стрóf, ввел эпитеты и метафоры, отсутствующие в подлиннике; и все-таки это — поэтический перевод из Парни, местами дословный (ср. стр. 32—34):

Pendant neuf mois sur des rives lointaines
Il promena son glaive destructeur:

De l'Océan les orageuses plaines
 Ne firent point reculer sa valeur.
 Les rois tremblans l'invitaient à des fêtes,
 Et leurs trésors achetaient son oubli.
 De ses succès son cœur enorgueilli
 Se proposait de nouvelles conquêtes.
 Un soir assis près d'un chêne enflammé,
 Il me disait: «Ami de mon enfance,
 Roi de concerts, pourquoi ce long silence?
 Parle, retrace à mon esprit charmé
 Des temps passés les nobles aventures.
 Le nom d'Olbrown que tout bas tu murmures
 Pour mon oreille est encore nouveau...»
 — «A quelques pas s'élève son tombeau,
 Lui dis je; il dort auprès de son amie.
 Dans les forêts qui couvrent la Scanie
 Par son adresse Olbrown était connu:
 Vingt fois de l'ours à ses pieds abattu
 Son bras nerveux sut dompter la furie;
 Frappé par lui d'un trait inattendu,
 Vingt fois des cieux l'aigle tomba sans vie.
 Dans l'âge heureux d'aimer et d'être aimé,
 Aus doux désirs son cœur long-temps fermé
 De la beauté méconnaissait l'empire:
 Il voit Rusla, se détourne, et soupire.
 A ses genoux il portait chaque jour.
 D'un sanglier la hure menaçante,
 Et d'un chevreuil la dépouille sanglante.
 Il méritait, il obtint son amour.
 A mes regards tu seras toujours belle,
 Répète Olbrown; un sourire charmant
 Dit que Rusla sera toujours fidèle;
 Et pour sceller cette union nouvelle,
 Chacun toucha la pierre du Serment, etc.¹⁴

Девять месяцев на чуждых берегах он разил врагов своим мечом; бурные просторы океана не умеряли его отваги. Властители, трепеща, приглашали его на празднества и сокровищами покупали его снисхождение. Возгордившись своими успехами, он мечтал о новых походах. Однажды вечером, сидя у горящего дуба, он мне сказал: «Друг моего детства, король певцов, чем вызвано столь долгое молчание? Говори, очаруй мою душу повестью о славных делах минувших дней. Имя Ольбровна, которое ты постоянно шепчешь, мне совершенно неизвестно». — «Его могила в нескольких шагах отсюда, — сказал я ему, — он там, подле своей подруги. В лесах, покрывающих Сканию, он был знаменит своею ловкостью: его могучая длань укротила свирепость пятнадцати медведей, павших к его ногам. Пораженные его неотразимой стрелой, пятнадцать орлов пали с небес бездыханными. Когда он вошел в счастливую пору любви, его сердце, столь долго не знавшее сладких утех, не ведало власти красоты: но вот он видит Руслу, отвращается, вздыхает. Каждый день он повергал к ее

¹⁴ Цит. по кн.: Oeuvres complètes de Parny. Bruxelles, 1830, pp. 479—480.

коленям ужасную голову веоря или окровавленную тушу косули. Он был достоин любви, и он добился ее. Ты всегда будешь очаровывать мой взор, повторяет Ольбровна; прелестной улыбкой Русла говорит, что всегда будет хранить верность и для того, чтобы скрепить этот новый союз, каждый поклялся на священном камне».

Отсюда следует, что Рылеев писал свой отрывок на полях не столько «Руслана и Людмилы», сколько «Иснеля и Аслеги», и эта поэма послужила одним из основных литературных источников исповеди Финна. Можно предположить, что Рылеев, перелагая Парни, не столько имитировал Пушкина, сколько соперничал с ним в поэтической верности духу классического для преромантиков французского оригинала. Если это так, то Рылеев не понял пушкинского замысла: Пушкин не подражал Парни, а преодолевал его.

Парни, наиболее известный в России поэт французского преромантизма, «считался в свое время обновителем интимной лирики»,¹⁵ а его элегии «были своего рода типом, определяющим общие свойства жанра».¹⁶ Русский читатель первой четверти XIX в. был хорошо знаком с большой лирико-эпической поэмой Парни «Иснель и Аслега», написанной «в подражание скандинавам» (Isnel et Asléga, poème en quatre chants, imité du Scandinaves, 1802; последний вариант: 1808). Литературные источники этой поэмы — Оссиан и скальдические поэмы, известные по книге Малле, прежде всего «Песнь Гаральда Смелого», а также «Смертная песнь Рагнара Лодброка» (Аслега — героиня «Саги о Рагнаре Лодброке», пересказанной Малле). Отрывки из «Иснеля и Аслеги» переводили Батюшков, Денис Давыдов, Орест Сомов, А. Крылов, А. Прожин, В. И. Туманский и многие другие.¹⁷ Сама тема, затронутая Парни, волновала русских поэтов, для которых древний Север являлся не только краем экзотики, но и колыбелью отечественной истории. Подражателей Парни влекло искусство французского поэта сочетать эпический сюжет с лирическим самовыражением, историческую тему — с раскрытием мира интимных переживаний, анакреонтические настроения — с элегическими, эротическими мотивы — с оссиановскими пейзажными зарисовками, избегать фальши в выражении нежных чувств, писать простым и благородным поэтическим языком.

Для юного Пушкина поэмы Парни служили «наиболее значительным и несомненным образцом»; поэт хорошо знал «Иснеля и Аслега» уже в Лицее и впоследствии «долго был пленен Парни-элегиком».¹⁸ Воздействие Парни на Пушкина ощущается в его лицейских «подражаниях Оссиану». В стихотворении «Кольна» мы читаем:

Источник быстрой Каломоны,
Бегущий к дальним берегам,

¹⁵ Л. Н. Майков. О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова. В кн.: Сочинения К. Н. Батюшкова, т. I, кн. 1. СПб., 1885, стр. 97.

¹⁶ Б. В. Томашевский. Пушкин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 120.

¹⁷ См.: В. И. Резанов. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. II. Пгр., 1916, стр. 337. — О. М. Сомов, говоря о Парни в своем очерке «О романтической поэзии», называет его поэму «Аснель и Аслега» «первою романтического поэмою во Франции» («Соревнователь просвещения», 1823, ч. XXIII, кн. 1, стр. 57).

¹⁸ М. П. Алексеев. «Гавриилиада» Пушкина. (По поводу издания В. Брюсова). «Родная земля» (Киев), 1919, № 2 (Критико-библиографический отдел), стр. 7—8.

Я зрю, твои взмущенны волны
 Потоком мутным по скалам
 При блеске звезд ночных сверкают
 Сквозь дремлющий, пустынный лес,
 Шумят и корни орошают
 Сплетенных в темный кров древес.
 Твой мшистый брег любила Кольна,
 Когда по небу тень лилась;
 Ты зрел, когда в любви невольна,
 Здесь другу Кольна отдалась.

Исследователи поверили Пушкину на слово, что это действительно целиком подражание Оссиану. С. А. Венгеров писал в своем комментарии к этому стихотворению: «Сличение пушкинского подражания с источником этого подражания (т. е. с Оссианом, — Д. III.) <...> показывает нам, что юный поэт, несомненно, внес тут немало и индивидуального <...> военные подробности значительно сокращены, а любовные столь же значительно растянуты. Появились даже такие детали, как например стихи 11—12:

Ты зрел, когда в любви невольна,
 Здесь другу Кольна отдалась,

которых совсем нет в оригинале».¹⁹ Мысль С. А. Венгерова развил Б. В. Томашевский, который утверждал, что «пейзаж, не имеющий точного соответствия ни у Оссиана, ни у его французских подражателей <...> мы встречаем в „Кольне“ 1814 года. <...> Мы видим, что весь пейзаж принадлежит Пушкину, который придал ему и характерный колорит».²⁰

Но «точного соответствия» и не может быть в вольном поэтическом переложении у такого поэта, как Пушкин. Довольно близкое же соответствие цитированным пушкинским строкам содержится в той части «Иснеля и Аслеги», где говорится о любви Ольбровна и Руслы:

La nuit descend; l'étoile pacifique
 S'assied au nord sur un lit de frimas.
 Prés d'un terrent qui roule avec fracas
 Ses flots bourbeux, s'élève un toit rustique;
 De vieux sapins le couvrent de leurs bras.
 C'est là qu'Olbrown a dirigé ses pas.²¹

Сошла ночь; северная звезда опустилась на ледяное ложе. У потока, который с грохотом катит свои мутные воды, виднеется сельская кровля. Старые сосны осеняют ее своими ветвями. Сюда-то и направлял свои стопы Ольбровн.

А дальше рассказывается о том, как, «в любви невольна», Русла отдалась другу:

Trois fois il frappe, et trois fois il écoute
 Si l'on répond à ses vœux empressés. <...>
 La porte cède à la main qui la touche.

¹⁹ С. Венгеров. «Оссиановские» стихотворения Пушкина. В кн.: Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова. Т. I. Изд. Брокгауз—Ефрон, СПб., 1907, стр. 90.

²⁰ Б. В. Томашевский. Пушкин, стр. 89—90.

²¹ Oeuvres complètes de Parny, pp. 480—481.

De la pudeur il ménagea les droits.
Rusla honteuse a voilé son visage;
Elle rougit de ses premiers désirs,
Elle rougit de ses premiers plaisirs, etc.²²

Он трижды стучит, и трижды прислушивается, не последует ли ответ на его мольбы. . . Дверь поддается руке, которая слегка ее касается. Он пощадил права стыдливости; застенчиво Русла закрыла свое лицо. Первые желания и первые радости заставляют ее краснеть, и т. д.

И эти стихи Парни С. А. Венгеров привел в комментарии к другому оссиановскому стихотворению Пушкина — «Осгару», как «особенно близко подходящие если и не по содержанию, то по наиболее характерным подробностям».²³ Что же касается «Эвлеги», то по отношению к ней «Оссиан уже совершенно ни при чем»: ²⁴ это перевод отрывка из четвертой песни «Иснеля и Аслеги». Таким образом, одним из главных литературных источников всех оссианических стихотворений Пушкина послужила поэма Парни «Иснель и Аслега».

Образ Финна вобрал в себя черты всех героев поэмы Парни: и Иснеля, и Ольбровна, и Эгиля. Финн, не имея возможности соединиться с возлюбленной, задумывает оставить родные берега, со своей дружиной переплыть море и «бранной славой заслужить» право на любовь.

И все мне дико, мрачно стало:
Родная куца, тень дубров,
Веселы игры пастухов —
Ничто тоски не утешало.
В уныньи сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Внимање гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдале уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков. . .

Сходная судьба постигает Иснеля, бедного пастуха, который не имеет права взять в жены дочь вождя Аслегу:

«Chère Asléga, fille de la beauté,
Ton regard seul à mon coeur attristé
Rend le bonheur; ta présance est ma vie:
Mais ton amant sera-t-il ton époux?
Malgré nos vœux, quel obstacle entre nous!
Dans un palais où brille la richesse
Ton heureux père élève ta jeunesse. . .

²² Там же, стр. 481.

²³ С. А. Венгеров. «Оссиановские» стихотворения Пушкина, стр. 94.

²⁴ Там же, стр. 90.

des ?>

Du, mien, hélas! je n'eus pour héritage
Qu' un toit de chaume, un glaive, et son courage» <...>
Isnel s'éloigne: autour de lui se range
De ses guerriers la brillante phalange;
Tous à grands cris appellent combats,
Et leurs regards promettent le trépas.
Leur jeune chef à leur tête se place,
Et par ces mots enflamme leur audace:
«Braves amis, nos pères ont vaincu;
De leur acier l'éclair a disparu:
Brillons comme eux au milieu du carnage.
Leur front jamais n'a connu la pâleur;
Jamais la mort n'étonna leur courage;
Ils l'insultaient par un souris moqueur. <...>
Marchons, amis; le brave doit me suivre».²⁵

Jul

«Дорогая Аслега, дева красоты, лишь твой взор осчастлививает мое опечаленное сердце; быть с тобой — для меня значит жить: но станет ли твой возлюбленный твоим супругом? Сколь многое препятствует нашим желаниям! Во дворце, сияющем роскошью, твой счастливый отец взлелеял твою юность... А я, увы, только и получил в наследство, что соломенную кровлю, меч да свою отвагу...» Иснель удаляется: вокруг него собирается блестящая фаланга его соратников; все с громкими кликами рвутся в битвы, а их взоры говорят о презрении к смерти. Юный вождь возглавляет их ряды и воспламеняет их энтузиазм такими словами: «Друзья, храбрецы, наши отцы одерживали победы; но молнии их мечей потухли; подобно им, блеснем мечами в гуще сеч. Они никогда не бледнели от страха, ужас смерти никогда не лишал их смелости; они с насмешливой улыбкой презрели смерть... Вперед, друзья; кто храбр, пойдет за мною».

В походах сердце Финна, «полное Наивной»,

Под шумом битвы и пиров,
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!
Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал — и весла зашумели:
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

То же происходит с Иснелем, после того как он выслушал рассказ скальда Эгиля о Русле и Ольбровне: ²⁶

Isnel écoute, et son ame se trouble;
A chaque mot sa tristesse redouble;

²⁵ Oeuvre complètes de Parny, pp. 476—477.

²⁶ Ольбровн расстаётся с Руслой и отправляется в поход. Прослышав, что ее возлюбленный изменил ей с другими красавицами, верная Русла умирает от горя.

Mille pensers tourmentaient son esprit. <...>
 Le lendemain il dit à ses héros:
 «Amis, la gloire a suivi nos drapeaux,
 Et nos succès passent notre espérance:
 Arrêtons-nous, et que notre imprudence
 Ne risque point le fruit de nos travaux».
 Avec transport les guerriers obéissent
 Au champ natal ils retournent joyeux:
 Et, déposant l'acier victorieux,
 Devant l'amour leurs courages fléchissent.²⁷

Иснелъ слушает, и душу его охватывает тревога; с каж-
 дым словом его печаль возрастает; множество мыслей
 терзают его ум... На следующий день он говорит своим
 героям: «Друзья, наши знамена осенены славой, и мы
 преуспели выше всяких ожиданий; остановимся, не бу-
 дем опрометчиво рисковать плодами наших побед». Воины с восторгом повиновались, радостно вернулись
 к родным полям, и, сняв победоносную броню, забыли
 о воинской отваге ради любви.

С. А. Венгеров писал, комментируя пушкинского «Осгара»: «... у Парни „Belle Rusla“ <...> образец <...> верности, у Пушкина — все основано на измене и мести».²⁸ Действительно, и Аслега, и Русла добродетельны, а Наина — воплощение самовлюбленности и коварства. Но и у Парни есть героиня, Айна (Aïna), о которой тщетоно вздыхает главный рассказчик, Эгиль, несчастливый в любви. Финн завершает свою исповедь горьким сетованием:

К чему рассказывать, мой сын,
 Чего пересказать нет силы?
 Ах, и теперь один, один,
 Душой уснув, в дверях могилы,
 Я помню горесть, и порой,
 Как о минувшем мысль родится,
 По бороде моей седой
 Слеза тяжелая катится.

Сетования Эгиля обрамляют всю первую песнь поэмы:

Braves guerriers, qui poursuivez la gloire,
 Pourquoi d'Égill troubler le long repos,
 Et l'inviter à des hymnes nouveaux?
 Des temps passés le scalde est la mémoire;
 Mais tous les ans je succombe, et ma voix
 Ressemble au vent qui survit à l'orage;
 Son souffle à peine incline le feuillage,
 Et son murmure expire au fond des bois. <...>
 Chère Aïna, des belles la plus belle,
 A mes regrets je suis encore fidèle,
 Et ton image est toujours dans mon coeur.²⁹

²⁷ Oeuvres complètes de Parny, pp. 484—485.

²⁸ С. А. Венгеров. «Оссиановские» стихотворения Пушкина, стр. 94.

²⁹ Oeuvres complètes de Parny, pp. 475, 485. — Е. Бобров, находя, что имя Найны, «по-видимому, звучит как бы по-итальянски, благодаря ударению на предпоследнем слоге», и справедливо полагая, что «имя

Храбрые войны, добывающие славу, к чему нарушать давний покой Эгиля и просить его петь новые гимны? Время пощадило память скальда; но годы постепенно сломили меня, и голос мой подобен ветерку, пережившему бурю; дыхание его едва колышет листву, а его шепот замирает в чаще лесов. . . Дорогая Аина, красавица из красавиц, я все еще верен своей грусти, и твой образ постоянно в моем сердце.

Не отсюда ли имя пушкинской героини — Наина?

Разумеется, Пушкин не подражал Парни, а вольно варьировал заданную им тему. По словам П. Морозова, пушкинское «отношение к французскому поэту было вполне свободно: Пушкин не был рожден копировщиком, точный перевод был не сроден его натуре. . .». Он «схватывал только общий, руководящий мотив чуждого подлинника и затем придавал ему своеобразную обработку».³⁰ В 1820-х годах отношение русского читателя к Парни резко изменилось: на фоне успехов отечественной литературы, после знакомства с Байроном и Вальтер-Скоттом, поэма «Иснель и Аслега» в целом не могла не казаться русским романтикам псевдоисторической, излишне чувствительной, условно-абстрактной по содержанию; она производила «неопределенное впечатление, какое всегда получается при смещении в одном произведении разнородных стилей».³¹ Оставляя для себя «нежного» Парни-лирика, Пушкин отказывался от Парни ложноэпического; об этом сказано в песни пятой «Руслана и Людмилы»:

Я не Гомер: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин,
И звон, и пену чаш глубоких.
Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени,
И поцелуй любви нежной.

итальянское, конечно, неуместно для прирожденной финки», попытался объяснить это имя следующим образом: «Попробуем поставить ударение правильно, а именно на первом слоге сначала — и получится Наина. <..> Для человека, сколько-нибудь знакомого с финскими языками, разгадка становится сразу очень простою. <..> Наина есть обозначение женщины вообще в финском языке: *naipen*; в эстонском языке этой форме соответствует форма *naene*. Стало быть, Наина есть не собственное имя, а только обозначение пола. <..> Откуда же юный Пушкин мог позаимствоваться финским словечком? Речь финнов и «чухон» на улицах Петербурга или Царского Села отнюдь не редкость: поэт подслушал слово, расспросил об его значении и к месту вклеил его в свою первую же поэму. . .» (Е. Бобров. Пушкинская Наина. В кн.: Е. Бобров. Пушкиниана. Ростов-на-Дону, 1919, стр. 5—7).

Если это действительно так, то структура имени пушкинской героини проясняется: звуковой и семантический его состав — финский («чухонский»), а ударение на предпоследнем слоге напоминает женские имена в поэме Парни «Иснель и Аслега». Совпадают и образно-художественные функции, выполняемые Наиной, сделавшей несчастным пушкинского рассказчика, Финна, и Аиной, разбившей сердце элегического повествователя из поэмы Парни, Эгиля.

³⁰ П. Морозов. Пушкин и Парни. В кн.: Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова. Т. I, стр. 389.

³¹ Пл. Краснов. Один из образцов Пушкина. «Книжки недели», 1899, № 9, стр. 167—168.

Воспевание рыцарских походов, любовных свиданий у источника, звездной ночи, элегические воздыхания эпического старца — «общие места» преромантической поэзии; но у Парни эти общие места получили откристиализовавшиеся, обобщенно-типичное выражение, они как бы созрели для иронического пародирования и последующего их преодоления. Это и сделал Пушкин в поэме «Руслан и Людмила».

Д. Шарышкин

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ПУШКИНА «ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО»

1

В своем обзоре поэзии Пушкина Белинский назвал перевод Пушкина из Ксенофана Колофонского «высочайшим идеалом антологической поэзии» и привел его как один из примеров стихотворений поэта, в которых «наиболее ясно высказывается эллинский дух».¹ В один ряд с переводом из Ксенофана критик поставил «Нереиду» и «Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила», не отделяя, таким образом, перевод греческого поэта от оригинального творчества Пушкина. Исследователь проблемы «Пушкин-переводчик» Г. Д. Владимирский, классифицируя переводы Пушкина, отнес «Из Ксенофана Колофонского» к «сокращенным переводам».² Сам Пушкин назвал свой перевод подражанием. Печатаая его в «Библиотеке для чтения» вместе с другим переводом с греческого «Славная флейта, Феон», он объединил их общим заголовком «Подражания древним».³

Греческого языка Пушкин не знал и в своих переводах греческих поэтов пользовался французскими подстрочниками. В 1831 г. в объяснении к заметке об «Илиаде» он первоначально написал: «Что касается до моего объявления, то, не полагая, что имею право судить немедленно и решительно о таком важном труде, каков перевод песен „Илиады“, я ограничился простым объявлением: по моему незнанию греческого языка, замечания мои были бы односторонни» (Акад., XI, стр. 372). К 1833 г. относится записанная в тетради № 2374 транскрипция заглавия и первых шести стихов первой песни «Одиссеи» и попытка дать их подстрочный перевод.⁴ С переводом Пушкин не справился, и это, так же как орфографические ошибки в транскрипции, позволяет предположить, что его транскрипция является первым и неудачным приступом к самостоятельному изучению языка.

Первые на источник перевода из Ксенофана указал Г. Гельд.⁵ Это составленный грамматиком Афинеем (III в. н. э.) сборник произведений

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 325.

² Г. Д. Владимирский. Пушкин-переводчик. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5. Изд. АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 318.

³ «Библиотека для чтения», 1834, т. V, кн. 8, отд. 1, стр. 20.

⁴ См. комментарии Н. Козмина и Ф. Петровского и записи Пушкина в кн.: Рукописи А. С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг., тетрадь № 2374. Комментарии. Гослитиздат, М., 1939, стр. 26—27; ср.: Рукою Пушкина. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 88—89.

⁵ Г. Гельд. Пушкин и Афиней. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXI—XXXII. Л., 1927, стр. 15—18.

греческих поэтов во французском переводе Жана-Батиста Лефевра.⁶ Недавно М. П. Алексеев высказал предположение, что помимо книги Лефевра Пушкину мог быть известен французский перевод стихотворения, принадлежавший французскому философу-электику Виктору Кузену (1792—1867) и вошедший в обстоятельную статью о Ксенофане, которой открывалась книга Кузена «Nouveaux fragments philosophiques» (Paris, MDCCCXVIII). Приводя текст перевода Кузена, М. П. Алексеев отмечает: «...представлялось бы весьма интересным тщательно сличить этот перевод с Лефевровским <...>, не упуская из внимания „Подражание“ Пушкина; результат такого сравнительно-стилистического анализа еще ярче представил бы артистический блеск и пластичность произведенной Пушкиным мозаичной работы».⁷

Элегия Ксенофана — это наставление к пиру «мудрых людей»; поэт-философ поясняет, каким должен быть пир мудрецов. Описывается ритуал приготовления к празднику, убранство стола, а затем поведение гостей и их беседы. «Мудрые люди» как бы противопоставляются пирующим обывателям, которые тешат воображение рассказами о битвах титанов и гигантов и о делах кентавров, т. е. повторяют «измышления предков», в которых «нет никакой пользы».⁸ В своих наставлениях пирующим Ксенофан выступает как моралист: напоминает, что «всегда полезно помнить о богах», и советует после возлияния «славить бога благоговейными повествованиями и речами чистыми», «спросить у него силы на дела справедливые» и рассуждать о добродетели. Моральная проповедь сочетается с советом умеренности. Мужичи должны «пить столько, чтобы дойти домой без помощи слуги, если кто не очень стар». Пиршественный стол мудрецов отличается обилием и одновременно прост: вино, вода, сыр, хлебы и мед. На благородство и утонченность вкуса собраных шипших указывают цветы и музыка.

Прозаический перевод Лефевра, тщательный и тяжеловесный, более точно передает смысловое содержание элегии Ксенофана. Обстоятельное, дословное изложение текста соответствует канонам построения прозаической речи: распространенные фразы, утяжеленные лишними прилагательными, придаточными предложениями, причастными оборотами, вводными словами, — все это лишает перевод гармоничности греческого текста. Стремление к детальной информации о содержании порождает многословие, несовместимое с поэтическим строем стихотворения. Краткая, лексически усеченная экспозиция, которую дает Ксенофан («Вот уже чисты и пол, и руки всех, и чаши») в переводе Лефевра растягивается и усложняется. Вместо одного прилагательного («чисты»), определяющего состояние разных предметов, появляются три, причем каждому из субъектов придано самостоятельное прилагательное, точно выражающее его состояние («Уже пол пиршественного зала чист, руки у каждого хорошо вымыты, чарки прополоснуты»). Синтаксическая усложненность, излишние, неловкие слова сопровождают весь перевод (например: вместо «Посредине ладан издает священное благоухание» у Лефевра «Среди всего этого ладан ласкает обоняние выделениями своего естественного пара»; вместо «Студеная вода, вкусная и чистая» — «свежая вода приятного и чистого вкуса»).

⁶ Banquet des Savans, par Athénée, traduit, tant sur les textes imprimés, que sur plusieurs manuscrits par M. Lefebvre de Villebrune. Paris, vol. I—V, 1789—1791. — См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. В кн.: Пушкин и его современники, вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 144—145 (№ 559).

⁷ М. П. Алексеев. К источникам «Подражаний древним» Пушкина. В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1962. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 27.

⁸ Отрывки из элегии приводятся по подстрочнику Лефевра в русском переводе.

Перевод Кузена (также прозаический и независимый от Лефевра) стремится приблизиться к поэтическому содержанию элегии. Он разбит на строки, соответствующие стихотворным строкам оригинала, лишен дополнительных слов и неловких выражений. Фразовые построения строже, чем у Лефевра, отсутствуют прозаические длинноты; таким образом, сделана попытка передать простоту и стройность греческого текста. Стремление к лапидарности приводит к сокращению некоторых деталей. Например, в ритуале приготовления к празднику не переведена фраза «другой подает в чашах мирро», некоторые действия слуг или рабов превращены в безличные обороты (вместо: «другой с вином» — «есть и вино»; в наставлениях гостям выпущены упоминания о «страшных расправах»). Вместе с тем Кузен вводит в перевод уточнения, которые исключили бы необходимость комментария к тексту. Греческий поэт пишет «чисты... руки всех», а в следующей строке: «один венчает сплетенными венками, другой подает в чашах мирро»; при этом само собой разумеется, что «все» — это гости, а «один» и «другой» — рабы или слуги, которые гостям прислуживают. Кузен уточняет: «сотрапезники умыли руки; ...один из рабов укрепляет венки на головах».

Пушкин в своем переводе несомненно пользовался подстрочником Лефевра, более полно излагающим содержание элегии. К нему восходят такие образы, как «чистый лоснится пол» (у Лефевра: «уже пол пиршественного зала чист», у Кузена: «зал приготовлен»), «все уж увенчаны гости» (у Лефевра: «у всех сотрапезников венки на головах», у Кузена «один из рабов укрепляет венки на головах»), «золотистые хлебы» (у Кузена: «вкусные хлебы»). От Лефевра в перевод Пушкина переходит и «ладан» (у Кузена — тимьян) и фразеологическая формула «ведь оно же и легче» (у Лефевра: «впрочем, это и легче», у Кузена: «потому, что это всегда самое верное»).

Некоторые детали указывают и на знакомство Пушкина с переводом Кузена. Греческое слово «чаша» Лефевр передает французским «gobelet» — чарки, а Кузен — «verge», т. е. стакан или предмет из стекла. В Греции производство полых предметов из стекла (чаш) появилось только на рубеже нашей эры, т. е. на несколько веков после Ксенофана (VI—V вв. до н. э.). «Verge» Кузена — это либо случайная ошибка, либо сознательное стремление приблизить греческий быт к современным представлениям (так же, возможно, в его переводе появился и thym — тимьян вместо ладана, ибо в католической Франции ладан курился только во время богослужений). Заменяя «чарки» Лефевра «стеклянными чашами», Пушкин повторяет ошибку Кузена, восстанавливая при этом античный колорит образа. Из подстрочника Кузена мог перейти в пушкинский текст и «запах веселый вина» (у Кузена: «Посередине чаша, наполненная весельем», у Лефевра: «Кратер здесь же, наполненный источником радости»).

Переводу Пушкина присуща общая черта всех его антологических стихотворений — «сжатость, музыкальность и гармоническая закругленность».⁹ Пушкинский перевод по количеству строк почти вдвое короче подлинника. Поэт не только избавляется от многословия подстрочника Лефевра, но и сокращает текст, строго отбирая детали и стремясь избежать лишних, необязательных слов. Точно и лаконично переводит «оэт те строки оригинала, на которые падает смысловая нагрузка».

Ксенофан описывает ритуал приготовления к пиру — Пушкин дает живописную картину только самого пира. Поэтому в его переводе нет упоминания о руках, которые «хорошо вымыты» и «благоволии приятного запаха». Описательную манеру Ксенофана Пушкин искусно оживляет, превращая описание в живописную картину. У Ксенофана дейст-

⁹ А. Слонимский. Мастерство Пушкина. Гослитиздат, М., 1959, стр. 82.

вуют слуги, выполняя ритуал приготовления к пиру, у Пушкина все приготовления завершены и движения гостей, их действия, передают радостную атмосферу праздника. Поэт находит наиболее характерные, выразительные жесты и движения, рисующие обстановку. Эмоции гостей показаны через мимические детали, т. е. через внешние проявления чувств. Ладан называется не просто в перечне аксессуаров пиршества, а как источник наслаждения («иной обоняет зажмурясь ладана сладостный дым»), так же и вино не просто приготовлено в кувшинах (как в подлиннике и переводе Кузена) и не «наготове» в руках одного из гостей (как в подстрочнике Лефевра), оно разливается по бокалам, распространяет ошутимый всеми аромат и создает атмосферу «веселья» («другой открывает амфору, запах веселый вина разливая далече»). Это тот момент пира, когда бокалы наполняются первый раз и дидактическая часть элегии, вместо наставлений поэта, становится его застольным словом. Косвенную речь подлинника и обоих подстрочников поэт превращает в прямую речь с обращением «о други», которого нет в греческом тексте. Таким образом, мудрецы, «мудрые люди», «мужи, предавшиеся веселью», превращаются в друзей, а «пир мудрецов» — в дружеское застолье. Речи хозяина придан иной интонационный строй. Менторские однообразные интонации исчезают, и речь приобретает ораторски-торжественный характер. Высокая патетика («Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою Правду блюсти») перемежается с интимно-разговорными формулами («ведь оно же и легче»). Пушкин снимает и момент противопоставления пира «мудрых» прочим пирам, где внимание и интерес гостей увлечены рассказами о «делах кентавров» и «других пелепестях, из которых нельзя извлечь никакой пользы».

В назиданиях Ксенофана главное место отводится благочестию. Поэт несколько раз напоминает о необходимости чтить богов. Этим призывом начинаются его наставления, он же последний раз появляется в заключительной строке, составляя концовку элегии («Но нужно всегда хранить мысль о богах» — Кузен). Проповедь благочестия сочетается с моральными сентенциями, призывающими просить у богов помощи «всегда держаться в границах справедливости» и помнить о «ценности добродетели». Рассуждения Ксенофана о «добродетели» и «делах справедливых» у Пушкина сводятся к краткой формуле «правду блюсти».

Снят и элемент разумного воздержания, которое проповедует Ксенофан. Строгая заповедь («Нет преступления в том, чтобы каждый выпил столько вина, сколько он может выпить с тем, чтобы он мог вернуться к себе без сопровождения слуги, если он только не слишком стар») заменяется изящной шуткой, утверждающей радость чувственного наслаждения в духе Анакреона («Беда не велика В ночь возвращаясь домой, на раба опираться, но слава Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо»).

Сокращая текст, Пушкин бережно сохраняет приметы быта эпохи: курящийся ладан, обязательно чистый пол (пирующие возлежали на низких ложах), убранный цветами жертвенник. Он исключает из перевода кратер — сосуд, служивший для смешивания вина и воды, но его отсутствие восполняется «амфорой». Этого слова нет в подстрочниках (у Кузена: «чаша» и «кувшины»), но оно более привычно русскому читателю и обозначает предмет, назначение которого широко известно. По сравнению с обоими подстрочниками Пушкин несколько усиливает античный колорит: вместо «алтаря», слова, равно применимого и к античным, и христианским обрядам, Пушкин употребляет «жертвенник», а вместо «музыки и пения» (Лефевр), «пения и радости» (Кузен) пишет «хоры поют», переводя таким образом в бытовой план привычный грекам термин античной драмы. Несколько экзотический для русских характер имеет и «сыр молодой» (у Лефевра и Кузена просто: «сыр»). Вслед за Лефевром Пушкин несколько архаизирует слог перевода, вводя церковнославянизмы (особенно в речи хозяина). «Высокие» слова в сочтении

с разговорно-бытовой речью как бы создают временную дистанцию и служат формой исторической стилизации.

Элегия Ксенофана в подлиннике написана элегическим дистихом, однако излюбленным метром греческого поэта-философа был гекзаметр, и вполне вероятно предположение Р. Барджи, что Пушкин об этом мог знать.¹⁰ Выбор гекзаметра для перевода элегии безусловно связан и с метрическими поисками самого Пушкина, нащупывавшего пути воссоздания на русском языке антологической поэзии.

Известно, что Пушкин, как переводчик антологии, пробовал разные методы. В переводе из Анакреона он вводил рифмы («Поредел, побелели»), в переводе аналогичного стихотворения Катулла сохранял безрифменную структуру оригинала («Пьяной горечью Фалерна»). В начале 30-х годов он вводит гекзаметр как в свои оригинальные стихи в антологическом роде, так и в некоторые переводные (кроме элегии Ксенофана из той же книги Афиней гекзаметром переведены «Славная флейта, Феон» и «Юноша, скромно пируй»).

Интерес к гекзаметру, стремление овладеть этим античным метром, вызваны, по-видимому, появлением «Илиады» в переводе Гнедича, которую Пушкин встретил с «чувством глубокого уважения и благодарности» к «подвигу» переводчика, попытавшегося познакомить русских читателей с «образцом величайшей древности». Представляя читателям «Илиаду», поэт писал: «Присутствуем к ее изучению, дабы со временем дать отчет (...) о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность» (XI, 88).

Известную роль в обращении Пушкина к гекзаметру могло сыграть и частое общение с Дельвигом в период издания «Литературной газеты» (1830—январь 1831). Гекзаметрические опыты Дельвига Пушкин ценил очень высоко, и если в гекзаметрах Гнедича не все его удовлетворяло (о чем свидетельствует известная эпиграмма «Крив был Гнедич поэт преложитель слепого Гомера»), то идиллии Дельвига вызывали его неизменное восхищение. Перевод из Ксенофана — образец попытки самого Пушкина воспроизвести дух античной поэзии, следуя принципам, которые он находил в «Идиллиях» Дельвига, сумевшего «угадать греческую поэзию» сквозь вялые подстрочники и передать «ту прелесть, более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях» (XI, 58).

Пушкин никогда не был переводчиком в собственном смысле слова, т. е. не ставил себе задачей познакомить русскую публику с неизвестными ей образцами иноземной поэзии, и когда Г. Д. Владимирский пишет, что «пушкинские переводы — живая пропаганда любимых авторов»,¹¹ с ним трудно согласиться. Пушкин был поэт, и, обращаясь к иностранным писателям, он подчинял их своим творческим задачам. В рецензии на «Денницу», развивая тезис И. В. Киреевского «только подражание из любви может быть поэтическим и даже творческим», он пишет: «Но в последнем случае можем ли совершенно забыть самих себя? и не от того ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа» (XI, 107).

Берея за образец элегию Ксенофана, поэт приспособливает ее к своим представлениям об «эллиническом духе» поэзии, как воплощении простоты и строгости меры, «классической рельефности выражений и строго классического рисунка мысли».¹² Пушкин не стремится сделать перевод, верно воссоздающий подлинник. Он отступает от оригинала, чтобы подчерк-

¹⁰ Richard Burgi, *Puškín and the Deipnosophists*. «Harvard Slavic Studies», Harvard University Press, Cambridge Mass., 1954, стр. 267.

¹¹ Г. Д. Владимирский. Пушкин-переводчик, стр. 320.

¹² В. Г. Белинский, т. VII, стр. 323.

путь, безотносительно к подлиннику, национальную и историческую специфику греческого стихотворения, воспроизвести гармоничный и светлый мир древней Эллады. Его «Подражания древним» связаны с поисками в античности эстетического идеала¹³ и являются не столько переводами, сколько неотделимой частью его оригинального творчества.

2

В творческой истории стихотворения «Чистый лоснится пол» неясен вопрос его датировки. Известны два автографа перевода Пушкина. 1. Перебеленный с поправками, написанный карандашом, с датой в конце текста: «12 января» (1833 года). Поправки незначительные и касаются только трех строк.¹⁴ Дата поставлена одновременно с написанием стихотворения, поправки и помета после него — позднейшие. 2. Беловой автограф, написанный чернилами на одном листке со стихотворением «Славная флейта, Феон». Отмеченные сверху цифрами «1» и «2», оба стихотворения имеют общий заголовок «Подражания древним», под каждым указан источник («Из Ксенофана Колофонского» и «Из Афедея»), а в конце стоит дата — 1832. В таком виде стихотворение было напечатано в томе V «Библиотеки для чтения» за 1834 г. Сличение опубликованного текста с белой рукописью показывает, что именно по ней печаталось стихотворение, а составление ее относят к первой половине или к середине 1834 г.¹⁵ Таким образом, готовя к публикации перевод, окончательно отделанный в 1833 г., Пушкин датировал его 1832 г., т. е. годом, когда оно, по-видимому, было закончено только вчерне. Правда, характер перебеленной рукописи свидетельствует, что в черновике, с которого переписывался текст, перевод был, по-видимому, в основном, готов.

Почему Пушкин изменил дату при публикации стихотворения? В его творческой практике это не единственный случай. Обычно нарочитое изменение даты связано со стремлением поэта скрыть связь стихотворения с каким-либо событием или переживанием, т. е. отвести читателя от своего душевного мира (см. «Ненастный день потух» и «Под небом голубым страны своей родной») или затушевать политический смысл стихотворения («Аквилон»). Обе эти причины не могут быть распространены на перевод из Ксенофана.

До настоящего времени не обращали внимания на одно свидетельство Е. Ф. Энгельгардта о лицейской годовщине 1832 г. В письме к своему постоянному корреспонденту Ф. Матюшкину от 23 октября 1832 г. бывший директор Лицея писал: «Кстати о 19 октября: была сходка годовая, нелюдная — Корф, Комовский, Корнилов, Стевен, Пушкин, Яковлев, Илличевский, Данзас, итого 8 человек. Юдин, Гревениц, Мартынов не являются. Собрание было у Илличевского, в квартире женатого брата его. Пушкин сговорил довольно милые стишки, которые, надеюсь, получить и прислать тебе».¹⁶ В письме от 31 октября речь снова идет о тех же стихах Пушкина: Энгельгардт их еще не получил, потому что Стевен, его

¹³ См.: Н. Ф. Дератани. Пушкин и античность. «Ученые записки» кафедры истории всеобщей литературы Московского педагогического института. Вып. IV. М., 1938, стр. 34; Ю. П. Суздальский. Пушкин и античность. Автореф. канд. дисс., Л., 1969, стр. 9.

¹⁴ Первоначально было: в стихе 7 «хоры гремят», в стихе 10 «Теперь мы готовы», в стихе 13 «за чашей умеет беседовать».

¹⁵ О. С. Соловьева. Новые данные об автографах Пушкина. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1962. Изд. АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 12—17.

¹⁶ Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицей, т. II. СПб., 1912, стр. 87.

«обыкновенный воскресный гость» еще «не бывал».¹⁷ Последний раз Энгельгардт упоминает о стихах Пушкина почти месяц спустя, в письме к В. Д. Вальховскому от 24 ноября 1832 г.: «Пушкин сотворил было стихи на сию сходку, но забыл их дома, хотел прислать, забыл — и стихи пропали».¹⁸ Больше упоминаний о «стишках», прочитанных Пушкиным на лицейской сходке 1832 г., в письмах Энгельгардта нет, как будто интерес к ним пропал.

После возвращения из ссылки Пушкин пять раз участвовал в «годовщинах»: в 1827, 1828, 1832, 1834 и 1836 годах. 19 октября 1831 г. он был в Петербурге и не попал на празднование случайно, потому что, как записал в протоколе годовщины «лицейский староста» М. Л. Яковлев, «не нашел квартиры».¹⁹ Четыре раза, участвуя или собираясь участвовать (как в 1831 г.) в лицейских сходках, Пушкин писал специально посвященные им стихи. В 1828 г. он не приготовил «годовщины» заранее, но в протокол, после окончания праздника, вписал шуточный экспромт-четверостишие «Усердно помолвившись богу», а кроме того, принес текст написанной еще в 1827 г. «Рефутации Беранжера». Исключениями являются годы 1832-й и 1834-й. В 1834 г. поэт только 15 октября вернулся в Петербург из Болдина. Болдинская осень этого года была как никогда бесплодной. Занятый хлопотами по имению, Пушкин жаловался в письме к жене от 25 сентября 1834 г., что «стихи в голову нейдут», а через пять дней после этого, так и «не расписавшись», выехал в Петербург. В протоколе годовщины 1834 г. упоминаний о каких-либо прочитанных Пушкиным стихах нет. По-видимому, протокол празднования велся и в 1832 г., но до нас он не дошел, и единственным документальным свидетельством о годовщине 1832 г. и о чтении Пушкиным своих стихов являются приведенные письма Энгельгардта.

Можно предположить, что Пушкин читал 19 октября 1832 г. стихотворение, написанное к предыдущей годовщине и не прочитанное товарищам, собравшимся 19 октября 1831 г. у Илличевского, по несчастливому стечению обстоятельств — поэт только что вернулся из Царского Села и не успел узнать, у кого собрались лицейские. Однако такое предположение расходится с сообщением Энгельгардта, что Пушкин «забыл» стихи дома, «хотел прислать и стихи пропали». Мы знаем, что текст «годовщины» 1831 г. у Пушкина был, и скрывать его от друзей, для которых оно писалось, было незачем. Скорей всего лицейские друзья поэта знали эту «годовщину», как знали и предыдущие, задолго до их опубликования. Это тем более вероятно, что Пушкин, по-видимому, не предназначал ее для печати, как и некоторые другие стихи последних лет, в которых непосредственно отразились его мучительные переживания и тяжелые раздумья о своей судьбе. Во всяком случае «19 октября 1831 года» не вошло ни в издание его стихотворений 1832—1835 гг., ни в один из известных списков стихов, готовящихся к печати.

Нам кажется, что из всех стихотворений, написанных в 1832 г. или около этого года, Пушкин мог выбрать для чтения товарищам 19 октября свой перевод из Ксенофана Колофонского. Эти стихи не были специально посвящены лицейской дате, но именно они больше всех других стихотворений этого периода отвечали характеру и смыслу праздника.

Особенностью «лицейских годовщин» была их традиционность, из года в год повторяющийся ритуал. Это были вечера дружеской переключки и воспоминаний. Для бывших лицейских характерно стремление в день 19 октября воссоздать среду, в которой проходило их формирование, про-

¹⁷ Там же, стр. 89.

¹⁸ ИРЛИ, оп. 25, № 92, л. 44 об.

¹⁹ К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него. В кн.: Пушкин и его современники, вып. XIII. СПб., 1910, стр. 12.

буждалась творческая активность и вольнолюбивые стремления. Сообщая подробности об одном из таких вечеров Матюшкину, Энгельгардт пишет: «Словом от 12 часов утра до 1 часа после полуночи жили совершенно в старом Лицее».²⁰ Сохранившиеся протоколы годовщины и переписка лицейстов дают возможность представить, как проходили эти вечера: «обедали вкусно и шумно», «читали старинные протоколы, песни и проч. бумаги, хранившиеся в архиве лицейском», «поминали лицейскую старину», «пели национальные песни», пили «за здоровье отсутствующих», читали письма лицейских, как полученные недавно, так и переписку прошлых лет.²¹ Обязательным было и исполнение «Прощальной песни» Дельвига, которую лицейсты называли «символом лицейской.. веры».²² «Прощальная песнь» пользовалась огромной популярностью, ее пели на всех лицейских сходках и бесконечное число раз цитировали в переписке. Смысловой стержень песни — общественное служение. Конкретные пути этого служения еще не ясны автору, но отчетливо сформулирована его этическая сущность:

Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу, с тою же душой
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде — да, неправде — нет,
В несчастье — гордое терпенье
И в счастье равный — всем привет!

Призыв «правде — да, неправде — нет» стал жизненным credo для многих лицейских. Старик И. Малиновский, в 1861 г., оглядываясь на свой жизненный путь, измеряет его нравственное и общественное содержание именно этой формулой Дельвига: «Мы пели: „Шесть лет промчалось как мечтанье В объятьях сладкой тишины“. Теперь надо проверить нам себя, дать добросовестный отчет за 50 лет! Как состязались мы? — среди житейских бед! Было ль в нас: К правде пыльное стремленье».²³ Эту же формулу вводит Пушкин в свой перевод из Ксенофана Колофонского.

К каждой годовщине лицейские поэты писали стихи. Начало было положено Дельвигом и Илличевским 19 октября 1822 г., в 1825 г. написал свою первую «годовщину» в Михайловской ссылке Пушкин, с тех пор читать свои новые стихи в день 19 октября стало для поэта данью традиции. И только когда Пушкин отсутствовал на празднике, традиционное послание друзьям сочинял кто-либо другой из лицейских поэтов. Несмотря на различные поэтические достоинства и различный характер разработки основной лирической темы, почти все стихи лицейских поэтов на 19 октября имеют общие черты: написаны в форме обращения поэта к пирующим друзьям и связаны с воспоминаниями о лицейских годах.

Тема воспоминаний о Лицее входит в «годовщины» по-разному — то как упоминания о реалиях лицейского быта, то в виде реминисценций из «Прощальной песни» Дельвига (например, в «19 октября» 1825 г. Пушкина), то как повторение, воспроизведение лицейских впечатлений и эмоций. Так, пушкинская «годовщина» 1836 г. («Была пора, наш праздник

²⁰ Н. А. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицей, т. II, стр. 31.

²¹ Я. К. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него, стр. 61; то же отд. отт., стр. 85.

²² Письмо Е. А. Энгельгардта к Я. К. Гроту от 4 июня 1842 г. В кн.: К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 115.

²³ Письмо к А. М. Горчакову от 4 июня 1861 г. опубликовано в кн.: Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. Гослитиздат, М., 1958, стр. 168.

молодой...») как бы воспроизводит мальчишеское восторженное отношение лицейстов к победоносной армии и ее вождю.

Годы лицейского обучения характерны возрождением интереса к античности. В лицейское воспитание, круг чтения, был прочно вошла античность. Само Царское Село, его парки и скульптура, обстановка во дворцах, отделка фасадов, колонны, барельефы, арки, бюсты — все было пронизано античным духом, полно античной тематики. Справедливо отмечено, что «тот условный мир античной красоты, полный откликов из области античной истории, мифологии и искусства, который встречает нас в лицейских стихах Дельвига и Пушкина, не был искусственным созданием школьной практики... Живя среди античных мраморов, храмов и портиков, в местах, посвященных Аполлону и музам, легко было всецело проникнуться обаянием античной культуры и связать с нею свой повседневный быт».²⁴ Среди стихов лицейских поэтов, и в первую очередь Дельвига, значительное место занимали опыты в антологическом роде. Поэтому чтение на лицейском празднике антологического по форме стихотворения не могло противоречить культуре лицейских воспоминаний и скорее намечало еще одну дорожку в прошлое, напоминая о том времени, когда поэт и его друзья «в садах Лицея» «безмятежно расцветали».

В своих переводах и подражаниях из греческой антологии Пушкин начиная с лицейских лет часто обращается к темам вина и пиршества. Эти темы, раскрывающие обычаи древних, одновременно органически выражали жизнеутверждающее мироощущение поэта и таким образом несли в себе характерный для пушкинской антологии «синтез литературных традиций и глубокого самовыражения».²⁵

В элегии Ксенофана дан новый аспект этой темы — общение единомышленников за пиршественным столом. Поэтическая картина Ксенофана повторяла ситуацию, воспетую Пушкиным в «лицейских годовщинах». И там, и там поэт обращается к сотрапезникам с наставлениями и рассуждениями о жизни. Внешняя схожесть жизненной ситуации в элегии Ксенофана и «лицейских годовщинах» и совпадение поэтических приемов повлияли в некоторой степени на перевод Пушкина: поэт приближает его по форме и смыслу к циклу «годовщин». В переводе снят ритуал приготовления к празднику. Назидания поэта превращены в его застольное слово — тост, косвенная речь оригинала заменена прямой с обращением «о други». Это обращение, так же как высокая торжественность речи хозяина в сочетании с разговорными интонациями, напоминает патетическое обращение к друзьям в «19 октября» 1825 г. Аморфные моральные сентенции Ксенофана Пушкин заменяет привычной ассоциацией из «Прощальной песни» Дельвига, пробуждающей круг ассоциаций, связанных с гражданской поэзией преддекабрьских лет. Формула «Правду блюсти» становится центральным моментом речи поэта.

Иначе решается в переводе Пушкина и тема вина. Элегия Ксенофана отражала умеренность пиршеств греков с их мудрыми застольными беседами.²⁶ Мотив разумного воздержания определенно выражен в наставлениях Ксенофана. Этот же мотив, как характерная черта греческого сюмпосона, звучит в другом отрывке из книги Афиней, который также был переведен Пушкиным: «Юноша, скромно пируй». В переводе этого двуступия заповедь умеренности точно соответствует греческому образцу,

²⁴ М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». «Наука», Л., 1967, стр. 161.

²⁵ Ю. П. Суздальский. Пушкин и античность, стр. 5.

²⁶ Ср. «Пир» Платона, где собравшиеся «мудрецы» перед началом пиршества высказываются, как и сколько нужно пить. «Выслушав все это, — пишет Платон, — все согласились в настоящем собрании не налегать на вино, а пить его только для удовольствия» (Платон. Пир. Беседы о любви. Пер. И. Д. Городецкого. Изд. «Энергия», М., 1910, стр. 10—11).

в то время как в переводе из Ксенофана этот мотив снят. Сохраняя фразовую конструкцию греческого текста («Беда не велика»), Пушкин меняет его смысл, и «пир мудрых» сближается с теми застольями, во время которых, как свидетельствует протокол лицейской годовщины, написанный самим поэтом, бывало «выпито много здравий».²⁷

В 1828 г., не написав к лицейской дате специального стихотворения, поэт, идя на праздник к Тыркову, захватил с собой написанную за год до того «Рефутацию Беранжера», которая и пелась хором всеми присутствующими, наряду с «Прощальной песнью» и «национальными» лицейскими песнями.

«Рефутация Беранжера» — пародия на французскую патриотическую песенку «Souvenir d'un militaire» — соответствовала традиционному строю праздника. Тема Отечественной войны связывалась с лицейскими воспоминаниями, а пародийный характер «Рефутации» как бы продолжал традицию лицейских «национальных песен». Можно предположить, что в 1832 г. поэт поступил так же. Отсутствие стихотворения к дате могло быть возмещено переводом из Ксенофана Колофонского. Стихи не были специально посвящены празднику, поэтому, вероятно, поэт и не удосужился передать их Энгельгардту. Бывший директор Лицея, который свято чтит лицейские традиции и бережно собирал и передавал своим корреспондентам все, что касалось «годовщин»,²⁸ не относился к числу почитателей таланта Пушкина. Однако, публикуя стихотворение в «Библиотеке для чтения» в 1834 г., Пушкин счел необходимым датировать его не 1833 годом, как значится в перебеленной рукописи, а 1832-м, когда оно было прочитано товарищам в знаменательный лицейский день.

Я. Левкович

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «ХУДОЖНИКУ»

1

Стихотворение «Художнику» («Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую...»), написанное 25 марта 1836 г.,¹ Пушкин не напечатал и не включил ни в один из списков произведений, намеченных к печати. Стихотворение почти не привлекало внимания исследователей и упоминается только в общих работах о лирике Пушкина. Между тем период его содания «едва ли не самый значительный во всем лирическом творчестве Пушкина по совершенству форм, глубине мысли, широте тематического охвата».² К стихотворению применимо и известное наблюдение П. В. Анненкова, отметившего, что в произведениях Пушкина «слышится

²⁷ К. Я. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него, стр. 10.

²⁸ От Энгельгардта исходят, например, три из четырех имеющихся копий годовщины 1827 г. «Бог помочь вам друзья мои». См.: Э. Найдич. Стихотворение «19 октября 1827». В сб.: Литературный архив, кн. 3. М.—Л., 1951, стр. 13—23.

¹ Помета на белой рукописи. — Акад., III, стр. 416 (текст), 1028 (варианты), 1267 (примечания). Впервые опубликовано в 1841 г.

² См.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 7.

живой голос события и сквозь поэтическую призму их беспрестанно мелькает настоящее происшествие».³

Но то, что слышали и видели современники или люди следующего поколения, невнятно более отдаленным потомкам. А не слыша «голоса события», нелегко уяснить истинное значение поэтического произведения. Однако до сих пор не были освещены обстоятельства, которые способствовали возникновению у поэта замысла «Художнику» и вполне обосновано, кому именно оно посвящено; не объяснялось, почему стихотворение, связанное с именами современных деятелей — Дельвига, не названного по имени русского ваятеля и героев последнего — Кутузова и Барклая, написано размером, имитирующим античное стихосложение (элегический дистих). Не объяснялась и оценка, данная здесь Дельвигу: «Художников друг и советник». Эти слова были приняты «на веру», но на чем, собственно, они основаны, не было известно. Ведь в биографии Дельвига зарегистрирован лишь один случай посещения им, вместе с Пушкиным, художественной выставки. Очевидец записал подробный отзыв Пушкина о выставленной для обозрения картине, а далее заметил: «Он взглянул на Дельвига, и тот, с обычной своей скромностью и добродушием, потупил глаза, сказал: „Да“».⁴

Это лаконичное «да» в ответ на суждения Пушкина — единственный известный до сих пор прямой «отклик» «советника художников» на явление современного искусства. Недостаточно для столь высокой оценки и близость Дельвига с В. И. Григоровичем и В. П. Лангером: тот и другой более литераторы, чем художники.

2

С первой строки («грустен и весел...») и до последних, где разъясняется причина этого настроения («грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет»), в стихотворении присутствует образ того, кто, по словам Плетнева, был Пушкину ближе всех его друзей. Мысль о Дельвиге не покидала Пушкина до конца его жизни, отметил М. П. Алексеев.⁵ Это сказалось во многих замыслах Пушкина на протяжении 30-х годов; с годами эта мысль не ослабевала.

По словам М. П. Алексеева, союз Пушкина и Дельвига был «братством во имя искусства и поэзии».⁶ Воспоминания о друге широко и органично входят в мир поэзии Пушкина, переплетаясь с многими личными и общественными темами. В стихотворении «Художнику» рядом с Дельвигом упоминают современный русский ваятель, не названный по имени, мастерскую которого посетил Пушкин 25 марта 1836 г. или около этого времени. Имя ваятеля искали среди тех, кто был биографически связан с Дельвигом и Пушкиным, кого Дельвиг мог бы дружески обнять; так естественно возникло имя профессора скульптуры С. И. Гальберга (1787—1839), художника, наиболее близкого литераторам пушкинского круга. Впервые назвал Гальберга В. П. Гаевский.⁷

³ Материалы для биографии А. С. Пушкина. В кн.: А. С. Пушкин, Сочинения, т. I. СПб., 1855, стр. 249.

⁴ А. С. Андреев (1792—1863). Памятные записки. Приведено в статье Н. С. Апукина «Пушкин перед картиной Брюллова» («Звенья», вып. II. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 237—241).

⁵ М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». «Наука», Л., 1967, стр. 165. — В главе II этого труда (стр. 164—217) подробно освещена тема воспоминаний о Дельвиге в лирике Пушкина 30-х годов. О стихотворении «Художнику» в этой связи — на стр. 167—168.

⁶ Там же, стр. 167.

⁷ В. П. Гаевский. Дельвиг. Статья IV. «Современник», 1855, т. XLVII, № 9, отд. III, стр. 59.

В пользу имени Гальберга говорит многое. Он был товарищем К. П. Брюллова, с которым Пушкин сблизился в 1836 г., другом О. А. Кипренского, знаком с А. Н. Олениным,⁸ Гнедичем, Крыловым, был свойственником и долгодетным корреспондентом А. Х. Востокова. В своем обширном литературном наследстве (дневник и письма)⁹ Гальберг предстает перед нами как тонкий и остроумный наблюдатель, человек широких знаний и разносторонних интересов. На его близость с Дельвигом прямо указывала «Литературная газета».¹⁰ Можно говорить об аналогичных явлениях в творчестве поэта и скульптора: идиллии Дельвига «Изобретение ваяния» (1830) противопоставит скульптурная группа Гальберга «Начало музыки» (1825), изображающая фавна, прислушивающегося к звуку трутника (мрамор; ныне в Гос. Русском музее).¹¹ Несомненно внутренняя общность исканий поэта и ваятеля, глубокое понимание ими античности как первоисточника мировой культуры, стремление по-своему творить в свободно усвоенных формах и образах античного мира. В этой связи см. также два самостоятельных варианта «мифа» о возникновении рифмы у Пушкина («Рифма, звучная подруга...» — 1828 и «Эхо, бессонная нимфа...» — 1830).

Гальберг исполнил бюсты Дельвига и Гнедича, надгробный памятник последнему (сооружен по писательской подписке, в которой принял участие и Пушкин),¹² посмертную маску Пушкина и его бюст.

Знакомство Пушкина с Гальбергом вполне вероятно. Это подтверждается и совпадением оценок знаменитой картины Рембрандта «Похищение Ганимеда»: «странная картина», — сказал Пушкин, вспомнив о ней в «Путешествии в Арзрум»;¹³ отличается «странным сочинением»,¹⁴ — записал в дневнике Гальберг после посещения Дрезденской галереи. Причиной совпадения могла быть встреча Пушкина с Гальбергом, вернувшимся в Петербург в 1828 г. после десятилетнего пребывания в Италии, и беседа о заграничных впечатлениях художника.

3

В 1899 г. А. Ф. Витберг (1846—?) обратил внимание на то, что известные памятники Кутузова и Барклая (открыты в Петербурге на Невском проспекте у Казанского собора 25 декабря 1837 г.), изображения которых упомянуты в стихотворении, исполнены не Гальбергом, а Б. И. Орловским (1793—1837), и, следовательно, стихотворение «Художнику» посвящено ему же.¹⁵

⁸ См.: Е. Мроз. Самуил Иванович Гальберг. «Искусство», М.—Л., 1948, стр. 23—25.

⁹ Хранится в отделе рукописей Гос. Русского музея (Ленинград). Частично издано в книге Ф. Эвальд «Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках» (приложение к журналу «Вестник изящных искусств», 1884).

¹⁰ «Литературная газета», 1831, № 34.

¹¹ В обсуждении замысла и «сочинения» этой статуи приняли участие И. А. Гагарин (заказчик статуи), Е. С. Семенова, О. А. Кипренский, А. Х. Востоков (см.: Е. Мроз, стр. 10—12).

¹² Акад., XVI, стр. 15.

¹³ Акад., VIII, стр. 451.

¹⁴ Ф. Эвальд. Скульптор Самуил Иванович Гальберг в его заграничных письмах и записках. СПб., 1884, стр. 31. См. также нашу статью «Стихотворение „К бюсту завоевателя“» (в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы», т. II, стр. 324—333), где обосновано, что первая строка этого стихотворения («Напрасно видишь ты ошибку...») обращена Пушкиным к Гальбергу.

¹⁵ «Новое время», 1899, № 8340, стр. 3.

П. А. Ефремов возражал в запальчивом тоне.¹⁶ Он утверждал, что именно Гальберг был знаком не только с Дельвигом, а и с самим Пушкиным, но не представил тому доказательств. Б. Л. Модзалевский и Н. О. Лернер, не вступая в спор, тоже долгое время продолжали указывать на Гальберга.¹⁷ Но в комментариях к стихотворению начиная с Венгеровского собрания, а затем и во всех советских изданиях сочинений Пушкина прочно закрепились имя Орловского.

Довод Витберга, указавшего на беспорочного автора всем известных статуй, закономерно представляется наиболее убедительным. Но должно заметить, что модели статуй Кутузова и Барклая, которые наверняка были в 1836 г. в мастерской Орловского, могли быть и у Гальберга: для исполнения статуй полководцев Оленин в 1828 г. вызвал из Рима в Петербург обоих. И Гальберг, и Орловский в начале 1829 г. представили свои модели.

Победителем конкурса вышел Орловский. «Я слышал, что Орловскому посчастливилось, а Вам нет!» — писал Гальбергу из Рима его друг О. А. Кипренский 8 июля 1829 г. — Не унывайте, идите вперед!»¹⁸

Модели Орловского, которому «посчастливилось», попали на академическую выставку 1830 г., а впоследствии, после длительной работы и с многими изменениями, были осуществлены; о моделях же Гальберга, кроме беспорочного факта их существования в 1829 г. и возможного сохранения в дальнейшем в мастерской скульптора, ничего не известно.

Несмотря на отсутствие документальных свидетельств об «адресате» стихотворения и противоречивости косвенных данных, есть возможность с большей определенностью решить спор, подтвердив при этом имя Орловского. Но для этого нужно выйти за пределы внешних фактов биографического характера и привлечь малоизвестные разрозненные данные о взглядах Пушкина и Дельвига на изобразительное искусство, об их не только дружеских, но и творческих взаимоотношениях с художниками. Это необходимо и для более широкого понимания направленности стихотворения.

4

Ни Пушкин, ни Дельвиг не имели случая последовательно изложить свои взгляды на изобразительное искусство и, в частности, на скульптуру. Нам остается по крупицам реконструировать их из поэтических откликов Пушкина на статуи, поразившие воображение поэта, отдельных его высказываний по случайным зачастую поводам, из разрозненных свидетельств современников.¹⁹ В этой связи большой интерес представляют материалы художественного отдела «Литературной газеты» Дельвига, на которые до сих пор никто не обращал внимания.

¹⁶ Сочинения Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Изд. Суворина, СПб., 1905, т. VIII, стр. 72.

¹⁷ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, изд. 2. СПб., 1910, стр. 354; Письма Пушкина. Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. «Academia», Л., 1935, т. III, стр. 174. — Можно думать, что позиция этих знатоков биографии Пушкина объяснялась тем, что имя Орловского не встречается в письмах и мемуарах литераторов: скульптор-монументалист Орловский, занятый выполнением огромных казенных заказов, был далек от литературных кругов.

¹⁸ Отдел рукописей Гос. Русского музея (Ленинград), ф. 56, д. 45, стр. 22. — Подробная история сооружения монументов содержится в рукописном «Научном паспорте памятников фельдмаршалам Кутузову-Смоленскому и Барклаю де Толли», составленному А. П. Чубовой (1948); хранится в Ленинградском музее городской скульптуры.

¹⁹ Комментированный свод этих данных приведен в книге: Пушкин об искусстве. Изд. Академии художеств СССР, М., 1962.

Когда Дельвиг приступил к изданию «Литературной газеты», в России не было ни одного издания, специально посвященного искусству, но критические статьи о выставках и новых работах художников часто помещались в литературных журналах и газетах. Художественный отдел был необходим и в «Литературной газете». Заведовать им было поручено художнику-любителю и литератору, в прошлом лицеисту второго выпуска, В. П. Лангеру (1802—после 1865).²⁰ Как будет видно из дальнейшего изложения, мы вправе считать мнения и оценки Лангера выражающими позицию всего круга «Литературной газеты» с Дельвигом во главе.

За подписью «В. Л-р» и анонимно здесь было помещено несколько хроникерских заметок. Но вскоре характер отдела изменился. Это было связано с крупным событием в художественной жизни России: в залах Академии художеств 21 сентября 1830 г. открылась очередная трехгодичная выставка произведений современных художников.

28 сентября 1830 г. Дельвиг сообщил в № 55 «Литературной газеты», что ему обещаны статьи о выставке. Дельвиг не назвал автора, но пояснил, что «зная основательные сведения в изящных искусствах и беспристрастие лиц, обещавших статьи сии, можно смело сказать наперед, что замечательнейшие произведения, привлекающие в нынешней выставке внимание знатоков и любителей, будут оценены по достоинству».

В тот же день А. Воейков в «Русском инвалиде» уже начал печатать свой огромный обзор той же выставки.²¹

«Я не художник, — начинает он свою статью, — я простой любитель изящного, не умею, а потому и не стану судить и пересуживать произведения живописи и ваияны с дерзким самомнением; не прошу, чтобы мне слепо верили мои читатели: без требований на учетность излагаю мое мнение, описывая впечатления, сделанные картинами на мою душу». Воейков перечислил едва ли не все экспонаты выставки, снабжая шаблонными оценками самые разнородные явления. Больше или меньше внимание он уделял художникам не по значительности самих произведений, но по месту автора в академической иерархии.

Тот же тон был и в статьях об искусстве, появившихся в «Северной пчеле». «Я не выдаю себя за знатока и не хочу произносить решительных приговоров, но буду судить о нынешней выставке по чувству собственного вкуса», заявлял о себе обозреватель.²²

Маска «простого любителя изящного», не обладающего специальными познаниями, давала возможность Воейкову и Булгарину угодливым тоном пересказывать официальные оценки, подслушанные «наверху». В противовес этому «Литературная газета» заявила об осведомленности, а вместе с тем и объективности своего автора.

Сводя какие-то счеты, Воейков перебил поток восхвалений обидными упреками в адрес одного из участников выставки — начинающего живописца Сазонова.²³

«Литературная газета» тотчас вступилась за Сазонова, настаивая на необходимости критики беспристрастной, свободной от «личностей».²⁴

28 октября началось печатание давно обещанных статей о самой выставке. Они получили традиционное наименование «Писем».²⁵ Начинаются «Письма» продолжением полемики с «Русским инвалидом».

²⁰ См. письмо О. М. Сомова М. А. Максимовичу от 12 декабря 1829 г. («Русский архив», 1908, кн. III, стр. 260).

²¹ «Русский инвалид», 1830, № 246.

²² «Северная пчела», 1830, № 123.

²³ «Русский инвалид», 1830, № 256.

²⁴ «Литературная газета», 1830, № 60 от 23 октября.

²⁵ В форме дружеской переписки или беседы двух приятелей печатали свои обзоры художественных выставок Батюшков, Гнедич, А. Бестужев, И. С. Мальцев. Эта традиция шла от «парижских салонов» Д. Дидро, хорошо известных в России.

«Я не стану исчислять тебе всех вообще художественных произведений нынешней академической выставки... ибо не хочу утомлять тебя мелочными, отнюдь не занимательными подробностями и повторять то, что ты, вероятно, давно уже успел прочитать в Инвалиде... Надеюсь, что в суждениях моих не будет пристрастия, ибо я, как тебе известно, человек совершенно посторонний, не имеющий никаких особенных связей ни с одним из здешних художников. Я всегда думал, что произведения художника должны отличаться от самого лица его, точно так же как книгу от сочинителя оной...»

Далее излагалась обширная программа статей: было обещано рассмотреть архитектуру, ваяние, живопись по разделам — историческую, портретную, жанровую, ландшафтную и перспективную, а также гравюры и рисунки. «Окончу все, — писал анонимный автор, — общим взглядом на нынешнее состояние художеств в нашем отечестве. Быть может, что впоследствии времени, смотря по надобности, я сделаю еще несколько добавлений к статьям моим».

Первые два «письма»²⁶ были посвящены архитектуре. Автор — сторонник «чистого вкуса», он одобряет молодых зодчих, которые с пользой учились «у древних». Но в современных зданиях классического стиля, обильно украшенных традиционными атрибутами, он, едва ли не первый в русской журналистике, чутко уловил и с горечью отметил черты намечающегося упадка. Его суждения о нагромождении колонн «для поддержания таких частей, которые и без них держаться могут», и о других, как он пишет, «излишествах», об увлечении строительством фасадов без заботы «об удобствах внутреннего расположения (зданий) и соответственности их предназначению», для тех лет оригинальны. Они близко подвели к той сокрушительной критике архитектуры «нынешнего времени», с которой вскоре — в «Арабесках» (1834) — выступил (с принципиально иной положительной программой) молодой Гоголь.

В третьем «письме»²⁷ автор рассмотрел модели памятников Александру I и Потемкину, выполненные по правительственным заказам знаменитым Мартосом. И одобрение моделей правительством, и огромный авторитет престарелого ваятеля, признанного главы русской скульптурной школы, известного каждому автору памятника Минину и Пожарскому, требовал от обозревателя только почтительного тона. Но этого не случилось. Модели были сурово осуждены.

«Александр I изображен в военном российском костюме нашего времени; левая рука его лежит на эфесе шпаги, в правой свиток; у ног орел с перунами в когтях. Ясно, что изображение сие аллегорическое, но как толковать его? Положим, что свиток означает закон; шпага, вложенная в ножны — мир и спокойствие; зачем же дано Монарху положение идущего вперед человека? Зачем левая рука его лежит на эфесе шпаги? Означает ли действие сие готовность разить противника? Но Александр не предписывал никому законов силою. Как согласить сии противоречия? В фигуре, изображающей Потемкина, мысль выражена еще темнее: Князь стоит подле пня дерева, покрытого его плащом, опустив на оный правую рукою фельдмаршальский жезл, левою рукою держится за рукоять висящего при бедре его меча; левая нога его отставлена несколько вперед, верхняя часть тела повернута несколько влево; голове дано такое положение, что он смотрит через левое плечо; не говоря уже о том, что подобное положение весьма принужденно, — оно совершенно ничего не означает. Костюм Потемкина есть самая странная смесь одежды новейшей с одеждой рыцарей средних веков. Туловище и руки его покрыты латами, на ногах брюки, у пояса повешен римский меч».

²⁶ «Литературная газета», 1830, № 61 от 28 октября и № 62 от 2 ноября.

²⁷ «Литературная газета», 1830, № 65; должен был появиться 17 ноября, но вышел в свет только 9 декабря 1830 г.

Внимание автора к одежде героев очень характерно. Вопрос этот имел тогда первостепенное значение. Не только мастера старшего поколения, но и более молодой Гальберг, полагавший, что «современная одежда наша совершенно противна всякому изяществу»,²⁸ оставались убежденными сторонниками применения в монументальной скульптуре античных драпировок и доспехов. Но в широкой публике и при дворе зрело недо-вольство академическими традициями. А. Воейков в своем обзоре вы-ставки очень одобрял как раз брюки на ногах Потемкина. Впрочем, он по старинке принял их за аллегория заботы Потемкина о введении удоб-ного одяния для солдат.

5

Автором «Писем», вероятно, был В. П. Лангер. Но следует напомнить, что в № 55 «Литературной газеты» говорилось об авторе будущих статей во множественном лице (см. выше).

Лангер ни ранее, ни тем более после сотрудничества в «Литературной газете» ничего подобного по смелости мысли и оригинальности не писал. Печатаение «Писем» прервалось в конце 1830 г. на третьем письме, без объяснения причины, не исчерпав обещанной программы и наполовину.

Отметим и то, что в июне 1831 г. в Петербурге была выставлена для обозрения та же статуя Потемкина, уже отлитая в бронзе. «Северная пчела» откликнулась восторженным одобрением,²⁹ а вслед за тем по-слушно и успешно расхвалила статую и «Литературная газета».³⁰ Это выглядело как запоздалое опровержение слишком смелых «писем» 1830 г., не оказавшее, впрочем, никакого влияния на шаткую репутацию газеты в правительственных кругах.

В это время в газете оставались Сомов и Лангер. Не было только Дельвига, умершего в январе 1831 г.

Все сказанное естественно подводит к мысли, что Дельвиг был не только издателем анонимного обзора, но и вдохновителем всего строя его основных идей.

Направление незавершенного и впоследствии забытого обзора «Ли-тературной газеты» соответствовало принципам, которыми руководство-вались Дельвиг, Вяземский, Пушкин в критике литературной.

Именно «Литературная газета» критиковала «всякого рода натура-лизм, приземленное изображение быта, чуждое каким-либо серьезным идеям», объективно расценивала историческую роль классицизма.³¹ Именно в «Литературной газете» отстаивался и проводился на деле прин-цип критики не «личностей», а произведений. Это ярко проявилось в вы-ступлениях газеты и против неудачных работ знаменитого Мартоса и в защиту молодого Сазонова.

Для современников Дельвиг — издатель газеты, не успевшей сделать многого, но занявшей честную, смелую и принципиальную позицию в ли-тературной и художественной жизни, — вполне обоснованно и именно за это мог быть назван и другом и советником художников.

6

Художественная задача, не решенная Мартосом, была еще более настойчиво повторена в правительственном заказе на памятник Кутузову

²⁸ Приведено в кн. Я. И. Шурыгина «Борис Иванович Орловский» («Искусство», Л.—М., 1962, стр. 34).

²⁹ «Северная пчела», 1831, № 130, от 13 июня.

³⁰ «Литературная газета», 1831, № 34, от 15 июня.

³¹ См.: Б. С. Мейлах. Реалистическая система Пушкина в восприя-тии его современников. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. «Наука», Л., 1969, стр. 34.

и Барклаю. Николай I потребовал, чтобы полководцы были изображены в современной военной одежде. Все столпы академии под благовидными предложениями уклонились, от этого задания. Его смог выполнять только вызванный из Рима молодой Орловский.

В его памятниках фельдмаршалам сказалось влияние и старых, и новых течений. Однако в них есть цельность, осмысленность, органичность соединения, казалось бы, несходных элементов, высокая идейность замысла. Памятники заслужили одобрение современников и выдержали испытание временем.

Это был творческий отклик ваятеля не только на формальные условия правительственного заказа, но и на требования жизни. В памятниках воплощена высокая патриотическая идея; они являются важным этапом становления реализма, вслед за литературой и под ее непосредственным влиянием проникавшего во все отрасли русского искусства XIX в. Как и в литературе, ростки реализма нередко заглашались мещанским натурализмом и эклектизмом.

Хвалу художнику, которую Пушкин воздал от имени своего почившего друга («Как бы он обнял тебя, как бы гордился тобой!»), не следует понимать как свидетельство личных дружеских чувств Дельвига к ваятелю. Для этого могли быть основания и другого порядка, более широкие и не менее весомые. Они коренятся в сочувствии делу художника, в общности идеалов поэта и ваятеля. Имя Дельвига здесь, в мастерской Орловского, звучит вполне уместно: ведь только Орловский блистательно решил ту выдвинутую жизнью художественную задачу, с которой не справился престарелый Мартос, сурово осужденный за это в «Литературной газете». Добавим, что мастерская ваятеля была расположена в здании Академии художеств, месте публичных актов и выставок, и на известных условиях была доступна для избранной публики. Дружбы или предварительного знакомства с художником не требовалось. Посещение мастерских художников было бытовым явлением.

7

Сохранилась опись имущества Орловского, оставшегося после его смерти в декабре 1837 г.³² Опись подтверждает, что наиболее вероятно посещение Пушкиным мастерской именно этого художника.

Здесь, среди многочисленных копий «богов, и героев», были две колоссальные модели и пять эскизов будущих памятников полководцам; был здесь и сатир, «дующий в цевницу». В отличие от других античных сюжетов это не копия древней статуи, а оригинальное произведение самого Орловского — «Сатир, играющий на сиринге», законченное в мраморе уже после смерти художника.

«Сатир» Орловского отличается своеобразным выражением лица, напоминающим лукавого деревенского парня. Просторечие пушкинской строки — «вот исподлобья глядит, дуя в цевницу сатир» — в общем согласно с типом этого характерного лица, хотя в деталях описание не вполне совпадает с оригиналом: сатир смотрит прямо на зрителя, слегка склонив голову вбок. Эта кажущаяся неточность легко объяснима возможным расхождением между гипсовой моделью, которую видел Пушкин в 1836 г. в мастерской художника, и известной нам мраморной статуей (ныне в Гос. Русском музее). С. И. Гальберг, продолживший в 1838 г. труд своего товарища, мог смягчить остроту выражения, изменив направление взгляда сатира.

³² Опубликована Я. И. Шурыгиным в книге «Борис Иванович Орловский» («Искусство», Л.—М., 1962, стр. 91—92), но в связи со стихотворением «Художнику» до сих пор не привлекала внимания исследователей.

Копии античных статуй служили ваятелям постоянным образцом.³³ Пушкинский «Аполлон-идеал» значится в описи как «статуя Аполлона». В описи нет названного в стихотворении Зевса-громовержца. Нет и «Ниобеи-печали», но возможно, что голова Зевса и гибель детей Ниобеи, пораженных стрелами Аполлона, были изображены на двух «античных барельефах», числящихся в списке без обозначения их сюжета.

Пушкин не отозвался на религиозные композиции знаменитого датского мастера Б. Торвальдсена, привезенные Орловским из Рима. Ничего не сказал он и о двух бюстах Александра I, находившихся тут же. Поэт отметил только два современные по теме произведения: фигуры Кутузова и Барклая. Можно думать, что модели памятников фельдмаршалам, открытия которых давно ждали в Петербурге, и привели сюда Пушкина: идеи посвященного Барклаю стихотворения «Полководец», в это время уже написанного, но еще не напечатанного, продолжали волновать поэта. Пушкина могла привлечь возможность «сличить» свои думы о полководцах с их зримым, в данном случае скульптурным, образом; год назад он сделал это в портретной («Военной») галерее Зимнего дворца перед портретом Барклая работы Д. Доу.

В обоих заказах (и живописцу, и скульптору), аналогичных по размещению фигур и их трактовке, правительство Николая I оценивало Кутузова и Барклая как полководцев равновеликих, но олицетворявших разные этапы борьбы с Наполеоном в 1812 (Кутузов) и 1813—1815 (Барклай) годах.

Но Пушкин не изменил своего прежнего суждения, выраженное и в «Полководце» (1835), сказав: «здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов...». Барклай для него опять герой только 1812 года, только предшественник, а не преемник Кутузова. Кутузов — совершитель, олицетворение военного гения русского народа, совершившего свою историческую миссию в 1812 году. Античные боги и герои названы тут же с их постоянными эпитетами: Аполлон-идеал, Ниобея-печаль, Зевс-громовержец. Характеристики полководцев, выражающие глубоко оригинальный взгляд Пушкина на их историческую роль, приобретают от этого соседства необычайную убедительность. Отныне в сознании поколений читателей с ними неразрывно связаны имена Кутузова и Барклая.

8

Б. В. Томашевский отметил, что «для Пушкина элегические дистихи всегда связывались с темами античной поэзии и искусства, с которыми он соединял представление о скульптуре, даже современной».³⁴ Этот размер возник в поэзии Пушкина в 1830 г., в цикле «Анфологических эпиграмм», среди которых было описание статуи на сюжет басни Лафонтена («Царскосельская статуя»).

Элегический дистих понадобился Пушкину и в сентябре 1836 г., когда он отозвался на статуи юношей, играющих в русские народные игры «бабки» и «свайку» скульпторов Н. С. Пименова и А. В. Логановского.³⁵

³³ В комментариях к стихотворению Пушкина в издании «Academia» (1935, т. III, стр. 361) безосновательно утверждается, что эти копии были исполнены самим Орловским. Также ошибочно мнение комментатора, распространенное и в искусствоведческой литературе, будто Орловский в трактовке образов полководцев следовал не правительственному заказу, а толкованию Пушкиным исторической роли «зачинателя» и «завершителя» (подробно см. в нашей статье «Пушкин о полководцах двенадцатого года». «Прометей», т. VII. «Молодая гвардия», М., 1969).

³⁴ Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 536.

³⁵ Акад., III, стр. 434—435.

Пушкину были дороги реалистические искания молодых русских скульпторов. О новом, народном, по его собственному выражению, направлении творчества этих мастеров он сказал прямо, в самих стихах и в разговоре с Пименовым.³⁶

Но поэтическим строем своих откликов на статуи Пушкин отразил и благородную классическую традицию русской скульптуры, которую он чутко уловил.³⁷ Наиболее последовательно это ощущается в стихотворениях о «Царскосельской статуе» и статуях играющих юношей. Пушкин отозвался на них в форме антологической эпиграммы-надписи. Стихотворение «Художнику», в отличие от них, не воспроизводит какого-либо античного жанра. Но применение элегического дистиха в этом поэтическом воспоминании о Дельвиге наиболее органично. Оно возникло в мастерской ваятеля, где образы великих современников чередовались перед взором поэта с идеальными изображениями богов и героев неумирающей древности.³⁸

Г. Кока

³⁶ П. Н. Петров. Николай Степанович Пименов, профессор скульптуры. СПб., 1883, стр. 5—6.

³⁷ С. М. Бонди (примеч. к кн. «Стихотворения Александра Пушкина». «Детская литература», М., 1965, стр. 145—146) отметил, что смене противоположных чувств (грусть и веселие) «соответствует построение почти всех образов в стихотворении, контрастирующих между собой: Зевс-громовержец — и сатир; зачинатель Барклай — и совершитель Кутузов; Аполлон — и Ниобея». Следует добавить, что эта своеобразная симметрия контрастных поэтических образов вполне соответствует и общим принципам эстетики классицизма, и «античному духу», которым проникнуто стихотворение.

³⁸ Автор данной статьи, Георгий Михайлович Кока, скоропостижно скончался (13 окт. 1971 г.) в то время, когда она находилась в печати. Инженер-экономист по специальности, Г. М. Кока многие годы в часы досуга занимался исследованиями в излюбленной им области: Пушкин и искусство. В результате этих занятий ему удалось опубликовать ряд работ, хорошо принятых и специалистами-пушкиноведами, и широким кругом читателей; в этих работах он сделал много успешных наблюдений и проявил широкую осведомленность как в пушкинской литературе, так и в изучении русских и зарубежных изобразительных искусств первой четверти XIX в. Среди этих работ привлекают внимание книга Г. М. Коки «Пушкин об искусстве» (М., Изд. Академии художеств СССР, 1962), а также ряд статей о Пушкине и его отношении к русской и зарубежной скульптуре и живописи: «Стихотворение Пушкина „К бюсту завоевателя“» (в сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 324—333); «Портрет Пушкина» («Творчество», 1962, № 2, стр. 23—24 — о гравюре Н. Уткина); «Пушкин о полководцах двенадцатого года» («Прометей», т. VII, «Молодая гвардия», М., 1969, стр. 17—37). Одна из его статей — «Пушкин перед Мадонной Рафаэля» — была помещена во «Временнике Пушкинской комиссии» за 1964 г. (Л., «Наука», 1967, стр. 38—43). Пушкинская комиссия скорбит о безвременной кончине Г. М. Коки, не успевшего завершить широко развернутых изысканий о Пушкине и художниках.

Ред.

А. И. КУПРИН О ПУШКИНЕ

(Об одном неосуществленном замысле А. И. Куприна)

В конце 90-х—начале 900-х годов в русском обществе после некоторого охлаждения вновь усилился интерес к Пушкину. Оживилась идейно-литературная борьба вокруг Пушкина, в ходе которой поднимались и заново решались коренные вопросы художественного творчества, например о национальных истоках русской литературы, о путях художественного развития, о назначении искусства и т. п.

Одновременно закладывались основы современного научного пушкиноведения, которое, по словам Б. Л. Модзалевского, в это время «из области просвещенного любительства или более или менее случайного занятия переходит на ступень пристального исследовательского труда».¹

Размежевание литературных сил происходило тогда, разумеется, не только на отношении к Пушкину и интерпретации его творчества. Но то, что также и Пушкин становится действенным и живым участником литературного процесса, что и на нем также поверялись и обобщивались идейно-эстетические концепции противоборствующих сторон, было знаменательно. Этим, в частности, объясняется одно довольно распространенное, но пока еще мало изученное явление — обращение к Пушкину писателей и поэтов В. Брюсова, А. Блока, позднее В. Вересаева, А. Ахматовой, И. Новикова и других, в чьей деятельности соседствовали в той или иной форме, по терминологии Б. Л. Модзалевского, «просвещенное любительство» и «пристальный исследовательский труд».

Обращается к Пушкину также и Куприн. Отметим этот факт интересно не только для изучения особенностей его литературно-эстетического развития, но и в характеристике литературного движения тех лет. И хотя из того, что было написано и сказано о Пушкине в эти годы, Куприну принадлежит сравнительно немного — три или четыре статьи и заметки, посвященные специально Пушкину, несколько высказываний в литературно-критических выступлениях по другому поводу, две публичные лекции, а его работа о письмах Пушкина для шеститомного собрания сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова не была доведена до конца, — мы все же не вправе забывать о сделанном Куприным. Прежде всего потому, что в его взглядах и воззрениях на Пушкина отразилось отношение к Пушкину прогрессивно-демократического лагеря в русской литературе предреволюционных лет, развивавшегося по пути следования великим традициям реализма XIX в.

В заметке «О Гоголе» начала 1909 г. Куприн признавался: «К Пушкину я вернулся двадцати пяти лет от роду и ныне чту его память, как магаметанин Каабу».² Действительно, даже бегло знакомясь с литературно-критическими выступлениями и высказываниями писателя, видишь, какое огромное и пристальное внимание на всем протяжении своей творческой деятельности уделял он Пушкину. Прав один из исследователей, считая, что Пушкин — «наиболее любимый Куприным художник» и что «ни о каком другом писателе, исключая разве Толстого и Чехова, Куприн не писал

¹ Б. Л. Модзалевский. Пушкин. «Прибой», Л., 1929, стр. 277—278. — Более подробно о развитии пушкиноведения, а также об идейно-литературной борьбе вокруг Пушкина в конце XIX—начале XX в. см.: Основные этапы изучения Пушкина. В кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 444—476; Н. Н. Петрунина. Пушкин в истории русской критики и литературоведения. 90-е годы—начало XX века. В кн.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 85—105.

² А. И. Куприн, Собрание сочинений в 9-ти томах, т. 9. Гослитиздат, М., 1964, стр. 485.

и не говорил так часто и с таким воодушевлением, как о гениальном Пушкине, о его личности и его поэтических созданиях».³

Увлечение Пушкиным началось у Куприна еще в юности, во время обучения во 2-м Московском кадетском корпусе. Позднее, в середине 90-х годов, — как раз об этом времени говорится в заметке «О Гоголе» — оно становится сознательным и зрелым, и Пушкин вместе с Л. Толстым и А. Чеховым входит в число великих художников слова, следование заветам которых является отныне творческим девизом молодого писателя.⁴

Свое отношение к Пушкину Куприн выразил в эти годы в статье, написанной в связи с празднованием 100-летия со дня рождения Пушкина,⁵ где он отмечал «безгранично широкое влияние на сердца и умы потомства» поэзии Пушкина, «поэта мира и всеобщей гармонии», связывал с Пушкиным победу народности, демократизма и реализма в русской литературе. Празднование столетия со дня рождения Пушкина автор статьи называет «днем торжества и всенародного признания могущества русского языка». Объясняя силу Пушкина как художника близостью к народу и способностью творчески освоить его язык, Куприн пишет: «Пушкин взял этот великолепный язык у народа и отдал его народу, очищенным от плевел, прекрасным и выразительным...». «Мы убеждены, — продолжает он, — что в поэзии Пушкина заключается залог нашей славы, потому что язык пушкинской поэзии есть язык русского народа, а народ, говорящий и мыслящий таким языком, — бессмертен».

Мысли, высказанные Куприным, справедливы и сейчас. Но особое значение они имели в 1899 г., когда под прикрытием юбилейного словослия делались попытки представить Пушкина то сторонником монархии и православия, то предтечей русского декаданса и поэзии символизма. Куприн отстаивает прогрессивно-демократическое понимание Пушкина. В появившемся вскоре после «Солнца поэзии русской» фельетоне «Калейдоскоп»⁶ — втором выступлении Куприна о Пушкине в 1899 г. — молодой писатель конкретизирует и развивает некоторые очень важные положения своей статьи. Прежде всего он резко критикует официально-парадную сторону юбилея 1899 г., отмечая «шаблон», «искусственность» и «деланный характер» празднования пушкинских дней в Киеве, равнодушие обывателя и «верхов» общества к великому поэту. Однако юбилей, показывает Куприн, выявил и другое — неподдельную, искреннюю любовь к Пушкину со стороны низов, которая, как пишет он, отразилась «широ-

³ Ф. Кулешов. О литературных взглядах А. И. Куприна. — В кн.: А. И. Куприн о литературе. Минск, 1969, стр. 29. — В дальнейшем указываются только заглавие книги и страницы.

⁴ Любовь к Пушкину проявлялась у Куприна зачастую в трогательной форме. Например, среди любимых предметов, украшавших кабинет писателя, была маска Пушкина, подаренная ему одесским скульптором Эдвардом. «Маской он хотел меня заманить к себе для позирования, — писал Куприн Ф. Д. Батушкову 6 мая 1910 г. из Одессы. — Я, правда, один раз позировал, получил маску и был таков». (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, ф. 20, ед. хр. 15125ХС61, л. 182). В числе немногих вещей, взятых Куприным с собой при уходе в 1919 г. из Гатчины и потом привезенных на Родину, был томик стихотворений Пушкина — факт, может быть, незначительный, но достаточно красноречивый, если учесть, что, кроме Пушкина, были еще взяты только фотографии Чехова и Толстого с их дарственными надписями Куприну.

⁵ А. И. Куприн. Солнце поэзии русской. Газ. «Жизнь и искусство», Киев, 1899, № 144, 26 мая. Подпись: А. К. Перепечатана в журнале «Дон», 1959, № 6, стр. 162—163 (публикация Л. Усенко) и в кн.: А. И. Куприн о литературе, стр. 43—46. В собрания сочинений Куприна не включалась.

⁶ Газ. «Жизнь и искусство», Киев, 1899, № 148, 30 мая.

кими волнами в народной массе». В фельетоне рисуется картина одной из лекций о Пушкине, слушателями которой были «рабочий с литейного завода», «подмастерье от сапожника», «смазчик с городского конки» и даже «береговой босяк». «Правда, — делится Куприн впечатлениями, — немножко душно, тесновато, жарко, пахнет луком и таранью, но зато в зале — мертвая тишина, раскрасневшиеся и потные лица неподвижны, рты полураскрыты, в глазах блесит напряжение, жадный интерес к словам лектора, и во всем чувствуется глубокая вера в то, что настоящее чувство есть, действительно, большой русский праздник».

Так идея о народности Пушкина смыкается с идеей народа, как наследника и ценителя Пушкина, — в этом смысл и значение двух юбилейных выступлений Куприна, его слов о «громкости торжества, с каким празднует Россия в пушкинские дни память своего первого, своего национального поэта».⁷

В 900-е годы отношение Куприна к Пушкину усложняется, в его высказываниях и отзывах о великом поэте появляются новые мотивы. Главным из них будет противопоставление поэзии Пушкина, ее высокого гуманизма и глубокого нравственного содержания, поэзии символистского и футуристического толка. «Нет у них ничего даже похожего на красоту поэзии Пушкина, — говорил Куприн, например, в 1908 г., — как ни странно, я не могу найти, чтобы, при таком обогащении языка и улучшении техники, которой достигли у нас теперь в поэзии, кто-нибудь хоть раз написал страстнее, неожиданнее, прекраснее Пушкина. Пишут нелепое, неинтересное, недолговечное».⁸

Еще более отчетливо та же мысль была высказана Куприным в лекции о современной литературе, прочитанной 8 марта 1914 г. в Киеве. «Им, — говорил он, — неведомо то внутреннее сияние, то „во имя“, которым светилась вся русская литература начиная с Пушкина».⁹

⁷ А. И. Куприн. Солнце поэзии русской. — К торжествам 1899 г. Куприн вернулся еще раз в июне 1908 г. «Вспомните пушкинские дни (1899 год)...», — говорил он в интервью «Биржевым ведомостям», объясняя отрицательное отношение к предполагаемому тогда празднованию юбилея Л. Н. Толстого. — Сколько было вылито грязи на голову бедного поэта, сколько под пошлым именем „Пушкинианы“ было выброшено в печать плоских анекдотов, похабных писательских стишков, лакейских острот — и всё это было приписано Пушкину и признано изящным, блестящим, пылким и гениальным. Неужели мы нуждаемся еще и в „Толстовиаде“?!» (Вас. Регинин (псевд. В. А. Раппопорта). Куприн. Отклики писателя на литературные злобы. Газ. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10558, 17 июня).

⁸ Вас. Регинин. Куприн. Отклики писателя на литературные злобы. Газ. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10551, 13 июня. — Интервью Куприн дал незадолго до отъезда на Кавказ, где 25 июля того же года в Ессентуках выступил с лекцией «Новейшая литература. Портреты и характеристики». Есть основания считать, что мысли, высказанные в интервью, были повторены в лекции, в которой, судя по газетным сообщениям, Куприн охарактеризовал Пушкина в связи с общим развитием реализма, сосредоточив внимание на западноевропейской и русской литературе позднейшего времени. См.: газ. «Речь», 1908, № 184, 3 авг.; Вас. Регинин. У А. И. Куприна. Новые рассказы и пьесы, отзыв о писателе. Опровержение клеветы, «Петербургская газета», 1908, № 232, 24 авг.; Лекция А. И. Куприна. «Новейшая литература. Портреты и характеристики», газ. «Терек», Владикавказ, 1908, № 195, 27 авг. и № 197, 29 авг. (без указания автора). О лекции Куприна см. также статью Л. Крутиковой «Лекция А. И. Куприна о литературе», журн. «Русская литература», 1962, № 3, стр. 187—193.

⁹ Александр Дейч. Арабески времени, из книги мемуаров. «Звезда», 1968, № 12, стр. 188. — Цитируемые слова почти дословно воспроизведены

Борясь против модернистско-упаднической литературы, крайнего индивидуализма, против нездорового интереса к интимно-богемным сторонам писательского быта, особенно процветавших в период реакции, Куприн был глубоко убежден в близком торжестве реалистических и демократических традиций в искусстве. «Я верю в великое будущее русской литературы» — эта фраза характерна для Куприна и была повторена им неоднократно. «Ни реакция, ни декаденты, ни символисты новейшей формации, ни городовые, — говорил он в том же 1908 г., — никто не может загубить ее, помешать ее цветению. Как ни будут крошить русский язык господа модернисты, — он никогда не утратит своей силы и красоты. Я не сомневаюсь, что настоящий „промежуток“ в нашей литературе недолго будет длиться».¹⁰

Был еще аспект в отношении Куприна к Пушкину. Это — особая озабоченность и тревога, какие вызывали у него (на что были причины и личного шорядка) бесправное и униженное положение писателя в революционной России. «В нашей стране пока что, — писал он в „Ответе на анкету «К слухам о покупке Ясной Поляны американцами»“, — писатель чуть ли не бранное слово, все равно как артист. Недаром еще Пушкин сказал: „Догадал меня бог родиться в России“. Не только все, что относится к личности писателя, хотя бы и великого и общепризнанного, мирового, но и он сам, как таковой, у нас не в почете».¹¹

Упоминание Пушкина здесь не случайно. Отстаивая взгляд на писателя как носителя и выразителя передовых эстетических и этических норм своего времени, Куприн видел в Пушкине воплощение идеала художника, высокий пример писательского служения народу. Отсюда — как бы в противовес мещанско-обывательскому смакованию интимных «подробностей» писательской жизни, в котором Куприн справедливо усматривал признак культурной отсталости России, — проистекала страстная увлеченность не только творчеством, но также и личностью Пушкина. Пушкин, как человек и одновременно гениальный художник, его отношения с современниками, Пушкин-семьянин — таков круг вопросов, какие преимущественно интересуют Куприна в эти годы.

Первые представления о Пушкине как человеке Куприн получил, ознакомясь с его письмами. Вот что говорил он по поводу их в интервью А. А. Измайлову в конце января — начале февраля 1909 г.: «Я хотел бы тронуть в личности Пушкина ту сторону, которую, кажется, у нас еще никогда не трогали. В его переписке так мучительно трогательно и так чудесно раскрыта его семейная жизнь, его любовь к жене, что почти нельзя читать это без умиления. Сколько пленительной ласки в его словах и прозвищах, с какими он обращается к жене! Сколько заботы о том, чтобы она не оступилась, беременная, — была здорова, счастлива! Мне хотелось бы когда-нибудь написать об этом и прочесть лекцию. Когда мне приходится слышать, что Пушкин был некрасив, что какие-то там светские дамы в своих мемуарах не называли его иначе, как уродом, — мне хочется громко протестовать. Разве в любви мужчины может играть хоть какую-нибудь роль его красота? Разве кто-нибудь из нас, сидящих здесь, красив? Ведь надо только представить себе, какая бездна красоты была в его чувстве, которым он мог согреть любимую женщину, как он, при своем мастерстве слова, мог быть нежен, ласков, обаятелен в шутке, трогателен в признаниях! Вот Вы говорите, что найдены и, может быть, будут опубликованы какие-то новые письма Жуковского к Пушкину. Есть, будто бы, письмо, говорящее с несомненностью о том, что разговоры о лег-

также в отчете Я. В. «Лекция А. И. Куприна», газ. «Киевская мысль», 1914, № 69, 10 марта.

¹⁰ Вас. Регин и н. Встречи. А. И. Куприн. Газ. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1908, № 10313, 22 января.

¹¹ «Петербургская газета», 1911, № 17, 18 января.

комысленном поведении его жены не были безосновательны. Мне это жалко и больно. И это разрушает тот мой мотив, который бы я хотел провести в своей лекции. Я хотел бы предстать женщиной, которую любил Пушкин, во всей полноте счастья обладания таким человеком!»¹²

Конечно, нет ничего удивительного в том, что Куприн был увлечен письмами Пушкина. Его, как художника, всегда волновала тема высокой и всеохватывающей любви. В эти годы, когда только что была написана «Суламифь» (1908 г.) и обдумывался «Гранатовый браслет» (окончен в сентябре 1910 г.), он осмысливает письма Пушкина также и со стороны своих творческих исканий того времени. И не исключено, что мысли и чувства, навеянные чтением пушкинских писем, размышления о личности Пушкина отразились — не могли не отразиться — и в художественном творчестве Куприна. Разыскания в этом направлении могут быть неожиданно плодотворными.

Однако фраза «когда-нибудь написать об этом и прочесть лекцию», свидетельствующая о серьезности купринских намерений, требует уточнения. Дело в том, что Куприн тогда уже знал, в какой форме и для какого издания он может осуществить свое намерение. Обратимся к переписке Куприна этого времени и некоторым косвенным свидетельствам и восставшим, насколько это возможно, обстоятельства и ход работы Куприна над пушкинскими письмами.

Можно довольно точно установить, что с письмами Пушкина Куприн познакомился в сентябре—ноябре 1907 г., когда он, работая над «Суламифью», жил в Даниловском под Устюжной в имении своего друга Ф. Д. Батюшкова.¹³ Возможно, тогда же в Даниловском возникло и желание как-то отозваться на них. Во всяком случае с этого времени начинается систематическая работа Куприна над текстами пушкинских писем — он делает заметки для себя, нумерует их согласно своей классификации и т. п. Об этом мы узнаем из письма Куприна к Ф. Д. Батюшкову от 4 февраля 1910 г. «Но скорблю неустанно, — писал он, — о потере томлика пушкинских писем с моими отметками, загибами и нумерацией. Судьба! Я этот томик украл из твоей деревенской библиотеки, переплел, возил два года с собой и — когда он стал для меня ценен и нужен — посеял его самым позорным образом».¹⁴

¹² А. Измайлов. У А. И. Куприна. Газ. «Русское слово», 1909, № 29, 6 февраля.

¹³ Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) — внучатный племянник поэта К. Н. Батюшкова, известный историк литературы, специалист по средневековой литературе, редактор русского отдела журнала «Космополис» (1897—1898), журнала «Мир божий» (1902—1906). Приват-доцент Петербургского университета (1885—1899), одновременно профессор Высших женских («Бестужевских») курсов (по 1904 г.). Вышел из университета в знак протеста против отдачи студентов в солдаты за участие в студенческих волнениях. Автор многих научных работ, а также книг «Критические очерки и заметки к современникам», «В. Г. Короленко как человек и писатель», воспоминаний и статей о Л. Н. Толстом, А. П. Чехове, В. М. Гаршине, В. Г. Короленко, А. М. Горьком, М. Г. Савиной, А. И. Куприне и других выдающихся представителях литературы и искусства. Принимал участие в деятельности Отделения языка и литературы Академии наук, член различных театральных и литературных обществ и комиссий («Литературного фонда» и др.). С Куприным сблизился в 1902 г. по совместной работе в «Мире божием».

¹⁴ А. И. Куприн. Письма к Ф. Д. Батюшкову. ИРЛИ АН СССР, РО, ф. 20, ед. хр. 15, 125ХС61, л. 197. — Куприн не оставлял надежды найти письма Пушкина и позднее, 18 февраля того же года, сообщил Ф. Д. Батюшкову: «Что касается писем Пушкина, то думаю, что оставил их в деревне. Писал Арапову (управляющий имением в Даниловском, — П. Ш.)

Как известно, Куприн постоянно делился с Ф. Д. Батюшковым своими замыслами и планами и, естественно, поделился и на этот раз. Найдя соображения и мысли Куприна относительно писем Пушкина заслуживающими внимания, Ф. Д. Батюшков, вероятно, и предложил ему принять участие в наиболее подходящем для данного случая издании — в шеститомном собрании сочинений Пушкина, выходявшем под редакцией С. А. Венгерова в серии «Библиотека великих писателей» в издательстве Брокгауза и Ефрона (СПб., 1907—1915), тем более, что, согласно плану издания, письма Пушкина предполагалось печатать в заключительных V и VI томах, работа над которыми находилась на самой начальной стадии. Сам участник венгеровского издания, Ф. Д. Батюшков, надо думать, рекомендовал Куприна и С. А. Венгерову в качестве автора статьи о письмах Пушкина. В начале 1909 г. было достигнуто предварительное соглашение с С. А. Венгеровым, и, как сообщает Э. М. Ротштейн в «Материалах к биографии А. И. Куприна», в первых числах марта того же года Ф. Д. Батюшков писал Куприну: «Если бы ты взял общую характеристику Пушкина по письмам, то детальный комментарий можно было бы поручить другому лицу...»¹⁵

Более достоверное свидетельство того, что Куприн должен был писать свою статью именно для шеститомного собрания сочинений Пушкина, находим в письме Куприна к И. А. Бунину. Поздравив И. А. Бунина с присуждением ему Разрядом изящной словесности Академии наук Пушкинской премии в половинном размере — вторая ее половина была тогда присуждена Куприну за первые 3 тома его сочинений, Куприн писал, предположительно в марте 1909 г.: «Кстати о Пушкине. Я хочу писать большую статью о Пушкине по его письмам. Не хочешь ли вместе? Венгеров просит статью о письмах Пушкина для издания Эфрона».¹⁶

Нельзя не обратить внимания на то, что еще на предварительной стадии работы Куприн испытывал некоторые затруднения объективного и субъективного порядка. Об этом свидетельствует не только то, что Куприн брал на себя только «общую характеристику» пушкинских писем, отказываясь от комментирования их, что вполне естественно для него как человека, не обладающего необходимой для этого филологической подготовкой. Одновременно он пытался облегчить для себя и «общую характеристику», предлагая И. А. Бунину соавторство.

Причины этого понятны. Прежде всего сам тип издания, в котором должна была появиться будущая статья Куприна, был необычен. Шеститомное собрание сочинений Пушкина, по замыслу его редактора С. А. Венгерова, должно было стать «своего рода пушкинской энциклопедией, где должно найти место все, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта». «Для осуществления плана издания, — писал он, — предполагается дать: 1) отдельные этюды о каждом моменте биографии поэта: род Пушкина, детство Пушкина, Пушкин в Лицее, период „Зеленой лампы“, Пушкин в Крыму, в Бессарабии, в Одессе, на Кавказе, в Михай-

об этом, но ты знаешь, какой он Тиходум Тиходумович?» (там же, л. 175). С ошибочной датировкой выдержка из этого письма, так же как и продолжение ее (наст. изд., стр. 117), мною напечатана в публикации: «Моя жизнь — Россия» (К 100-летию со дня рождения А. И. Куприна) в газ. «Известия» (Москва), 1970, № 212 от 8 сентября.

¹⁵ Э. М. Ротштейн. Материалы к биографии А. И. Куприна. В кн.: А. И. Куприн. Забытые и несобранные произведения. Пенза, 1950, стр. 299. — Э. М. Ротштейн не поясняет, что речь идет о собрании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова, а говорит о «вводной статье к сборнику писем Пушкина, выпускаемому издательством Ефрон». Источник, откуда приведена фраза Ф. Д. Батюшкова, не указан.

¹⁶ ЦГАЛИ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 133, л. 38.

ловском, Пушкин и декабристы, Пушкин и Николай I, женитьба, Пушкин при дворе, дуэль и т. д.»¹⁷

Правда, в заметке «От редакции» ничего не говорится о том, как будут представлены письма Пушкина и как предполагается осветить важную в изучении Пушкина проблему его эпистолярного наследия. Однако это не должно вводить в заблуждение. Заметка С. А. Венгерова датирована 1 декабря 1906 г., когда издание Пушкина только намечалось и еще не определился его характер, о чем свидетельствуют, например, изменения в структуре I и II его томов. Были трудности и другого порядка. Незадолго перед этим вышли одновременно два собрания сочинений Пушкина — под редакцией П. А. Ефремова и под редакцией П. О. Морозова, в которых отдельными томами были напечатаны письма Пушкина (ефремовское — не комментированное, морозовское — с примечаниями П. О. Морозова и В. В. Каллаша). В 1906 г. в издании Академии наук В. И. Саптовым был издан первый том переписки Пушкина (из задуманных трех). Все это, естественно, усложняло задачу С. А. Венгерова, и он предпочел умолчать о форме и составе томов с письмами Пушкина, тем более что их издание относилось на самые отдаленные сроки.

Как известно, в венгерском собрании сочинений Пушкина письма были прокомментированы П. О. Морозовым и Н. О. Лернером, в то же время отсутствует обобщающая статья или статья, рассматривающая хотя бы отдельные стороны и черты писем Пушкина, как это было сделано — в разной форме и с различной степенью выполнения замысла — по отношению к поэзии, прозе и критике Пушкина. Тем самым налицо отступление от принципа энциклопедичности и дублирование вышедших изданий (например, морозовского), что шло в разрез со взглядами на письма Пушкина самих же участников венгерского издания, как на «одну из самых блестящих, богатых идеями и мыслями книг в русской литературе».¹⁸

Этот факт по-своему красноречив. Он свидетельствует, с одной стороны, о том, что С. А. Венгеров учел возможности Куприна, поручив другим лицам комментирование и текстологическую подготовку пушкинских писем, с другой — о том, что до последнего момента редактор издания, по-видимому, не испытывал особой тревоги за судьбу купринской статьи, не заказывал ее другому лицу, хотя и имел такую возможность в случае, если у него появилась бы неуверенность в ее завершении, — среди привлеченных им в собрание сочинений Пушкина ученых для этого были вполне достойные авторы, например В. В. Сиповский и Е. А. Ляцкий, уже выступавшие с обстоятельными работами о письмах Пушкина.¹⁹

С. А. Венгеров, вероятно, знал, как идет работа Куприна, и то, что Куприн, судя по его письмам к Ф. Д. Батюшкову, начал собирание материала по статье в конце 1909—июне 1910 г., позволяло ему надеяться на появление ее в V томе (вышел в 1911 г.) или, в случае задержки, в VI томе собрания сочинений Пушкина (вышел в 1915 г.).

Безусловно, перед Куприным стояли немалые трудности. Особенно если учесть, что он не обладал достаточным знанием биографии Пуш-

¹⁷ С. А. Венгеров. От редакции. В кн.: Пушкин, т. I. «Библиотека великих писателей». Под редакцией С. А. Венгерова. Изд. Брокгауза и Ефрона, СПб., 1907, стр. III.

¹⁸ Н. О. Лернер. Проза Пушкина. В кн.: История русской литературы XIX в., т. I. Изд. «Мир», М., 1908, стр. 427.

¹⁹ Кстати говоря, никаких упоминаний о какой-либо статье о письмах Пушкина какого-либо другого автора не найдено нами также ни в материале по изданию собрания сочинений Пушкина, ни в переписке его редактора, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в архиве С. А. Венгерова (ф. № 377).

кина, его окружения, общественно-исторической и идейно-эстетической атмосферы, в которой жил и творил великий поэт. Осмысляя письма Пушкина в начале только в плане характеристики личности поэта, причем односторонне, Куприн вскоре понял, что этого было мало для статьи, предназначенной для собрания сочинений Пушкина. Его подход к письмам Пушкина расширился и усложнился, и Куприн начинает видеть в них те стороны и грани, которые касались общественных и социальных связей Пушкина. Об этом свидетельствует предположенный им Ф. Д. Батюшкову в цитированном выше письме от 4 февраля 1910 г. перечень вопросов, какие он предлагал осветить в задуманной им статье. «Все равно, — писал он, — в письмах я ориентировался отлично. Пушкин в молодости. П<ушкин> жених, П<ушкин> перед смертью... П<ушкин> в долгах, П<ушкин> издатель, П<ушкин> сотрудник... П<ушкин> влюбленный, П<ушкин> друг, П<ушкин> в тисках... П<ушкин> и Николай, П<ушкин> и Бенкендорф, П<ушкин> и великосветское общество. Тайна его смерти».²¹

Следует отметить, что Куприным четко и полно намечена проблематика пушкинских писем. Правда, им не выделены письма, в которых так или иначе затрагиваются вопросы творческого порядка, и мы не знаем, предполагал ли Куприн писать о художественном своеобразии писем Пушкина. Но высказывание Куприна не есть нечто законченное и совершенное. Это, так сказать, рабочая схема будущей статьи, и вряд ли Куприн, сам писатель, обошел бы эту сторону пушкинских писем.

Любопытно, что одновременно Куприн отнесся критически к существовавшим тогда изданиям писем Пушкина, с их традиционно-хронологическим и поадресатным расположением материала, принятым в собраниях сочинений Пушкина после 1887 г. Вот что он писал Ф. Д. Батюшкову во второй половине февраля 1910 г.: «Я опять с головой и ногами увяз в прелести исследования и конца не вижу. Должен сказать, что ни одна система опубликования пушкинских писем не годится никуда».²¹

Мы не знаем, какова причина столь решительного заявления. Появилось ли оно в результате общего знакомства с изданиями писем Пушкина или же отражало конкретные обстоятельства, например участие Куприна в обсуждении плана построения V и VI томов собрания сочинений Пушкина, что было не исключено для автора будущей статьи о письмах поэта? И не следует ли предположить, что Куприн видел в проблемно-тематическом делении писем Пушкина также возможную «систему» их публикации.

Куприн ознакомился с небольшим числом исследований о Пушкине — сборником «Русское богатство» (1899 г.), в котором его внимание привлекли статьи П. Ф. Гриневича (Якубовича) «Александр Сергеевич Пушкин», Е. А. Лядского «А. С. Пушкин и его письма» и В. А. Мякотина «Из пушкинской эпохи»; с книгой Л. Н. Майкова «Пушкин, биографические материалы и историко-литературные очерки» (СПб., 1899), а также «Записками» А. О. Смирновой-Россет, не зная еще, что это — подделка (части I и II, СПб., издание журнала «Северный вестник», 1895, 1897). Пользовался Куприн также академическим изданием переписки Пушкина под редакцией В. И. Саитова (СПб., т. I, 1906; т. II, 1908), которое оценивал очень высоко. «Нет ли 3-го тома Саитова (переписки)? — писал он Ф. Д. Батюшкову 10 мая 1910 г. — Прекрасное издание. Если ты его увидишь (если он жив вообще), передай ему мою признательность».²²

²⁰ А. И. Куприн. Письма к Ф. Д. Батюшкову, л. 197 (см. также примеч. 15).

²¹ Там же, л. 174.

²² Там же, л. 183 об. — Саитов Вл. Ив. (1849—1938) — историк литературы, библиограф. Третий том «Переписки Пушкина» (изд. Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Академии наук) вышел в СПб. в 1911 г.

Однако не ко всему, что изучал Куприн, он относился так восторженно. Любопытны, например, его критические замечания в адрес П. Ф. Гриневича (Якубовича) и Е. А. Лядского. «В „Русском богатстве“ ужасна статья о Пушкине и Якубовича, — пишет Куприн Ф. Д. Батюшкову 15 февраля 1910 г. из Риги, — он с ним полемизирует с такими же кривыми улыбочками, точно имеет дело с Чуковскийм. Не хватает только обычной унтер-офицерской вдовы. Лядкий жует гуммиластика. Это все не то».²³ Так же интересна и дальновидна его оценка «Записок» А. О. Смирновой-Россет: «В Смирновой трудно разобраться, — пишет он Ф. Д. Батюшкову тогда же, — никак не учесть, что наглано матерью и что прибрано дочерью. Однако и там кое-что можно изловить характерное».²⁴

Куприн, по-видимому, сознательно ограничивал себя в изучении литературы о Пушкине. Например, неизвестно, читал ли он работу В. В. Сиповского «А. С. Пушкин по его письмам», опубликованную в сборнике «Памяти Л. Н. Майкова» (СПб., 1902). Главным для Куприна были письма Пушкина. В изучении же их текстов им было сделано все возможное. Это чувствуется в том, что его не удовлетворяли довенгеровские, да и венгеровские тоже, издания Пушкина, где имелись пропуски и искажения текста, почему Куприн в одном из своих писем и просит Ф. Д. Батюшкова «достать» или «указать, где достать оду „Вольность“, „Гавриилладу“ и „Афейское письмо“» (т. е. письмо Пушкина к П. А. Вяземскому (по последним уточнениям — к В. К. Кюхельбекеру) за 1824 год из Одессы). Особый интерес Куприн проявляет к письмам адресатов Пушкина и ждет с нетерпением III том переписки Пушкина под редакцией В. И. Ситова. Изучая пушкинское окружение, он задумывается над проблемами, мало или почти не изученными в те годы, в частности над отношениями Пушкина и Лермонтова. «Посоветуй мне, — писал Куприн Ф. Д. Батюшкову, — где достать письма к Пушкину. Есть ли такие? Встречался ли он когда с Лермонтовым. Нет ли где-нибудь писем Гоголя и особенно Лермонтова о Пушкине? Нет ли вариантов лермонтовского „На смерть Пушкина“? Какие журналы почитать, где были бы веские воспоминания о Пушкине? Сейчас я на пути затыжной, запойной работы, как, помнишь, в Даниловском».²⁵

Не лишено основания предположение, что Куприн работал и над рукописями Пушкина, посетив в феврале—марте 1910 г. Московский публичный и Румянцевский музей (ныне Государственную библиотеку СССР им В. И. Ленина), а также владельца автографов Пушкина Э. П. Юргенсона, для ознакомления с подлинниками произведений и писем поэта.²⁶ Любопытно, что именно из Москвы Куприн сообщал Ф. Д. Батюшкову

²³ Там же, л. 199 об.

²⁴ «Записки» А. О. Смирновой-Россет вызвали разноречивые отклики и мнения сразу же после их появления в печати. Например, В. Мякотин в статье «Из пушкинской эпохи», которую знал Куприн, называя их «пресловутыми», писал о них: «Но в этих рассказах действительно явь перемешана с вымыслом». Фальсифицированный характер текста «Записок» был окончательно установлен в советское время.

²⁵ А. И. Куприн. Письма к Ф. Д. Батюшкову, л. 197.

²⁶ Сведения об этом содержатся в неопубликованных статьях Э. М. Ротштейна «Куприн о Пушкине» и «Куприн — Пушкин». Среди частных собраний, в которых работал Куприн, Э. М. Ротштейн называет также собрание Ф. Ф. Фидлера, с которым Куприн был знаком лично, и, бывая у него, возможно, ознакомился с хранящимся у него автографом отрывка из восьмой главы «Евгения Онегина» и рисунком Пушкина. В собрании Э. П. Юргенсона находящиеся следующие автографы Пушкина: «Подражание древним», «Запись о Д. В. Давыдове», «Запись в альбом А. Ваттемара» и строфа к стихотворению Д. В. Давыдова «Люблю тебя как сабли лоск».

6 марта 1910 г.: «Видел на днях Измайлова, он говорит, что таинственные манускрипты существуют у Лернера».²⁷

На этом заканчивается история неосуществленной статьи Куприна о письмах Пушкина. 29 мая 1910 г. Куприн писал Ф. Д. Батюшкову: «Не присылай мне больше пушкинских материалов. Все мне нужное уже имеется в майковском издании. Остается только III том Сaitова».²⁸ В дальнейшем никаких упоминаний о работе Куприна над его статьей не встречается. Почему же, изучив тексты писем Пушкина и выработав своеобразный — во многом верный — взгляд на них, собрав и осмыслив материал о жизни и творчестве поэта, он так и не написал ее? Думается, что одной из причин этого были житейская неустроенность и материальная нужда Куприна, особенно острые в эти годы, — жалоб на то и другое довольно много в его письмах этих лет. Куприн часто переезжает из одного города в другой, то в Гатчину и в Житомир, то в Ригу и Одессу, то в Даниловское, Петербург, Москву и опять в Одессу. Особенно донимала в эти годы Куприна зависимость от издателей. Он вынужден был писать много, наспех, комкая написанное, как например дорогой для него «Гранатовый браслет», чтобы «отработать» взятые авансы. Тяжело и медленно шла вторая часть «Ямы», уже проданная «Московскому книгоиздательству». Затягивались и усложнялись переговоры о выпуске собрания сочинений Куприна в 10 томах. Естественно, что все это мало способствовало написанию статьи о письмах Пушкина, которую надо было выполнить быстро, так как в 1910 г. уже велась деятельная подготовка к выпуску V тома сочинений Пушкина.²⁹ К тому же Куприн взялся за статью, не вступая в материальные отношения с С. А. Венгеровым.

Однако усилия, какие затратил Куприн на изучение Пушкина, не оказались напрасными. Личность и творчество великого поэта продолжают и дальше привлекать внимание Куприна. Вскоре после того, как мысль о написании статьи о письмах Пушкина, по-видимому, была оставлена, Куприн начинает работать над лекцией о Пушкине. В октябре 1910 г. он сообщил: «Вот еще готовлюсь прочесть лекцию о Пушкине и о „героическом“ в искусстве».³⁰ Такая лекция была подготовлена и прочитана им 28 апреля (11 мая) 1912 г. в Ницце.

Текст лекции Куприна до нас не дошел. Но, судя по газетным отчетам о ней, Куприн отступил — так же как и в работе над статьей — от первоначального замысла говорить только о личности великого поэта и расширил тему своего выступления, сопоставив деятельность Пушкина с деятельностью Петра Первого. «О самой лекции, — читаем мы в „Биржевых ведомостях“, — не приходится много говорить, так как и Куприн не сказал ничего такого, чего не было уже раньше опубликовано. Однако мастерское, живое изложение, расцветченное стихами Пушкина, своеобразная группировка фактов из жизни „обожаемого“ Куприным поэта, несколько неожиданные и хотя парадоксальные, но необычайно остроумные параллели, проведенные лектором между деятельностью Петра Великого и Пушкина, доставили большое удовольствие слушателям и способствовали шумному успеху лектора».³¹

²⁷ А. И. Куприн. Письма к Ф. Д. Батюшкову, л. 178. — Слухи о хранящихся якобы у Н. О. Лернера рукописях Пушкина, распространявшиеся в то время среди ученых и литераторов Москвы и Петербурга, оказались ложными.

²⁸ Там же, л. 184. — Имеются в виду кн. Л. Н. Майкова «Пушкин. Библиографические материалы и историко-литературные очерки» (СПб., 1899) и «Переписка Пушкина» под редакцией В. И. Сaitова (см. примеч. 22).

²⁹ Вышел в 1911 г. В нем опубликованы письма Пушкина 1815—1825 гг.
³⁰ Ал. Барон Штем. У А. И. Куприна. Журн. «Вестник», Симбирск, 1910, № 3, стр. 18.

³¹ —ов. Куприн в Ницце. Газ. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1912, № 12922, 5 мая.

Сам Куприн оценивал свое выступление иначе. 29 апреля 1912 г. он писал Ф. Д. Батюшкову: «Вчера я читал лекцию о Пушкине и, по моему, провалился».³² О содержании лекции и обстоятельствах, сопровождавших ее, писатель рассказывал А. А. Измайлову: «В Ницце пришлось выступить на вечере памяти Герцена. Я собрал немного публики — там вообще было уже не так много русских — и сделал невеликий вклад в фонд устроителей. Читал я о Пушкине, вернее, просто сказал те мои любимые мысли о Пушкине, какие мне давно хотелось изложить на бумаге. Но и на этот раз я этого не сделал, и, пожалуй, мне было бы теперя не совсем легко вспомнить даже нужные цитаты».³³

Расхождение оценок лекции самим писателем и корреспондентом «Биржевых ведомостей» объясняется не только тем, что Куприн всегда был невысокого мнения о себе как лекторе, но, возможно, также и тем, что на Куприна произвела неприятное впечатление закулисная игра вокруг его лекции. Куприн выступил в Ницце в пользу недавно учрежденной библиотеки имени Герцена, что, однако, вызвало недовольство русской колонии. Одна ее группа направила Куприну письмо с упреками, другая — потребовала выступить на ее вечере, третья (в их числе претендовавшее на аристократизм «Русское благотворительное общество» и черносотенный «Русский клуб») — решила бойкотировать лекцию.³⁴

Некоторые из «любимых мыслей» о Пушкине Куприн все же высказал печатно. В этом отношении интересны его статьи и заметки 1911 г. «Фараоново племя»,³⁵ 1916 г. «Вольная академия»³⁶ и «Чтение мыслей»,³⁷ в которых так или иначе затрагиваются проблемы, связанные с восприятием личности великого поэта и отношением к его творчеству. Например, в «Фараоновом племени», делясь впечатлениями о современной цыганской песне и говоря о ее роли в русском искусстве, Куприн останавливается на отношении Пушкина к цыганскому народному творчеству. О значении пушкинских традиций в развитии современной литературы и повышении морально-нравственного авторитета писателя в современном обществе говорится в статьях «Вольная академия» и «Чтение мыслей».

Поводом к написанию статьи «Вольная академия» послужило выступление редактора «Журнал журналов» И. М. Василевского (Не-буквы), ко-

³² ИРЛИ, РО, ф. 20, ед. хр. 15.125ХС61, л. 211. В кн. «А. И. Куприн о литературе» (стр. 237) опубликовано с ошибочно прочитанным текстом.

³³ Аякс (А. А. Измайлов). У А. И. Куприна. Газ. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1912, № 13131, 7 сентября.

³⁴ Более подробно об этом инциденте см.: —ов. Куприн в Ницце, газ. «Биржевые ведомости», веч. вып., 1912, № 12922, 5 мая. — О второй лекции Куприна о Пушкине, прочитанной 20 сентября 1916 г. в Пятигорске, известно меньше. Совершая, по предложению Ф. Я. Дюлидзе, поездку по Кавказу с лекциями о современной литературе, писатель встретился с артистом Мамонтом-Дальским и согласился выступить со «Словом о Пушкине» на Пушкинском вечере, на котором Мамонт-Дальский сыграл Дмитрия Самозванца в «Борисе Годунове» и прочел монолог из «Скупного рыцаря».

³⁵ «Синий журнал», 1911, № 38, 7 сент. Включена с исправлениями в Собрание сочинений А. И. Куприна в девяти томах (т. 9, Гослитиздат, М., 1964, стр. 496—503).

³⁶ «Журнал журналов», 1916, апрель, № 15, стр. 5. Включена в Собрание сочинений А. И. Куприна в девяти томах (т. 9, Гослитиздат, М., 1964, стр. 504—407).

³⁷ «Журнал журналов», 1916, май, № 20, стр. 5. В некоторых номерах заголовок: «Квартальный. Ответ на статью г. Лернера о Пушкинском кольце» (заголовки в оглавлении: «Голубой околыш»). Включена с исправлениями в Собрание сочинений А. И. Куприна в девяти томах (т. 9, Гослитиздат, М., 1964, стр. 508—510).

торый откликнулся на уже ранее обсуждавшийся в печати вопрос об учреждении в России Вольной академии в противовес Академии наук, как якобы занимавшей официальную реакционную позицию в литературе.³⁸

Куприн приветствовал идею Вольной академии. Однако его позиция была в этом деле своеобразной. Куприн, в противоположность И. М. Василевскому, не придавал Вольной академии универсального значения, считая, что «самый нужный и значительный шаг современной литературы»³⁹ состоит не в ней, а в возрождении традиций русской классической литературы, которая, пишет Куприн, «всегда была подвижнической» и которая «убедительно показывала, как живуч, силен и плодороден ослепленный народ», сумевший взрастить «на своем черноземе» Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других корифеев русской литературы, вплоть до Горького и Бунина.

Вольная академия, считал Куприн, должна была противостоять не столько Академии наук, сколько бульварно-обывательскому отношению к литературе, против чего он, как уже отмечалось, восставал не единожды. «Пусть о русском писателе, особенно современном, — писал он, — бог знает что болтает развязная критика и досужая обывательская сплетня. Пусть даже есть частица горькой правды в рассказах об их неуравновешенной жизни, об их личной зависти и ссорах, об их подчеркнутом стремлении к гонорарным интересам и т. д., но мы непоколебимо чувствуем, что в душе каждого одаренного художника слова живет и глубокое уважение к искусству, и бескорыстное признание чужого таланта. И какой бы это был пример — чуть ли не единственный в истории мировой литературы! — эта Вольная академия справедливости, скромности, теплой любви к своему призванию и своему труду».⁴⁰

Считая, что среди современных писателей «Нет еще пока ни Толстого, ни Достоевского», Куприн связывал будущее русской литературы с «молодой порослью писателей», «плеядой новых людей, страстных, искренних, с гибким и точным языком, с широкой образностью, с глубоким знанием так неудачно похороненного, недавно воскресшего быта».⁴¹

В своих статьях Куприн обнаружил знание биографии Пушкина и таких ее подробностей, которые свидетельствуют о специальном пристальном изучении ее. В «Фараоновом племени», например, описывается знаменитый нащокинский домик, судя по всему, по личным впечатлениям,⁴² цитируется письмо Пушкина к П. А. Вяземскому от 2 января 1831 г., приводятся факты о встречах Пушкина с московскими цыганами. Из «Вольной академии» мы узнаем о знакомстве Куприна с записками В. Дала о последних днях Пушкина.

С возражениями на статью Куприна выступил Н. О. Лернер, который, отметив ряд фактических неточностей, например путаницу в инициалах братьев Тургеневых, незнание о существовании нескольких пушкинских колец, повторил выдвинутые им еще в 1915 г.⁴³ обвинения в адрес Ку-

³⁸ И. М. Василевский (Не-буква). Вольная академия. «Журнал журналов», 1916, март, № 13, стр. 3. — Редакция обещала в одном из ближайших номеров опубликовать ответы на анкету по поднятому И. М. Василевским вопросу, что не было выполнено. Кроме статьи Куприна, других откликов в «Журнале журналов» не появилось.

³⁹ Слова И. М. Василевского (там же, стр. 3).

⁴⁰ А. И. Куприн, Собрание сочинений в девяти томах, т. 9, стр. 506.

⁴¹ Там же.

⁴² Нащокинский домик Куприн мог видеть в 1910 г. в Петербурге, где он демонстрировался дважды: в конференц-зале Академии наук и на Царскосельской юбилейной выставке, и в 1911 г. в Москве, в помещении Литературно-художественного кружка.

⁴³ Н. О. Лернер. Железное кольцо Пушкина. «Биржевые ведомости», утр. вып., 1915, № 14640, 29 янв. (11 февр.).

прина, якобы претендующего из-за тщеславных и честолюбивых побуждений на единоличное обладание «пушкинским кольцом».⁴⁴ Куприн отвечал Н. О. Лернеру в заметке «Чтение мыслей». Принимая упреки в неточности, он писал: «Каюсь. Винават в небрежности, торопливости, рассеянности и забывчивости. Винават тем более, что все биографические источники мне когда-то были известны. Просто мною овладела первоначальная изустная легенда».⁴⁵ В «Чтении мыслей» Куприным решительно отвергались, как «лживые» и необоснованные, слухи о каких-либо притязаниях его на владение пушкинским кольцом; не менее решительно он выступает против утверждения Н. О. Лернера о том, что, говоря словами Куприна, «никто из ныне живущих писателей не был бы достоин ношения пушкинского талисмана». «Никто? — продолжал он. — Предположим. — И теперешняя молодежь в будущем? — Допустим. — А еще более молодое, еще, может быть, не народившееся поколение? Или с Чеховым, к удовольствию г. Лернера, иссяк родник русских талантов? Нет, в это мы не верим. Иначе точка, тьма, отчаяние. . .»⁴⁶

Полемика между Куприным и Н. О. Лернером имеет, конечно, частный интерес. Однако нельзя не видеть, что в ней накануне революционных событий 1917 г. Куприн отстаивает и защищает идеи и мысли, очень важные и значительные, — о плодотворности пушкинских традиций для развития литературы, связывая ее расцвет с приходом в литературу нового поколения писателей. «Я верю, — писал он, — что где-нибудь, в мерзлом окопе или в развалившейся халупе, сидит он, никому еще не ведомый, еще не чующий своего великого призвания, но уже бессознательно пьет своими широко открытыми глазами и умным послушным мозгом все слова, звуки, запахи, впечатления. . .»⁴⁷

В годы эмиграции (1919—1937) Пушкин занял особое место в сознании Куприна: им писатель, по его словам, утолял свой «голод по Родине». «На первом плане у меня всегда и всюду Пушкин», — писал он в 1927 г.,⁴⁸ не уставая повторять о своей любви к великому поэту, ставя его в ряд величайших художников мира. «Как Вашу чудесную живопись, так и Вас всего, — признавался Куприн И. Е. Репину, — люблю я с наивной дикарской чувственностью. Так же люблю Пушкина, Толстого и Бетховена».⁴⁹

В 1925—1926 гг. Куприным была написана, вероятнее всего в связи с 200-летием со дня смерти Петра Первого, статья «Петр и Пушкин», в которой писатель возвращается к высказанной им в 1912 г. мысли об аналогии между деятельностью Петра Первого и деятельностью Пушкина.

Очень важное значение для понимания статьи «Петр и Пушкин» имеет эпитафия, по словам Куприна, из Герцена, но без указания, из какого произведения он взят: «Воздвнув Россию на дыбы, Петр загадал ей великую загадку. И Россия через 100 лет, ответила ему Пушкиным. (Герцен)».⁵⁰ Однако текста в такой редакции у Герцена нет — ему принадлежит только последняя фраза, причем измененная Куприным. У Герцена в ней гово-

⁴⁴ Н. О. Лернер. Кольцо Пушкина. По поводу статьи «Вольная анадемия» А. И. Куприна. «Журнал журналов», 1916, май, № 18, стр. 8—9.

⁴⁵ И. А. Куприн. Собрание сочинений в девяти томах, т. 9, стр. 508.

⁴⁶ Там же, стр. 509—510.

⁴⁷ Там же, стр. 507.

⁴⁸ «Возрождение», Париж, 1927, № 914, 3 декабря.

⁴⁹ А. И. Куприн о литературе, стр. 257.

⁵⁰ А. И. Куприн. Петр и Пушкин. В кн.: А. И. Куприн о литературе, стр. 54. При жизни писателя, по-видимому, не была опубликована. В Советском Союзе впервые напечатана в «Литературной газете», 1959, № 71, 6 июня, стр. 3 (публикация С. Брейтбурга и Н. Родионова) и в журнале «Дон», 1959, июнь, № 6, стр. 163—165 (публикация П. Усенко).

рится о своеобразии развития русского народа, который, по его выражению, «умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральной палкой казарменной дисциплины», «под гнетом крепостного состояния» и «в ответ на царский приказ образовываться — ответил через сто лет громадным явлением Пушкина».⁵¹ Начальная же часть эпитафии является, как в этом нетрудно убедиться, прозаическим переложением известного шестистишия из «Медного всадника» с его образом «мощного властелина судьбы», который «над самой бездной» «Россию поднял на дыбы»:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта? —

спрашивал автор поэмы, обращаясь к Петру Первому.

Куприн не случайно соединяет герценовский и пушкинский тексты, заменяя у Герцена слово «народ» словом «Россия» и сосредоточивая внимание на деятельности Петра Первого. Это позволяет высказать ему мысль о Пушкине, как выражение двух начал — не только народного, но одновременно и государственного. Пушкин, — как бы утверждает Куприн в своем эпитафии, — вот в ком и в чем оправдание титанических усилий Петра Первого по реорганизации России и всего того, что пережил русский народ в процессе петровских реформ.

Статья «Петр и Пушкин» является своеобразным продолжением и развитием мысли, заложенной в эпитафии. В ней, как бы вторым планом, идет речь о том, как же следует понимать этот «ответ» России, что означает он и каково его содержание. Другими словами, Куприн выдвигает вопрос о назначении поэта перед лицом истории и обстоятельств, обусловивших его появления, о способности и умении художника проникать в суть исторического явления. «Но и Пушкин, — начинает Куприн статью, — был, есть и будет единственным писателем, который мог своим божественным вдохновением проникнуть в гигантскую душу Петра и понять, почувствовать ее сверхъестественные размеры».⁵²

Конечно, Куприн справедлив только отчасти, считая Пушкина «единственным писателем», разгадавшим Петра Первого, и отказывая в этом литературе XIX — начала XX в. Правда, он делает исключение для неоконченного романа Л. Толстого о Петре Первом. «Можно было ожидать эпопею не менее, а может быть, и столь же прекрасную, как „Война и мир“», — замечает он.⁵³ Впрочем, Куприн будет неправ и дальше, когда скажет о Пушкине, в отступление от ранее сказанного им самим же, что он «один наново вспахивает и обсеменяет ниву изящного слова. Один без помощников».⁵⁴

Но нас не должны останавливать эти неточные и ошибочные высказывания — статья «Петр и Пушкин» не исследование. Для Куприна важно было быть не столько точным, сколько предельно сжато и выразительно подчеркнуть основную идею статьи — о сложности и противоречивости культурно-исторического процесса и историзме как высшем проявлении художественного дара. Вот почему Куприн не скупится на высказывания Пушкина о Петре Первом, которые, по его замечанию, свидетельствуют о «холодном уме» и проникновенности Пушкина, и приводит в доказательство известные слова великого поэта о разности между государственными учреждениями Петра и временными его указами, об отношении

⁵¹ А. И. Герцен. С того берега. ПСС в 30 томах, т. VI. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 17—18. Повторено почти дословно в статье «Россия» (там же, стр. 199—200).

⁵² А. И. Куприн о литературе, стр. 56.

⁵³ Там же, стр. 57.

⁵⁴ Там же, стр. 59.

Петра к народной свободе и просвещению, отмечает, как гениальную, способность Пушкина «улавливать те краткие, быстрые, как молния, черты, из которых создается истинная характеристика Северного Великана».⁵⁵

Задумывается Куприн также над тем, почему же именно Пушкину удалось «разгадать» и «угадать» Петра Первого, какие условия способствовали этому. И здесь писатель развивает мысль о «родственности натур» Пушкина и Петра Первого, высказанную еще И. А. Тургеневым в речи на открытии памятника Пушкину 7 июня 1880 г. В заключительной части статьи, обосновывая «параллельность судеб обоих великих людей», Куприн указывает на сходство их исторического предначертания и близость их характеров, пишет он о том, что Петр Первый, с одной стороны, «один несет на своих плечах все тяжкое бремя российской», а Пушкин, с другой — «один наново вспахивает и обсеменяет ниву изящного слова», что оба они, Петр и Пушкин, «никогда не перестают учиться». И Куприн еще раз подчеркнет зоркость Пушкина к «народному русскому языку» и в собирании «народных песен, поговорок, былин и сказаний», одновременно отметит стремление Пушкина быть постоянно на высоте достижений общественной и художественной мысли, сославшись при этом на библиотеку Пушкина, представляющую собою, по словам Куприна, «избранный экстракт европейской литературы», и на кратковременность «европейских» увлечений Пушкина, например Парни, Байрона и Вальтер Скоттом.

Не меньшее значение в исполнении «исторического предначертания» Петром и Пушкиным, по мысли Куприна, имело одинаково «ревностное» их отношение к своему труду, их «любовь» и «неустанность» в работе, их «упорность» и «прилежность» и даже стремление перемежать «свое творчество» «дерзким, безоглядным, порою скандальным веселием». В заключение статьи — и здесь Куприн не мог не удержаться от горечи — он отмечает одинаковую посмертную участь Петра Первого и Пушкина. «И в одном еще сходятся судьбы обоих великих людей, — пишет Куприн. — Увы, уже после смерти. Память обоих загрязнена непроверенной клеветой — участь героев».⁵⁶

Статья «Петр и Пушкин» подводит своеобразный итог многолетним размышлениям Куприна о Пушкине, достойно венчая одну из самых ярких литературных его привязанностей. Вся почти полувековая деятельность Куприна вдохновлялась идеями народности и демократизма, из них исходила и его страстная любовь к Пушкину, и писатель сделал все возможное со своей стороны, чтобы осуществить то, что с восторгом приветствовал, вернувшись в 1937 г. на Родину, — видеть Пушкина не на словах, а на деле подлинно народным, общенациональным поэтом.

П. Ширмаков

⁵⁵ Там же, стр. 58.

⁵⁶ Там же, стр. 60.

IV. ХРОНИКА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1970 г.

Важным событием года явилась выставка «Портреты декабристов, исполненные Н. А. Бестужевым» (собрание доктора искусствоведческих наук И. С. Зильберштейна). Выставка была открыта к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, который так высоко ценил подвиг декабристов. На выставке демонстрировалось 76 портретов, созданных декабристом Николаем Бестужевым в тяжелейших условиях каторги и сибирского поселения. Почти на всех портретах есть автографы декабристов, а на некоторых — дарственные надписи, адресованные художнику. Коллекция бестужевских портретов целиком выставлялась впервые. В минувшем году в музее состоялись два расширенных заседания Ученого совета (с привлечением музейных работников, деятелей науки, литературы, искусства, представителей прессы), на которых были заслушаны и обсуждены новые работы: И. Л. Фейнберга «Арап Петра Великого (новое о А. П. Ганнибале)», С. М. Громбаха «Примечания Пушкина к „Евгению Онегину“». Специальное заседание Ученого совета было посвящено теме «Ленин, декабристы, Пушкин», состоявшееся 6 июня, в день рождения Пушкина. С докладами выступили писательница Л. Б. Либединская — «Поездка по местам ссылки русских революционеров»; зам. директора по научной части Е. В. Муза — «Неопубликованные письма декабриста Н. А. Панова»; главный хранитель И. А. Гладыш — «Пушкин и декабрист И. Д. Якушкин».

На заседании Ученого совета было сделано сообщение о большом событии в пушкиноведении — находке неизвестного письма Пушкина к Д. Н. Гончарову, обнаруженного в ЦГАДА членами Совета содействия музея И. М. Ободовской и М. А. Деметьевым. С научным комментарием на заседании выступила Т. Г. Цявловская (см. наст. изд., стр. 8—13).

Кроме того, состоялось 10 открытых научных заседаний, большая часть которых была посвящена проблемам биографии и творчества Пушкина. Среди них нужно отметить доклад чл.-корр. АН СССР Д. Д. Благого «Последнее произведение Пушкина» («Последний из свойственников Иоанны Д'Арк»), в котором ученый убедительно доказывает, что это совершенно оригинальное произведение, а не перевод с английского; сообщение Т. Г. Цявловской о работе над изданием «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина»; доклады канд. ист. наук Н. Я. Эйдельмана «Пушкин и южные декабристы» и «Новые архивные находки» (материалы переписки Николая I с голландским королем Вильгельмом Оранским, проливающие свет на некоторые факты преддуэльной истории). Интересные сведения и факты содержались в докладе докт. ист. наук В. С. Виргинского «Пушкин и научно-технический прогресс».

Одним из главных видов работы музея в 1970 г. оставалась пропаганда и популяризация пушкинского творчества, организация вечеров с привлечением лучших артистических сил Москвы и других городов.

Состоялось 23 пушкинских чтения. В трех пушкинских программах принял участие народный артист РСФСР Д. Н. Журавлев. Одна из них

состояла из почти никогда не исполнявшихся произведений Пушкина «История села Горюхина», «Гости съезжались на дачу», «Был вечер у графини Р», «Участь моя решена. Я женюсь» и была подготовлена специально для музея. Отметим также работу заслуженного артиста РСФСР Я. М. Смоленского «Евгений Онегин». Композиция по роману «Евгений Онегин», и ранее читавшаяся в музее, теперь вылилась в первое сценическое исполнение полного текста романа. С интересной программой выступили также артисты театра Вахтангова «Когда постиг меня судьбины гнев» (Михайловское 1824—1826 гг., пушкинская лирика, воспоминания современников, переписка и служебные предписания).

На вечерах и концертах были отмечены юбилейные даты 1970 г.: 90 лет со дня рождения А. Блока, 100 лет со дня рождения И. А. Бунина, 200 лет со дня рождения Бетховена. Шесть программ, показанных в музее, были непосредственно связаны с ленинской темой. Было проведено 8 вечеров советской поэзии, среди которых особое внимание привлекли творческие вечера Павла Антокольского, Маргариты Алигер, Давида Культинова.

В 1970 г. фонды музея пополнились интересными дарами и приобретениями. Из материалов пушкинской поры наиболее интересны портреты знакомых и современников Пушкина — Е. К. Воронцовой (литография 1870-х гг.); М. С. и П. А. Олениных (фотография середины XIX в.); М. С. Воронцова (тушь, перо, 1847 г.); Н. И. Голицыной (акварельная копия 1830-х гг. с ориг. П. Ф. Соколова). Музею были подарены предметы прикладного искусства и убранства XVIII—XIX вв.: бюро красного дерева, принадлежавшее А. А. Фукс; туфельки А. А. Олениной (1820-х гг.), идущие от правнучки семьи Олениных; портсигар и футляр для записной книжки из семьи декабриста Давыдова; ряд предметов прикладного искусства из крестьянского быта XIX в.

Значительно пополнилось собрание советской изобразительной пушкинианы: свои работы подарили художники Б. Н. Гуцин, А. З. Иткин (портреты Пушкина), А. П. Могилевский (иллюстрации к «Сказке о царе Салтане») и др. Музей приобрел портреты Пушкина работы А. Кравченко, Л. По (скульптура), А. Ненашева; иллюстрации И. Старосельского, О. Гроссе, М. Зозули, Ю. Петросяна.

В минувшем году вышла в свет книга директора музея А. З. Крейна «Рождение музея», рассказывающая об истории его создания, построении экспозиции, формах пропаганды пушкинского наследия. Вышло сувенирное издание «Друзья души моей» (составитель — Е. В. Муза), а также 2-е издание альбома «Адресаты лирики Пушкина», дополненное и исправленное.

В газетах и журналах появилось несколько публикаций, принадлежащих научным сотрудникам музея: Е. В. Муза «И не забывайте друга и брата» (о неопубликованных письмах декабриста Н. А. Панова) («Литературная Россия», 25 декабря); И. А. Гладыш «Жар твоих речей» (о первом сборнике стихотворений Д. Давыдова) и «Портрет декабриста Горсткена» («Литературная Россия», 23 января, 15 апреля); С. Т. Овчинникова «Редкая находка» (о картине Н. Чернецова «Дарьяльское ущелье») («Вечерняя Москва», 21 января) и «Портретная галерея декабристов» (о выставке портретов работы Н. Бестужева) («Вестник» АПН, 19 мая); Е. В. Павлова «Тепло оленинского дома» (об имении Олениных Приютино, где часто бывал Пушкин) («Литературная Россия», 13 февраля) и «Прошу принять в дар...» («Пушкинский праздник», объединенный номер «Литературной газеты» и «Литературной России», 6 июня), а также «Дыхание пушкинской поры» (о новых поступлениях в фонды) («Вечерняя Москва», 31 октября), и др.

Еще в 1968 г. в музее началась работа со школьниками, факультативно изучающими жизнь и творчество Пушкина. Теперь музей уже имеет двухлетний опыт этой работы. В мае 1970 г. музей совместно с Центральным институтом усовершенствования учителей организовал бесе-

дование, посвященное содержанию и формам этой самостоятельной работы со школьниками. С учетом пожеланий учителей были разработаны циклы лекций по абонементам на 1970—1971 гг. Тематика лекций в минувшем году расширилась — сюда вошли и войдут новые лекции, приготовленные сотрудниками, — «Поэты пушкинской поры», «Пушкин в Москве», «Живой Пушкин» (по воспоминаниям современников), «Маленькие трагедии».

За год музей посетили 80694 человека. Проведена 1481 экскурсия, прочитано 140 лекций, состоялось 63 вечера (в музее и вне его).

Н. Винокур

ВСЕСОЮЗНЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА В 1970 г.

К столетию со дня рождения В. И. Ленина в музее открылась большая выставка «Поэт и время». Составленная целиком на материалах фондов музея, на экспонатах, имеющих большую художественную и историко-культурную ценность, значительная часть которых была выставлена впервые, выставка отправилась в далекий путь по городам Сибири. Около 200 экспонатов составили три раздела выставки. Первый — прижизненная изобразительная пушкиниана: ранние иллюстрации произведений поэта, его рисунки, виды России первой четверти XIX в. Здесь же большая коллекция портретов декабристов. Второй раздел раскрывал перед посетителем широкую струю пушкинского наследия в русской культуре XIX—начала XX в.: это и серия глубочайших картинок на темы произведений Пушкина, и многочисленные работы художников предреволюционной поры, в частности мастеров «Мира искусства». Третий, наиболее богатый и значимый, раздел включил в себя работы советского периода, принципиально нового и в пушкиноведении, и в изобразительной пушкиниане. Здесь были представлены Фаворский, Кузьмин, Рудаков, Кравченко, экспонировались многоцветные работы палешан, был показан ряд детских рисунков на пушкинские темы.

Выставка «Поэт и время» экспонировалась в семи городах Сибири. В марте — в далекой Чите, месте заточения первых русских революционеров, в Улан-Уде, Иркутске, Барнауле, Омске, Томске, Ялудуторовске. В декабре выставка открылась в Тобольске. За неполных девять месяцев работы выставку посетило во всех этих городах свыше 56 тыс. человек. Было проведено около 800 экскурсий, организованы литературные вечера, постоянное освещение работы выставки на радио, телевидении и в печати. В адрес музея и Министерства культуры РСФСР посланы многочисленные благодарственные отзывы советских, партийных и общественных организаций областей Сибири, Бурятского филиала АН СССР и др. Сотрудники музея, работавшие на выставке, получили несколько почетных грамот.

Другая выставка была подготовлена музеем совместно с Высшим художественно-промышленным училищем им. В. Мухомой. В основу ее легла коллекция живописи, графики, различных видов прикладного искусства — произведений, созданных художниками Ленинграда, нашими современниками: здесь и работы известных деятелей искусства, и дипломные работы выпускников училища. Выставка экспонировалась в подшефном Тосненском районе Ленинградской области.

Необходимо сказать о большом количестве литературных, литературно-музыкальных вечеров, вечеров-встреч с творческой интеллигенцией Ленинграда и Москвы, которые организовывались музеем в его литературно-монографической экспозиции, музее-квартире Пушкина, Пушкинском Доме культуры, Доме ученых и ряде Домов культуры и клубов пред-

приятый Ленинграда. Как и всегда, прошли традиционные вечера в памятные пушкинские даты. Музей принял самое непосредственное участие в подготовке и проведении пушкинского «Дня поэзии» в парках города Пушкина.

Расширилась в юбилейном году и лекционная тематика музея, в основе которой остаются традиционные темы: история коллекций музея, пушкинские музеи и пушкинские места СССР; лекции о жизни и творчестве Пушкина, литературе пушкинской поры, о декабристах читались в этом году в большем, чем ранее, количестве. Лекторский актив музея насчитывает сейчас 25 человек. В 1970 г. экспозиции музея, лекции и вечера, организованные музеем, посетило более 435 тыс. человек.

Музей начал готовить каталог основного собрания его фондов. Для этого разработана форма научного паспорта экспоната, которая, по всей вероятности, может быть принята всеми литературными музеями. Составлено первых 32 паспорта — полных и подробных описаний экспоната с научно-справочным аппаратом.

По материалам коллекций подготовлены и сделаны 16 научных докладов и сообщений как на научных заседаниях музея, так и на «Лицейских чтениях» 1970 г. и годовой научной конференции. В 1970 г. был завершен тематико-экспозиционный план большого раздела литературной экспозиции «А. С. Пушкин в русской, советской и мировой культуре (1837—1970 гг.)»; план передан творческой бригаде Художественного фонда РСФСР, с которым заключен договор на проектные работы по экспозиции.

Продолжалась работа над планами экспозиции мемориальных интерьеров Лицея, велась работа над проектами по внутреннему его оборудованию, продолжались поиски материалов для мемориально-бытовой экспозиции.

На основе архитектурно-археологических исследований в интерьере квартиры А. С. Пушкина определено точное положение бывшей здесь прежде двери из вестибюля дома в буфетную комнату. Казалось, что перестройка дома в 1910 г. уничтожила самую возможность такого определения. Однако ряд исследований, которые велись в 1961—1969 гг., приблизили к возможности более точно представить себе как внутренность квартиры Пушкина, так и архитектурные особенности дома Волконских. На основе тех же исследований, продолженных при ремонте музея, определен дверной проем в спальню комнате и на месте двери (также уничтоженной в 1910 г.) установлена накладная дверь, как бы завершающая анфиладу.

Материалы архитектурных исследований, архивных разысканий и критического анализа свода существующих источников по квартире А. С. Пушкина должны в ближайшие 2—3 года стать исчерпывающим корпусом сведений, на которых будет основываться проект полной мемориализации квартиры Пушкина и реставрации ее интерьеров.

Продолжал работу научно-методический семинар музея. За год проведено 24 занятия, подготовлены и приняты в работу три методических пособия по новой экскурсионной тематике.

Среди новых поступлений в музей интересны два рукописных альбома. Один из них, начала XIX в., из семьи Мятлевых; второй, по всей видимости, начала 30-х годов, содержит список пушкинских «Цыган». Интересны несколько гравюр А. Кравченко к «Пиковой даме», серия акварелей К. Рудакова к «Евгению Онегину», рисунки Т. Мавриной к сказкам Пушкина, несколько видов Петербурга 30-х годов XIX в. в акварельных рисунках Кольмана и Садовникова. Библиотека музея пополнилась пятитомным собранием сочинений Байрона 1817 г. и 50 томами сочинений Вольтера, изданными в 1785 г.

Г. Прошин

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

В 1970 г.

Как обычно в Пушкинском заповеднике (Псковская область) особо отмечались три даты: день рождения поэта, годовщина его приезда в Михайловскую ссылку и день его смерти.

10 февраля у могилы поэта состоялось памятное собрание, посвященное 133-й годовщине со дня его смерти. 14 февраля на вечер в Доме культуры в Пушкинских Горах с докладом «Пушкин и Грибоедов» выступил научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР канд. филол. наук С. А. Фомичев. Собравшиеся посмотрели новый фильм о Пушкинском заповеднике «Встреча с Пушкиным» (студия «Фильм-экспорт»). Поэтесса Лариса Васильева (Москва) прочитала свои стихи, посвященные Пушкину. В концерте приняли участие преподаватели и студенты старших курсов Ленинградской консерватории и артисты оперной студии Ленинградского дворца культуры им. Горького. На «Пушкинских чтениях» в лектории музея в Михайловском с докладами и сообщениями выступили: Н. М. Волович «Впечатления Пушкина о московской жизни», Т. Ю. Мальцева «Новые архивные данные о земельных владениях Ганнибалов на Псковщине», С. С. Гейченко «О восстановлении древней часовни на городище Савкино».

6—7 июня в Заповеднике происходил 4-й Всесоюзный пушкинский праздник поэзии. В Тригорском встречу писателей с экскурсантами, туристами и работниками Заповедника открыл директор Заповедника С. С. Гейченко. С чтением своих стихов и словами о Пушкине выступили Л. Татьяничева, В. Леднев, М. Дудин, Пуревдорж Дендевдин и Ширчинсурен Жаныгив (Монголия). Силами студентов Ленинградской консерватории был дан концерт.

Открывая народное торжество на центральной поляне Михайловского И. Л. Андроников говорил о притягательной силе поэзии Пушкина и о пушкинской теме в советской поэзии. От имени псковичей выступил секретарь Обкома КПСС Г. П. Веселов; с приветствием от Правления ССП выступил С. Сартаков. Свои стихи, посвященные поэту, читали Л. Опанин, Ю. Мельников, Л. Татьяничева, М. Дудин, М. Квливидзе, В. Леднев, Мустай Карим, посланцы Белоруссии, Армении, Латвии, Украины, Грузии, Узбекистана, Казахстана, Румынии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Польши, Монголии, Мексики, ГДР, Индии, Кубы, Перу. Президент Германо-Советского общества дружбы доктор Лотар Больц подарил Заповеднику бронзовый бюст Пушкина и фотокопию книги А. С. Пушкина, изданной в 1824 г. и хранящейся в Доме-музее Гёте: Директор Заповедника С. С. Гейченко подарил президенту общества картину художника Э. Я. Выржиковского «Святогорский монастырь и могила поэта». Поэты Г. Карандикар, М. Дудин, Л. Опанин, М. Карим, М. Борисова передали Заповеднику автографы своих стихов, читанных на празднике. Для участников праздника был дан большой концерт при участии хора Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской, хора псковского завода «Выдвигенец», хора Псковского культурно-просветительного училища. Выступили: народный артист СССР И. С. Козловский, артист Большого академического театра драмы им. Горького В. Репенгер и другие.

Редакции газет «Пушкинский край» и «Псковская правда» при непосредственном участии Заповедника выпустили специальные номера, посвященные «Всесоюзному пушкинскому празднику поэзии», а «Литературная газета» совместно с еженедельником «Литературная Россия» — специальный выпуск «Пушкинский праздник». «День поэзии» широко освещался в центральной и областной печати, транслировался по центральному радио, показывался по центральному телевидению.

На поле праздника состоялся большой книжный базар. По желанию покупателей на книгах ставился специальный штамп.

В этот день было продано свыше 50 тысяч книг. Художественная мастерская «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» изготовила ко «Дню поэзии» значок. В этот день музей Заповедника посетили 20 тысяч посетителей. Всего на пушкинском празднике присутствовало около 100 000 человек. (См.: Л. Бондина. России первая любовь. «Литературная Россия», 12 VI 1970 г.; А. Морозов. Все дороги ведут в Михайловское. «Псковская правда», 7 VI 1970 г.; В. Семенов. Пушкинский заповедник в советской поэзии. «Псковская правда», 7 VI 1970 г.; В. Штимов, К. Серебряков, Л. Токарев. Чудо совершенства. «Литературная газета», 10 VI 1970 г.; С. Гейченко. Бессмертие Пушкина. «Пушкинский край», 10 VI 1970 г.).

20—21 августа в доме-музее Тригорского состоялись традиционные «Пушкинские чтения», посвященные 145-й годовщине приезда Пушкина в Михайловское. В программе чтений были доклады и сообщения, с которыми выступили: канд. филол. наук М. И. Гиллельсон — «Заметки Пушкина о Е. Р. Дашковой», В. Э. Вацуро (ИРЛИ АН СССР) — «Пушкин и Бомарше», Г. И. Назарова (Всесоюзный музей А. С. Пушкина) — «„Новоселье“ А. Брюллова», Е. И. Гаврилова (Государственный Русский музей) — «Коллективная записка К. П. Брюллову», С. С. Гейченко прочитал главу, посвященную надгробию Пушкина из своей книги «У лукоморья». Также выступили докт. филол. наук Г. Ф. Турчанинов (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР) — «Султан Казы Гирей — корреспондент пушкинского „Современника“» и В. В. Крамер (Государственный Эрмитаж) — «С. Д. Полторацкий в борьбе за наследие Пушкина». В заключение состоялся концерт, данный силами московских и ленинградских артистов. На «Пушкинских чтениях» присутствовали гости из Москвы, Ленинграда, Киева, Таллина, Риги и других городов (см.: В. Курбатов. Два вечера в Тригорском. «Молодой ленинец», 27 августа 1970 г.).

В течение 1970 г. были осуществлены следующие реставрационно-восстановительные работы. В Тригорском восстановлен фруктовый сад на усадьбе Осиповых-Вульф. Этой работе очень помогли фотографии старого сада, погибшего много лет назад. Фотографии были получены Заповедником от Е. М. Пыпиной-Пальмовой, дочери последнего перед революцией арендатора Тригорского (см.: С. С. Гейченко. В садах Тригорского. «Пушкинский край», 7 июня 1970 г.).

Группа специалистов «Ленгипроводхоза» провела тщательное научное обследование Сороти, озер Кучане и Маленец и всех прудов в Михайловском, Тригорском, Петровском и Пушкинских Горах. Результаты обследования будут положены в основу проекта очистки этих водоемов, ныне находящихся в стадии заиления и высыхания. Проект будет закончен к 1972 г., после чего начнутся восстановительные работы. После уточнения рабочих чертежей проекта восстановления дома Ганнибалов в Петровском Псковская научно-реставрационная мастерская совместно с Заповедником продолжала работу по восстановлению этого исторического памятника. Параллельно велись работы по составлению плана экспозиции. Окончание восстановительных работ и открытие музея намечено на 1974 г.

Группа инженеров Министерства автомобильного транспорта в течение года работала над проектом объездной дороги, соединяющей Пушкинские Горы с Петровским. Был составлен проект сооружения окружной дороги вокруг поселка Пушкинские Горы, для того чтобы прекратить в районе Святогорского монастыря и могилы Пушкина движение всех видов транспорта и создать здесь зону полной тишины.

Работавшая в Заповеднике в течение последних четырех лет группа парководов и лесоводов Всесоюзного объединения «Леспроект» Министерства лесного хозяйства в 1970 г. закончила работу по всестороннему изучению парков Михайловского, Тригорского и Петровского. Ученым парководам удалось установить первоначальный облик отдельных частей парков. Подтвердилось предположение о том, что «Дуб уединенный»

в Тригорском является составной частью «солнечных часов» Тригорского (см. заметку А. Майстрова «Зачем был „Дуб уединенный“» — «Знание — сила», № 2, 1971 г.).

Весною 1970 г. на городище Савкино была восстановлена древняя часовня. Проект ее был разработан при участии художников А. А. Мыльникова, В. М. Звонцова и Ю. В. Васильева, архитектором Вс. П. Смирновым (Псковская научно-реставрационная мастерская).

Старинная часовня, которую видел еще в 1863 г. историк Костомаров, рухнула в начале XX в. В нашем распоряжении имеются две доку-

Часовня в Савкине (Пушкинский заповедник).

ментальные фотографии часовни, в том виде, какой она имела в конце своего существования.

Перед началом восстановительных работ были произведены раскопки места. Во время раскопок обнаружены старые опорные камни сооружения, старинные дверные петли, гвозди ручнойковки, фрагменты лампы из красной меди и большое количество глиняной керамики XV—XVI вв. Работая над восстановлением часовни, музей произвел тщательное обследование городища, сделал его обмеры. Было решено произвести более широкую археологическую раскопку городища осенью, пригласив для этого археологов Эрмитажа, производивших в 1969 г. раскопки на городище Воронич. Дирекция Эрмитажа командировала археолога В. Д. Белецкого, в течение многих лет возглавляющего раскопки в Пскове. Раскопки в Савкине дали совершенно исключительные результаты. Найдено свыше 3000 фрагментов древней керамики IX—XIV и последующих веков, бронзовые фибулы, браслеты, кольца, костяные амулеты, арбалетные стрелы, ножи, пряслица, серебряный «энколпион» и многое другое. На довольно значительной глубине найден древний сруб здания XII—XIII вв., гнездо землянки — несомненные следы «Михайловского монастыря с городища», о котором свидетельствует псковский летописец. Продолжение интереснейших раскопок в Савкине намечено провести в 1971 г. (см.: С. С. Гейченко. Из глубины веков. «Пушкинский край», 8 и 10 октября 1970 г.).

В течение года Пушкинский заповедник организовал несколько художественных выставок. Выставка «Пушкинские заповедные места Псковского края» была открыта в музее Берново Калининской области. В двух залах Тригорского была устроена персональная выставка произведений ленинградского художника Э. Я. Выржиковского «В Пушкинском заповеднике». В одном из залов Тригорского экспонировалась выставка «К 25-летию со дня победы над фашистской Германией» («Пушкинский заповедник в годы Великой Отечественной войны»). Функционировали открытые в предыдущие годы выставки произведений А. Н. Мищенко («Пушкинские места нашей Родины») и работ студентов-практикантов Института имени Репина («10 лет творческой практики в Пушкинском заповеднике»).

Большое место в работе Заповедника занимала массовая работа. Научные сотрудники Заповедника прочитали около 300 лекций и докладов о Пушкине и Пушкинском заповеднике во многих городах Советского Союза. Проведено 12 литературных пушкинских вечеров и 14 пушкинских чтений в школах и колхозах района.

Для народного университета культуры в поселке Пушкинские Горы проведен цикл открытых научных собраний с докладами о Пушкине и пушкинских музеях страны. Всего за год Заповедник посетило 11 207 экскурсионных групп, насчитывавших 306 994 человек.

В 1970 г. были изданы: Путеводитель по Пушкинскому заповеднику, составитель В. С. Бозырев (Профиздат); Краткий путеводитель, составитель С. С. Гейченко («Советская Россия»); Календари-сувениры с рисунками художника Маслакова (Лениздат) и календари-сувениры с цветными фото музеев и памятных мест заповедника художника Кассина («Планета»); краткие каталоги выставок художественных произведений А. Мищенко, Э. Выржиковского.

Массовым тиражом вышла серия барельефов-сувениров с изображением Пушкина и Арины Родионовны, серия офортов художника В. М. Звонцова «Пушкинский заповедник» и др.

Оргкомитетом Всероссийского смотра работы музеев за хорошую работу Пушкинский заповедник был награжден дипломом первой степени.

С. Гейченко

ПАМЯТНИК ПУШКИНУ В ГОРОДЕ МОНРО

Осенью 1970 г. в парке американского города Монро (расположенного в 40 милях от Нью-Йорка) состоялось открытие двух памятников — Пушкину и Шевченко. Бюсты писателей отлиты из бронзы и установлены на шестиметровых постаментах из полированного гранита. Памятники были привезены из Советского Союза в качестве символического дара народов Российской Федерации и Украины — американскому народу. Автором памятника Пушкину является народный художник Украины А. А. Ковалев (ему же принадлежит памятник Пушкину, установленный в Киеве). На торжества в Монро прибыло около 4 тысяч гостей из разных городов США (Нью-Йорк, Чикаго, Питтсбург, Детройт и др.), а также из Канады. Среди выступавших с речами были представители посольства СССР и США, Организации объединенных наций, Комитета американско-советской дружбы (подробности см.: Л. Базанов. Пушкин и Шевченко в Агровпарке. «Литературная газета», 1970, № 46, от 11 ноября; заметка «Создается международный парк культуры в г. Монро» в журнале «Иностранная литература», 1971, кн. 1, стр. 286).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Письмо Пушкина к Д. Н. Гончарову (первая страница). ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 269 (Стр. 8—9).

Письмо Пушкина к Д. Н. Гончарову (вторая страница). ЦГАДА, ф. 1265, оп. 1, № 3252, л. 269 об. (Стр. 8—9).

Воспоминания вел. кн. Ольги Николаевны о Пушкине. Фрагмент автографа. Штутгартский гос. архив. (Стр. 26).

Апофеоз Пушкина. Рисунок К. Брюллова. Гос. Русский музей. Отдел рукописей, ф. 31, ед. хр. 268. (Стр. 52—53).

Проект памятника Пушкину. Рисунок К. Брюллова. Гос. Русский музей. Отдел рисунка, № р-8016. (Стр. 52—53).

Часовня в Савкине (Пушкинский заповедник), реконструкция. Фотография 1970 г. (Стр. 131).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
М. А. Дементьев и И. М. Ободовская. Неизвестное письмо А. С. Пушкина к Д. Н. Гончарову (комментарий Т. Г. Цяв- ловской)	5
Н. Н. Петрунина. Новый автограф «Полководца»	14
Г. М. Воронцов-Вельяминов. Пушкин в воспоминаниях до- чери Николая I	24
Э. Г. Герштейн и В. Э. Вацуро. Заметки А. А. Ахматовой о Пушкине	30
Р. Ю. Данилевский. Пушкин и Кизеветтер	45
Е. И. Гаврилова. Пушкин и Карл Брюллов	51
II. ОБЗОРЫ	
В. В. Зайцева. Книги о Пушкине 1970 года	57
Я. М. Боровский. О переводах стихотворений Пушкина на ла- тинский язык	68
III. МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ	
А. Гляссе. Об источнике одной лицейской эпиграммы Пушкина	77
Д. М. Шарыпкин. Исповедь Финна в поэме «Руслан и Людмила»	79
Я. Л. Левкович. К творческой истории перевода Пушкина «Из Ксенофана Колофонского»	91
Г. М. Кока. Стихотворение Пушкина «Художнику»	100
П. П. Ширмаков. А. И. Куприн о Пушкине (Об одном неосу- ществленном замысле А. И. Куприна)	110

IV. ХРОНИКА

Государственный музей А. С. Пушкина в 1970 г.	125
Всесоюзный музей А. С. Пушкина в 1970 г.	127
Государственный Пушкинский заповедник в 1970 г.	129
Памятник Пушкину в городе Монро	132
Список иллюстраций	133

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
1970

*Утверждено к печати
Пушкинской комиссией Отделения
литературы и языка АН СССР*

Редактор издательства *К. Н. Феноменов*
Технический редактор *М. Э. Карлайтис*
Корректоры *Р. Г. Гершинская* и *А. И. Кац*

Сдано в набор 2/III 1972 г. Подписано к печати 15/VI 1972 г. Формат бумаги 60 × 90^{1/16}. Бумага № 2. Печ. л. 8^{1/2} + 2 вкл. (1/4 печ. л.) = 8,75 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 10.50. Изд. № 5119. Тип. зак. № 923. М-22141. Тираж 6000.
Цена 64 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
199034, Ленинград, 9 линия, д. 12